





31869

ГР. АГЕНОРЪ ГОЛУХОВСКІЙ

И

~~41145~~

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

ВЪ 1848 — 1859 ГГ.

написалъ

Ф. И. С.



ЛВОВЪ, 1901.

Издавiе О. А. Маркова.

Изъ типографіи Ставропигійского Института.

39

T

87128

31 8 69

~~41145~~

Чит

I. Сочиненіе д-ра Бр. Лозинского о гр. Агенорѣ Голуховскомъ.

Выходящій во Львовѣ яко литературное приложение къ „Газетѣ Львовской“ ежемѣсячникъ *Przewodnik naukowy i literacki* началъ съ марта 1900 г. печатати историческое розсужденіе д-ра Бронислава Лозинского подъ заглавіемъ: *Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich 1846—1859*. Личность гр. Агенора Голуховского занимаетъ въ новѣйшей исторіи Галицкой Руси выдающееся мѣсто, ибо онъ, яко административный начальникъ Галичины, государственный мужъ и политикъ вообще, посвятилъ значительную долю своей дѣятельности галицко-русскому вопросу и, благодаря вліянію, какое умѣлъ приобрѣсти въ высшихъ вѣденскихъ кругахъ, долго опредѣлялъ судьбу Галичины вообще, галицко-русского же населенія въ особенности. По той причинѣ сообщеніе новыхъ данныхъ для освѣщенія дѣятельности одного мужа возбуждаетъ любезнательность галицко-русской публики, ибо такимъ образомъ новѣйшая исторія Галицкой Руси получаетъ основнѣйшее и многостороннѣйшее поясне-

ніе. Именно же въ сочиненіи д-ра Бронислава Лозинского находимъ многоцѣнные указанія, на основаніи которыхъ отношеніе гр. Агенора Голуховского къ русской народности въ Галичинѣ можемъ сегодня изобразити въ вѣрнѣйшемъ свѣтлѣ, чѣмъ то было возможно до сихъ поръ.

Д-ръ Брониславъ Лозинскій былъ долгое время автономическимъ и потомъ политическимъ чиновникомъ и, яко начальнику президіального бюро въ львовскомъ намѣстничествѣ, ему были доступны тайны правительственные акты и документы, хранящіися въ архивѣ львовского намѣстничества. Находясь въ положеніи вышешого политическаго чиновника, г. Лозинскій могъ также узнати о личныхъ связяхъ и соотношеніяхъ гр. Агенора Голуховского и для того научный трудъ его имѣеть большую цѣву, чѣмъ все появившіяся до сихъ поръ статьи и мовографіи о графѣ Агенорѣ Голуховскомъ.

Д-ръ Брониславъ Лозинскій выражается неприклонно о старорусской партіи, славословить же при каждой случайности украинско-руськую партію и тѣхъ, которыи старорусской партіи ставили препятствія. Вслѣдствіе того его сочиненію недостаетъ того безпристрастія, якимъ должно отличатись строго научное изслѣдованіе. Однако, не смотря на то, трудъ его имѣеть большую цѣву, такъ съ причины обезродованія нимъ правительственныхъ документовъ, якъ и по поводу воспользованія историческою

литературою, относящеюся къ оговориваемымъ временамъ.

Главнымъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ повышенію гр. Агенора Голуховскаго въ чиновничей іерархіи и поставленію его во главѣ Галичины, было, по мнѣнію г. Лозинскаго, то, що гр. Агеноръ Голуховскій, будучи помѣщикомъ, владѣвшимъ имѣніями въ чортковскомъ округѣ, кончалъ юридическій факультетъ и поступилъ на правительственную службу въ характерѣ сверхштатнаго чиновника безъ жалованья. Такихъ *unbesoldete, überzählige* вскорѣ производили въ высшіи чины. И польская шляхта гордилась Голуховскимъ, ибо избрала его становымъ депутатомъ. Прослуживши нѣсколько лѣтъ въ должности комисара въ нѣкоторыхъ округахъ, гр. Голуховскій уже въ 1846 г. (на 34-омъ году жизни) былъ назначенъ совѣтникомъ львовской губерніи. Баронъ Кригъ, управлявшій тогда львовскою губерніею, представилъ его передъ вѣденскимъ правительствомъ яко челоуѣка „испытанной лояльности“. Не смотря на то, Кригъ не поручалъ Голуховскому въ губерніи ніякихъ важнѣйшихъ дѣлъ, ибо г. Лозинскій въ губернскихъ актахъ оного времени нигдѣ не нашель подписи Голуховскаго. Онъ участвовалъ лишь въ совѣщаніяхъ надъ отмѣною панщины, бывшихъ въ маѣ 1846 г., и тогда оба съ помѣщикомъ Маврикіемъ Краинскимъ дали свое *votum separatum* въ защитѣ помѣщиковъ. Гр. Голуховскій сталъ вліятельною личностью только тогда, когда

бар. Кригъ уступилъ изъ губернаторства Галичины и его мѣсто (въ 1846 г.) занялъ гр. Францъ Стадіонъ, относившійся (якъ утверждаетъ Бр Лозинскій) въ началѣ своего правленія недружелюбно къ галицкой иѣмецкой бюрократіи и покровительствовавшій польскую шляхту.

Гр. Стадіонъ привезъ съ собою изъ Триеста Іосифа Эттля, который яко совѣтникъ губерніи, разомъ съ двома другими совѣтниками, гр. Львомъ Туномъ (впослѣдствіи министромъ просвѣщенія) и гр. Агеноромъ Голуховскимъ, составилъ тріумvirатъ, производившій вліяніе на гр. Стадіона. То вліяніе вскорѣ обнаружилось, ибо въ дѣлѣ отмѣны панщины гр. Стадіонъ стануль на точку зрѣнія Голуховского и выслалъ въ Вѣднѣ пропамятное письмо, въ которомъ предлагалъ обратити вниманіе на желанія и выгоды шляхты. Дѣло панщины въ Галичинѣ еще не было рѣшено, когда изъ Вѣдня пришла вѣсть о мартовской революціи и броженіе охватило всѣ провинціи государства. Въ Вѣднѣ смѣнялись министры; послѣ уступленія Меттерниха президентомъ министерства сталъ Коловратъ, послѣ него вскорѣ Фикельмонъ. Точно въ пору, когда палъ Коловратъ со своими конституційными планами, пришла 7 апрѣля 1848 г. во Львовъ телеграфическая вѣсть, що вице-президентъ львовской губерніи бар. Филипъ Краусъ назначенъ министромъ финансовъ. Гр. Стадіонъ усмотрѣлъ на преемника бар. Крауса своего любимца гр. Голуховского. Въ относительномъ пред-

ставленіи, сдѣланномъ министерству, величаетъ гр. Стадіонъ Голуховского яко чело-вѣка „непоколебимой воли, соединенной съ спокойствіемъ духа, осанистого, безъ надменности, дояльного, энергичного и осторожного.“ Административныи способности заявилъ гр. Голуховскій — по словамъ Стадіона — яко начальникъ львовского магистрата; матеріальное его состояніе вполнѣ удовлетворительно, сверхъ того онъ считается вліятельною личностію въ провинціи. На томъ основаніи гр. Голуховскій былъ назначенъ вице-президентомъ намѣстничества 19 апрѣля 1848 г.

Гр. Стадіонъ оказывалъ тогда благо-склонность полякамъ. Въ своемъ докладѣ императору отъ 24 марта предлагалъ онъ всеобщую политическую амнистію для приговоренныхъ поляковъ, ибо „чувствами поляковъ можно овладѣти, накладая оковы, якъ въ Россіи, или доводя польскую націю не словами, а дѣломъ къ убѣжденію, що она, яко самостоятельное государство, не могла бы быти управляемою съ большою справедливостію, разумнѣйше и благотворнѣйше, що сверхъ того она имѣетъ большую выгоду отъ принадлежности къ великому государству, поступающему всередѣ съ духомъ времени.“ Въ докладѣ отъ 24 апрѣля Стадіонъ предлагалъ министерству допустить польскій языкъ яко преподавательный для нѣкоторыхъ предметовъ въ гимназіяхъ, лицеяхъ и университетѣ, сдѣлать польскій языкъ внутреннимъ языкомъ судовъ и политическихъ вѣдомствъ, упо-

требленіе же русскаго языка ограничити до обучанія на немъ въ начальныхъ школахъ.

Не смотря на благосклонность Стадіона къ полякамъ, послѣдніи посредствомъ депутаціи обвинили его передъ императоромъ и министерствомъ въ недоброжелательствѣ къ польской народности и требовали противъ него слѣдства. Когда Стадіонъ прочиталъ обвиненіе противъ себе (30 апрѣля), тогда — по жнѣнію Лозинскаго — возненавидѣлъ поляковъ и рѣшительно сталъ на сторону русскаго народа.

Не смотря на такую перемѣну въ чувствахъ Стадіона, гр. Голуховскій не потерялъ его благосклонности. Когда въ началѣ іюня императоръ пригласилъ къ себѣ Стадіона, якобы контрабандою проводимымъ письмомъ, Стадіонъ, уѣзжая 4 іюня въ Вѣдень, передалъ свою власть Голуховскому, застерегая себѣ лишь, що Голуховскій всѣ правительственныя распоряженія будетъ издавати съ согласія главнокомандующаго бар. Вильгельма Гамерштайна. Въ Вѣднѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, Добльгофъ, не зналъ, кто собственно управляетъ Галичиною. Гр. Стадіонъ настаивалъ, чтобы губернаторомъ въ Галичинѣ назначити Голуховскаго, однако польскіи послы наперли на Добльгофа, чтобы губернаторомъ поставилъ Вацлава Залескаго, который дѣйствительно сталъ намѣстникомъ въ концѣ іюля 1848 года. Смолька въ своихъ письмахъ, писанныхъ тогда изъ Вѣдня, называлъ Голуховскаго „кандидатомъ не-

симпатичнымъ для поляковъ, обязаннымъ своею карьерою лишь вызванію русскаго вопроса яко запора противъ польскихъ стремленій.“ *Gazeta narodowa* писала въ н-рѣ 100 отъ 25 августа, що первая мысль къ основанію „Русской Рады“ вышла отъ Голуховскаго и що Рада получаетъ отъ министерства ежемѣсячно 300 гульденовъ пособія.

Львовская революція отъ 1 и 2 ноября 1848 г. ниспровергнула Вацлава Залесскаго и политическимъ управителемъ Галичины (хотя съ начала безъ титула губернатора) сталъ опять гр. Голуховскій. Однако верховная власть въ провинціи осталась за главнокомандующимъ ген. Гамерштайномъ, получившимъ изъ Вѣднѣ тайныя инструкціи и наибольшее полномочіе отъ императора. Между Гамерштайномъ и Голуховскимъ возникли въ 1849 г. (во время перехода русскихъ войскъ черезъ Галичину въ Венгрію), недорозумѣнія, ибо Гамерштайнъ приказалъ арестовати всѣ тѣ лица, которыя русская полиція ему указала яко заподозрѣнные въ заговорахъ. Голуховскій выступилъ въ защитѣ своихъ земляковъ и обвинилъ даже Гамерштайна передъ министромъ Бахомъ въ самовольныхъ дѣйствіяхъ. Бѣрба между Голуховскимъ яко шефомъ политической администраціи края и главнокомандующимъ могла кончитися неблагополучно для первого, тѣмъ больше, що головная подпора его, гр. Стаціонъ, съ причины умственной болѣзни уступилъ изъ политическаго поприща и

министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ неприклонный Голуховскому Бахъ. Однако Гаммерштайнъ вскорѣ оставилъ мѣсто главнокомандующаго въ Галичинѣ и тогда Голуховскій сталъ осенью 1850 г. губернаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ. Ему удалось во время нѣскольkokратнаго своего пребыванія въ Вѣднѣ по служебнымъ дѣламъ, не смотря на неприклонность къ нему Баха, пріобрѣсти благосклонность императора и всей императорской семьи, особенно же архикнязя Кароля Людвига, расположеніе котораго пріобрѣлъ онъ себѣ во Львовѣ. По мнѣнію Лозинскаго, положеніе Голуховскаго было послѣ двократнаго посѣщенія императоромъ Галичины въ 1855 г. до того непоколебимымъ, що недоброжелательство Баха не могло го ниспровергнути.

Бахъ старался ограничити чрезмѣрное вліяніе Голуховскаго на дѣла Галичины посредствомъ нѣкоторыхъ довѣренныхъ чиновниковъ, между которыми первое мѣсто занимали бар. Калхбергъ, вице-президентъ намѣстничества и президентъ индемнизаціонной комисіи, и губернской секретарь, впоследствии же директоръ полиціи Іоакимъ Хоминскій. Предъ Калхбергомъ Голуховскій пряталъ правительственныя бумаги, когда выѣзжалъ изъ Львова, Хоминскаго же ненавидѣлъ онъ, якъ и прочіи поляки. Еще въ 1849 г., когда въ Вѣднѣ составляли комисію изъ мужей довѣрія и чиновниковъ для индемнизаціи и краевого статута и министръ Стадіонъ хотѣлъ опредѣлити въ составъ ея Хоминскаго — Голуховскій рѣ-

шительно воспротивился желанію министра, отмѣчая, що общественное мнѣніе противно Хоминскому съ причины 1846 года и польскіи делегаты не схотятъ съ нимъ участвовать въ совѣщаніяхъ. Нѣсколько лѣтъ потомъ Хоминскій, за протекцію Лера, поступилъ въ члены галицкаго хозяйственнаго Общества. Когда о томъ узнали польскіи патріоты, всѣ они вознегодовали и гр. Александръ Дѣдушицкій на ближайшемъ собраніи сдѣлалъ предложеніе исключить Хоминского изъ Общества. Правительство повляло на предсѣдателя Общества кн. Льва Сапѣгу, чтобы то предложеніе не ставилъ на дневной очереди, ибо Хоминскій самъ уступить... Хоминскій получалъ письма съ угрозами.

Голуховскій не жилъ въ ладахъ съ нѣмецкою бюрократією Галичины. Онъ старался замѣнить ю постепенно чиновниками польской національности, отмѣчая при одномъ и другомъ нѣмецкомъ субѣгателѣ о должность въ Галичинѣ, що не владѣетъ краевыми языками, съ чѣмъ министерство должно было сообразатись.

Во время своего пребыванія въ Вѣднѣ, Голуховскій представлялъ польскую шляхту яко стихію, имѣющую политическое значеніе и могущую принести большіи выгоды Австріи. Ту шляхту надобно прамирити съ австрійскою государственностію и тогда можно положиться на ея преданность престолу. Въ той цѣли нужно прежде всего отличити нѣкоторыи личности. Планъ, чтобы привлечь польскую шляхту на сторону

Австріи, былъ одобренъ въ Вѣднѣ и задача исполненія его возложена была на Голуховского. Точно тому обстоятельству былъ Голуховскій обязанъ своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ Галичинѣ. Для династіи было весьма важнымъ дѣломъ задобрить польскую шляхту, озлобленную на австрійское правительство за 1846 годъ и начавшую даже съ своими симпатіями клониться на сторону Россіи. Когда послѣ 1850 г. восточный вопросъ стануль на дневной очереди и разыгралась крымская война, вѣднѣйское правительство узрѣло себе вынужденнымъ еще больше заискивати у польской шляхты и къ тому могъ наилучше понадобится гр. Голуховскій. Въ томъ обстоятельствѣ лежитъ собственно причина, изъ за которой въ 1855 году, въ пору сильнѣйшого антагонизма Австріи и Россіи въ восточномъ вопросѣ, упрочилось положеніе Голуховского.

Брон. Лозинскій отмѣчаетъ, що Голуховскій въплнѣ отвѣтилъ возложенной на него задачѣ. Галицкая шляхта проникнулась симпатією для австрійской династіи и прійшла къ убѣжденію, що лишъ въ связи съ Австрією польская національность можетъ обезпечити свое существованіе. Доказательствомъ того есть слова, сказанныи Грохольскимъ къ императору, оставлявшему Галичину въ 1880 г. и прашавшемуся съ шляхтою: „При Тебѣ стоимъ и хотимъ стояти!“

Съ другой стороны воспользовался гр. Голуховскій внутренними и внѣшнимъ у-

сложненіями Австрії, щоби для своей національности добитись самыхъ большихъ выгодъ. Онъ устранилъ изъ Галичины нѣмецкую бюрократію и замѣнилъ ю польскою, онъ каждый разъ заступался за польскую національность, онъ содѣйствовалъ введенію польского языка яко преподавательного въ середнихъ и высшихъ школахъ, онъ сдѣлалъ польскій языкъ офіціальнымъ въ Галичинѣ, онъ боролся съ стремленіями русиновъ и не далъ русской стихіи розростись до такихъ размѣровъ, дабы она могла стати запорою польскимъ стремленіямъ. Изобрѣтателемъ „рутеновъ“, въ чемъ его обвиняли земляки въ 1848 г., онъ не былъ.

Такіи заслуги приписываетъ Броя. Лозинскій гр Агенору Голуховскому. Насъ интересуєть прежде всего отношеніе гр. Голуховского къ русинамъ, которое попытаемся изобразити на основаніи актовъ въ выше названномъ сочиненіи Б. Лозинского.

II. Былъ ли гр. Агеноръ Голуховскій изобрѣтателемъ „рутеновъ“?

Заявленіе галицкихъ русскихъ, що они принадлежать къ 15-миліонному „русскому“ народу, заселяющему восточную Галичину, сѣверо-восточную Угорщину, часть Буковины, Волынь, Подолію, Украину и часть конгрессовой Польщи, отмѣнному отъ „россіянь“, изумило австрійскихъ нѣмцевъ, галицкихъ же поляковъ прямо розсердило.

Нѣмцы, у которыхъ въ первой половинѣ 19 вѣка развились филологическіи и историческіи науки, якъ: языковѣдѣніе, этнографія и всемірная исторія, знали въ восточной Европѣ одинъ русскій народъ, частью котораго считались также австрійскіи русины. Даже галицко-нѣмецкая бюрократія въ Галичинѣ принимала до 1846 г. простонародныи говоры восточной Галичины, сѣверозападной Буковины и сѣверовосточной Угорщины за нарѣчія общерусскаго языка и по той причинѣ не пособствовала ихъ литературной обработкѣ и введенію въ школахъ, заслоняясь тѣмъ аргументомъ, що отъ пробужденія національнаго сознанія австрійскихъ русскихъ пострадалъ бы государственный интересъ. Когда же галицкіи русины сказали, що они не „россіяне“, а отдѣльный народъ, — нѣмецкіи либералы не досматривались въ новой національности ничего другаго, якъ лишь политической интриги, посредствомъ которой нѣмецкая бюрократія Галичины хотѣла побороти польскіи притязанія, австрійскіи же реакціонеры надѣялись успѣшнѣйше смиряти порывы либеральныхъ партій. „Рутены“, считавшіися орудіемъ реакціи, не были симпатичны нѣмецкимъ либераламъ.

Русины 1848 г. нашли однако сочувствіе у австрійскихъ славянъ, якъ чеховъ, словаковъ, хорватовъ и сербовъ. Заявленіе, що они хотятъ въ письменность ввести свое простонародное нарѣчіе, соотвѣтствовало духу австрійскаго славянофильства того времени, а такъ якъ русины 1848 г. по-

ставили сверхъ того славянскую взаимность своимъ девизомъ, то другіи славянскіи народности Австрія, за исключеніемъ поляковъ, могли лишь сочувственно отнестись къ галицко-русскому движенію.

Самую сильную поддержку получили русины отъ нѣмецкой бюрократіи Галичины. Мазурская рѣзня 1846 г. вызвала у галицкой шляхты крайнюю ненависть къ нѣмецкимъ чиновникамъ, считавшимся тогда въ очахъ поляковъ головными виновниками звѣрства польскихъ крестьянъ. Нѣмецкіи чиновники, имѣя дѣло съ подстрекнутою польскою интеллигенціею, принуждены были искати опоры у русскаго народа. Русины должны были теперь въ Галичинѣ возлѣ поляковъ выступити яко національность, пользующаяся тѣми же правами, щбъ и поляки, и мало того: въ восточной части Галичины они должны были быти господствующимъ элементомъ. Староста въ Вадовичахъ, Лозертъ, представляя въ 1850 г. кандидатовъ на должности въ восточной Галичинѣ, назвалъ ю въ официальныхъ актахъ „Рутеніею“, отмѣчая въ квалификаційной табелѣ при поодинокихъ кандидатахъ: auch für Ruthenien tauglich... Ректоръ львовскаго университета, д-ръ Тангль, представляясь съ профессорскимъ корпусомъ гр. Голуховскому яко краевому шефу въ началѣ 1849 г., сказалъ: „Львовскій университетъ со-всѣмъ сталъ нашимъ, т. е. галицко-русскимъ (ruthenisch) и лишь въ томъ смыслѣ есть онъ еще русско-нѣмецкимъ, що нѣмецкій языкъ лишь временно задержива-

ется яко преподавательный, пока галицко-русскій языкъ не усовершится до того, чтобы быти пригоднымъ орудіемъ высшихъ наукъ"... Главными покровителями галицко-русской національности были: бар. Кригъ, совѣтники намѣстничества Этмаеръ и Эмиггеръ, губернский секретарь Вольфартъ и майже всѣ нѣмцы-старосты.

Правленіе Метерниха въ Австріи (1810—1848) отличалось постояннымъ недовѣріемъ къ политикѣ Россіи, которое обстоятельство неблагоприятно отражалось на судьбѣ австрійскихъ русскихъ. Правительство Метерниха считало нецѣлесообразнымъ пособляти національное развитіе русиновъ, видя въ нихъ лишь часть общерусского народа. Когда послѣ 1846 г. нѣмецкіи чиновники задумали поднять галицко-русскую національность, то они должны были оправдати себе передъ вѣдѣньскимъ правительствомъ, що покровительствуя русинамъ, не дѣлають ущерба государственной пользѣ. Въ семъ обстоятельствѣ, по нашему мнѣнію, лежитъ причина, для чего русины 1848 г. провозгласили существованіе отдѣльной 15-миліонной „рутенской“ націи, отдѣльной отъ поляковъ и россіянъ. Вожди галицкихъ русскихъ 1848 г. дѣлали своимъ знакомымъ дружеское сообщеніе, що Стадіомъ имъ откровенно сказалъ: „Если вы такіи народъ, явя въ Россіи, то не розсчитывайте на помощь правительства"... И вдругъ стали столь умныи люди, якъ Яхимовичъ, Куземскій, толковати о отдѣльности „рутенновъ“ отъ россіянъ, Я. Головацкій прину-

ждень былъ въ вступительной лекціи на львовскомъ университетѣ говорити о отдѣльной малорусской національности и впоследствии стали появляться печатныя произведенія, отмѣчавшія различіе между малорусскимъ и великорусскимъ языками.

87128
 Щобы галицкіи поляки выдумали въ 1848 г. „рутенскую“ національность въ значеніи малорусской, на то не имѣется доказательствъ. Хотя въ Парижѣ кружокъ польскихъ эмигрантовъ, собранныхъ нѣкимъ Янскимъ, занимался украинскимъ литературнымъ движеніемъ и задумалъ придати ему національно-политическое знамя, галицкіи поляки остались сему начинанію чужды. Они на галицкихъ русскихъ смотрѣли изъ иной точки зрѣнія. Такъ какъ галицко русская интеллигенція была майже еся ополячена и даже униатское духовенство употребляло разговорный польскій языкъ, то галицкіи поляки считали русиновъ составною частью польской національности. Русинъ, отрицавшій свою принадлежность къ польской націи и разговаривавшій на своемъ родномъ нарѣчьи, былъ въ очахъ галицкого поляка измѣнникомъ, предателемъ Польши. По мнѣнію поляка, подлинный русинъ долженъ былъ называти себе: *gente ruthenus natione polonus*.

Когда послѣ мартовской революціи въ Вѣднѣ изъ всѣхъ провинцій стали сыпаться петиціи къ императору, львовскіи поляки составили 18 марта также адресъ къ императору съ просьбою о устраниеніи нѣмецкихъ чиновниковъ изъ Галичины,

введеніе „народовой гвардіи“, обучаніе на польскомъ языкѣ въ школахъ, признаніе польского языка офіціальнымъ во всѣхъ областныхъ урядахъ и т. д. Сего адреса не подписали питомцы львовской русской духовной семинаріи и многія другія русины. Львовскія русины составили 19 марта свой отдѣльный адресъ съ просьбою о допущеніе русиновъ къ правительственнымъ должностямъ, сровненіе уніатского духовенства съ латинскимъ, обнародованіе законовъ и правительственныхъ распоряженій на русскомъ языкѣ и обучаніе въ школахъ на русскомъ языкѣ. Требования русиновъ были такимъ образомъ о много скромнѣйшіи.

Выступленіе русиновъ въ значеніи отдѣльной отъ поляковъ національности возмутило послѣднихъ. Депутація ихъ, ѣздившая съ адресомъ въ Вѣдень, предложила министерству пространный меморіаль, въ которомъ обвиняла Стадіона въ различныхъ противностяхъ и посягательствахъ на польскую національность, между прочимъ въ взволнованіи населенія искусственнымъ возбужденіемъ польско-русского роздора. Поляки первыи назвали Стадіона изобрѣтателемъ „рутеновъ“, а гр. А. Голуховского его сообщикомъ. Когда вскорѣ гр. Голуховскій сталъ вице-президентомъ и затѣмъ шефомъ областного управленія, въ польскихъ кругахъ утвердилось убѣжденіе, що Голуховскій своею карьерою обязанъ изобрѣтенію „рутеновъ“. Поляки считали его даже виновникомъ возникновенія „Головной русской Рады“.

Кароль Видманъ въ своемъ сочиненіи: Franciszek Smolka, розказуетъ на стор. 245 слѣдующее: „Голуховскій, участвовавшій въ совѣщаніяхъ у гр. Стадіона о способахъ побориванія польской „Рады Народовой“ и польского національного движенія, предложилъ проектъ составить „Русскую народную Радую“ яко контръ-агитаціонное средство. Вѣсть о томъ перешла къ публицѣ черезъ несдержанность нѣкоторыхъ членовъ тѣхъ совѣщаній. „Газета Народова“ розгласила то, прибавляя, що источника указати не можетъ. Я узналъ о семъ отъ моего отца, который участвовалъ въ совѣщаніяхъ. Проектъ Голуховского былъ принятъ и исполнителями его были опять не русины, а нѣмцы. Во Львовѣ основалъ „Русскую Радую“ губернской совѣтникъ д-ръ Іосифъ Эмингеръ, въ Жолквѣ комисаръ Вольфартъ и т. д.; вообще вездѣ въ провинціи инициаторами русской агитаціи были чиновники, большею частью нѣмцы, или отступники польской и русской національности. Голуховскій, состоявшій однимъ изъ младшихъ губернскихъ совѣтниковъ, поднялся тогда весьма высоко. Стадіонъ призналъ его вымыселъ геніальнымъ, доставилъ ему чинъ вице-президента губерніи, и если бы не взяло верхъ вліяніе нашей депутаціи въ Вѣднѣ, въ частности же Смольки, Голуховскій, а не Залескій былъ-бы губернаторомъ послѣ уступленія Стадіона. Вообще отъ возникновенія галицко-русского вопроса начинается карьера Голуховского“.

Брон. Лозинскій опровергаетъ показанія Видмана, приводя то обстоятельство, що впоследствии Голуховскій былъ неукротимымъ врагомъ русиновъ, поборивалъ „Русскую Раду“ и ни одинъ изъ участниковъ „байрата“ Стадіона не упоминалъ о томъ фактѣ. Однако Видманъ не говоритъ, якобы совѣщанія о установленіи „Русской Рады“ велись на засѣданіяхъ „байрата“. „Байратъ“, т. е. собраніе нѣсколькихъ вліятельнѣйшихъ поляковъ и русскихъ, избранныхъ самымъ же Стадіономъ, чтобы ему помогали совѣтомъ — былъ открытъ 3 мая, а „Головная русская Рада“ основалась 2 мая. Также невѣрно, будто-бы возникновеніе „Головной русской Рады“ произошло къ авансу Голуховского въ вице-президенты. „Русская Рада“ возникла въ маѣ, Голуховскій же былъ назначенъ вице-президентомъ 19 апрѣля.

Не смотря на неточности въ показаніяхъ Видмана, крыется въ нихъ нѣкоторая доля правды. Правдою есть, що преимущественно нѣмецкіи чиновники давали починъ къ основанію „Русскихъ Радъ“. Правдою должно также быть, що Голуховскій, ровно какъ его сотоварищи по службѣ, участвовалъ въ вызовѣ русско національного движенія въ Галичинѣ. Если бы онъ того не дѣлалъ, то ніякъ не могъ бы думать о повышеніи въ чинахъ — о чемъ онъ несомнѣнно мечталъ, поступая на правительственную службу. Изъ адреса русиновъ отъ 19 марта и дальнѣйшого хода событій видно, що Стадіонъ, не смотря на

свою приклонность къ польской шляхтѣ, вте таки въ русинахъ хотѣлъ имѣти противовѣсъ прѣувеличеннымъ польскимъ требованіямъ. Голуховскій, возставая противъ русиновъ въ ту пору, былъ бы навлекъ на себе неудовольствіе Стадіона и своихъ сослуживцевъ; яко ловкій политикъ, онъ долженъ былъ всего того избѣгати и по той причинѣ выставлялъ на вядъ свое сочувствіе къ любимому у нѣмецкихъ чиновниковъ плану. Можетъ быти, що Стадіонъ въ русскомъ вопросѣ выдвинулъ Голуховского напередъ, чтобы роздраженіе поляковъ, которого могъ надѣяться, направити отчасти противъ поляка. Конечно, послѣдовавши затѣмъ дѣйствія гр. Голуховского доказываютъ, що онъ не былъ другомъ русского народа и дальнѣйшему его развитію ставилъ препятствія.

Моряцъ Сала, совѣтникъ губерніи и довѣренный бр. Крига, въ своей *Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846, Wien 1867*, такъ представляетъ начало возрожденія галицкой Руси: „Первыи слѣды возрожденія галицко-русской національности обнаружилась въ 1836 г. Когда краковско-галицкій союзъ карбонаріевъ соединился съ „Стоваржишеньемъ люду“ польского, пришла на дневную очередь одного изъ засѣданій верховного комитета во Львовѣ жалоба принятыхъ къ союзу питомцевъ гр. кат. духовной семинаріи во Львовѣ, роптавшихъ на то, що при наименованіи союза русская національность была пропущена. Комитетъ той

жалобы не принялъ и то охладило семинаристовъ для цѣлей союза. Сейчасъ послѣ того возникла въ гр. кат. семинаріи партія, которую поляки съ вѣкоторою злобою называли „россійскою“, задавшаяся роспространеніемъ галицко-рускаго языка среди семинаристовъ яко розговорного. Въ 1836 и 1837 гг. стали львовскіи семинаристы розговоривати по русски и подъ управленіемъ прежняго професора богословія въ львовскомъ университетѣ, впослѣдствіи ректора семинаріи Григорія Яхимовича, трудитись надъ великорусско-малорусскимъ словаремъ, въ которомъ имѣли изобразитись сходство и различіе обоихъ явыковъ. Тогда стали учитись исторіи Руси, Маркіанъ Шишкевичъ велъ полемику съ свящ. Іосифомъ Лозинскимъ, предлагавшимъ ввести латинскіи буквы въ галицко-русскую письменность, а свящ. Яхимовичъ защищаль въ отдѣльной брошурѣ юліянскій календарь, каноникъ Куземскій же выборолъ введеніе русской читанки въ народныхъ школахъ. Правительство смотрѣло на тѣ принаки жизни забытой національности съ недовѣріемъ и старалось найти скрытныи галваническій аппаратъ, производившій тѣ явленія. Правительство считало галицко-русскую національность давно обумершею“.

Директоръ львовской полиціи въ 1848 г., Сахеръ-Масохъ, въ сочиненіи *Polnische Revolutionen, Prag 1863*, ищетъ источника возрожденія галицкой Руси въ историческихъ воспоминаніяхъ, которымъ русины стали предаватись въ то время. „Древняя

Русь — говорить онъ — стояла высоко въ культурномъ отношеніи. Поэма „Слово о полку Игоревѣ“ превосходитъ Нибелунги и подобныя поэмы англичанъ, французовъ, итальянцевъ. Несторъ есть историкомъ въ полномъ того слова значеніи въ то время, когда на западѣ были лишь хроники. Несторъ выдержитъ сровненіе съ Тацитомъ и Тукидидомъ. Голуховскій искривилъ развитіе галицко-русского дѣла, вывихнулъ его австрійское направленіе. Хотя онъ былъ лояльный для Австріи, но онъ былъ шляхтичъ и врагъ русиновъ. Онъ испортилъ весь трудъ своихъ предшественниковъ по галицко-русскому дѣлу, въ чемъ ему въ роля злого духа помогала Евсевій Черкавскій“.

Воззрѣнія Стадіона на галицко-русскій вопросъ выражаетъ Oesterreichischer Lloyd н рѣ 59 за 1849 г. слѣдующими словами: „Мы съ нашей стороны чувствуемъ подлинное, неизмѣримое утѣшеніе, если кинемъ взоръ на великій народъ русиновъ, который въ памяти народовъ майже погибъ и теперь возсташи изъ смертного сна, въ которомъ находился въ продолженіи вѣковъ, приходитъ до національнаго сознанія и силы. Должно быти, въ томъ народѣ дремлетъ большая сила, если онъ отъ незапамятныхъ временъ въ самомъ тяжкомъ рабствѣ, какое лишь всемірная исторія знаетъ, стоналъ и не смотря на то сохранилъ силу и упругость, удивляющую міръ. То народъ будущности въ полномъ значеніи того слова, призванный отыграти

въ всемірній исторіи великую роль... То успокоиваетъ челоуѣколюбца, если онъ узнаеть, що на розвалинахъ древней рѣчи посполитой — которая на всегда исчезла не такъ вслѣдствіе насилія, якъ вслѣдствіе внутренней слабости и недостатка жизненныхъ силъ — поднимается народъ, призванный въ связи съ цивилизаціею западной Европы быти переднею стражею цивилизаціи на Востоцѣ. Чѣмъ Польша для Европы прежде должна была быти, тѣмъ будетъ теперь Рутенія... Въ связи съ польскимъ народомъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. съ польскимъ простонародіемъ, удасться русинамъ въ австрійской части давней Польши создати совершеннѣйшую противоположность древней Польши... Самымъ важнымъ изобрѣтеніемъ новѣйшого времени есть рутены, ибо имъ не второстепенная, а первая роль опредѣляется въ драмѣ, имѣющей разыгратись на восточно-европейскомъ театрѣ... Въ исторіи міра они еще молодой народъ. Хотя тотъ народъ лежить еще въ колыбели развитія, но онъ съумѣетъ познати и сдавити змѣю, свивающуюся около его леговища въ клубокъ”.

Замѣчательною есть статья въ *Gazet-ѣ krakowsk-ой* н-рѣ 2 за 1849 г. подъ заглавемъ: „Усилія интригантовъ, чтобы братьевъ русиновъ поссорити съ поляками“. Въ ней говорится: „Слово „рутены“ есть латинское и въ такомъ названіи русины не нуждаются, ибо они съ латинщиною ничего не имѣютъ общаго и имѣти не хотятъ. Для чего-же крестити русиновъ латинскимъ, а

не русскимъ именовъ? Вотъ для того, чтобы названіемъ рутеновъ отдѣлнті ихъ отъ великороссовъ, братьевъ одного поколѣнія. Такіи шутки уже изупотребились и ни къ чему не придадутся. Сегодня русины имѣютъ свѣтлыхъ мужей и ихъ національное чувство розвилось. Мы, яко правыи поляки и честныи люди, любимъ и почитаемъ нашихъ братьевъ русиновъ, а если есть между нами такіи, которыи питають вражду къ русинамъ, то они или измѣнники, или темныи люди, не понимающіи святости національныхъ правъ и не знающіи, що русины одного съ нами племени, отъ одной славянской матери. Въ виду того вы, галицкіи поляки! На святое имя общей славянской матери закликаемъ васъ: не имѣйте ни ненависти, ни зависти къ братьямъ вашимъ русинамъ, не дѣлайте имъ и себѣ кривды, отказуя имъ въ правахъ, Богомъ данныхъ каждому народу. Хотѣти брату отняти то, що его — есть преступленіемъ. То постыдно. Они стонали подъ игомъ нашихъ отцовъ, которыи имъ дѣлали кривду, мы должны милостію и братскою приклонностію вознаградити зло, причиненное имъ нашими предками“.

Иначе писала Polska въ 1848 г. Вотъ поодинокіи отрывки изъ н-ровъ 299—302: „Русины — то поляки греческого обряда; русскому духовенству принадлежитъ второе мѣсто послѣ латинского; Галичина польская земля; рутенскій („рускій“) народъ не существуетъ; русская исторія давно кончилась; если бы даже у русиновъ

были якіи права, то они просрочены; русиновъ поляки не угнетали, напротивъ, русины хотятъ кривду дѣлати полякамъ“.

На основаніи приведенныхъ нами данныхъ приходимъ къ слѣдующему заключенію: Національное сознаніе русскихъ галичанъ стало пробуждаться въ 1830-ти годахъ подъ вліяніемъ австрійскаго славянства и исторической науки, ставшей прививаться у русскихъ галичанъ. Австрійская администрація смотрѣла подозрительно на новое движеніе, ибо считала русиновъ настоящими русскими (Russen). Когда польская шляхта по причинѣ событій 1846 г. стала думать о изгнаніи нѣмецкихъ чиновниковъ изъ Галичины, послѣдніи ради спасенія своего быта принуждены были искати опоры у русского населенія и — щбы государственную политику расположити въ пользу русиновъ выдумали они „рутеновъ“, имѣвшихъ стати такимъ же забороломъ противъ Россіи, якимъ считались до оной поры поляки. Русины, видя, що инымъ путемъ не добьются присклонного расположенія правительства, согласились на поддаваемую имъ мысль. Голуховскій не желая навлечи на себе неудовольствія Стадіона, съ начала содѣйствовалъ плану его и тѣмъ возбудилъ противъ себе поляковъ, но по мѣрѣ того, якъ его положеніе упрочалось выступалъ все больше враждебно противъ русской стихіи.

Голуховскій впоследствии повалъ въ столкновение съ русинами по вопросу о роздѣлѣ Галичины, въ дѣлѣ экономическихъ

отношеній края и въ дѣлѣ развитія галицко-русскаго языка.

III. Роздѣлъ Галичины.

Мысль роздѣла Галичины на восточную и западную возникла въ первый разъ въ 1847 г., послѣ присоединенія Кракова къ Австріи. Правительство рѣшило, изъ взгляда на мятежный духъ населенія западныхъ округовъ и на надто долгое протяженіе Галичины отъ запада къ востоку, по причинѣ которой управленіе нею въ многихъ случаяхъ соединялось съ затрудненіями, роздѣлити ю на двѣ провинціи. Между прочимъ правительство надѣялось такимъ путемъ оберегти населеніе восточной Галичинѣ отъ язвы соціализма.

Императорскимъ рѣшеніемъ отъ 27 февраля 1847 г. было постановлено образовати изъ Галичины двѣ губерніи съ мѣсто-пребываніемъ губернаторовъ во Львовѣ и Краковѣ. По высоч. рѣшенію отъ 29 марта 1847 г. имѣли къ краковской губерніи принадлежати округи: краковскій, вадовицкій, бохенскій, новосандецкій, ясельскій, тарновскій, решовскій и сяноцкій. Прочіи округи съ Буковиною имѣли составлять львовскую губернію.

Точно тогда объѣзжалъ Галичину яко придворный комисаръ Рудольфъ Стадіонъ и предлагалъ рядъ административныхъ реформъ, якъ на пр. установленіе экспонированныхъ комисаровъ яко посредниковъ между доминіями и окружными властями. То обстоятельство принялъ канцлеръ гр.

Инцаги въ соображеніе и въ письмѣ къ львовской губерніи отъ 3 апрѣля 1847 г. заявилъ, що срокъ осуществленія роздѣла провинціи установится только послѣ оконченія всѣхъ къ сему необходимыхъ приготовленій. Отъ того роздѣла не должна пострадати цѣльность въ проведеніи мѣръ, предлагаемыхъ придворнымъ комиссаромъ гр. Рудольфомъ Стадіономъ. Одновременно затребовалъ гр. Инцаги отъ губернскаго президента бар. Крига цѣлого ряда изъясненій относительно вопросовъ, нероздѣльно соединенныхъ съ роздѣломъ провинціи, именно касательно: 1) роздѣла катастральныхъ и земельно-податныхъ дѣлъ; 2) роздѣла публичныхъ фондовъ; 3) роздѣла кредитнаго Общества; 4) роздѣла соймовыхъ становъ; 5) роздѣла епархій.

Бар. Кригъ, отвѣчая на выше поставленныя точки, отмѣтилъ, що касательно роздѣла катастральныхъ и земельно-податныхъ оператовъ не будетъ ніякихъ препятствій. Публичные фонды трудно будетъ роздѣлити и ихъ управленіе слѣдуетъ оставити во Львовѣ. Касательно роздѣла кредитнаго Общества нужно порозумѣтись съ членами его и соймовыми станами. Станы, т. е. соймъ будетъ трудно роздѣлити, ибо нужно въ такомъ случаѣ роздѣляти фонды и шляхетскіи метрики. Однако розбитіе становъ принесло бы пользу государству, ибо плотный таборъ шляхты роздѣлился бы и опасныи его сѣзды во Львовѣ прекратились бы. Два малыи собранія будутъ смиреннѣйшіи въ виду правительства. Вопросъ о роздѣлѣ

епархіѣ отерочити по причинѣ усложнен-
ныхъ отношеній краковской епархіѣ къ
Россіи, дабы русское правительство не вос-
пользовалось роздѣломъ во вредъ католи-
ческой церкви въ закордонной части преж-
ней краковской епархіѣ. Двѣ перемышль-
скія епархіѣ, латинскую и гр. кат., оста-
вити въ теперѣшнемъ ихъ состояніи, ибо
переведеніе рим.-кат. епископства въ Ре-
шовъ требовало бы громаднхъ издержекъ
и сверхъ того присоединеніе восточной ча-
сти рим. кат. перемышльской епархіѣ къ
львовской митрополіи увеличило бы и такъ
громадный ея объемъ. Учрежденію гр. кат.
епископства для нечисленнхъ приходовъ
западной Галичины не дадутся привести
ніякіи причины.

Въ Вѣдѣвѣ велись совѣщанія надъ до-
кладомъ бар. Крига, затѣмъ всѣ его реля-
ціи отослали во Львовъ губернатору гр.
Францу Стадіону. Франць Стадіонъ въ сво-
емъ докладѣ отъ 28 іюля 1847 г. заявилъ,
що такъ долго ничего рѣшительнаго о роз-
дѣлѣ Галичины сказати не можетъ, пока
не освѣдомится хорошо о отношеніяхъ про-
винціи. Пока-що отмѣчаетъ лишь сомнѣ-
нія, насувающіися въ виду необходимости
цѣльного переведенія административнхъ
реформъ въ провинціи (устройства новыхъ
административнхъ инстанцій вмѣсто ман-
датаріатовъ) и управльненія соціальнхъ
отношеній (дѣла панщины). Если бы нужно
было провинцію роздѣлити на двѣ части, то
обѣ губерніи должны оставатись въ управ-

ленія одного шефа — ради одноцѣльности администраціи.

На основаніи докладовъ бар. Крига и гр. Стадіона, императоръ издалъ 13 октября 1847 г. слѣдующее указаніе министерству: „Не есть моимъ намѣреніемъ, дабы рѣшенное уже разъ дѣло роздѣла на двѣ губерніи было отсрочено до окончательнаго проведенія начатыхъ административныхъ реформъ, напротивъ, слѣдуетъ въ силу моего постановленія отъ 29 марта с. г. все надлежащимъ способомъ приготовить, чтобы тотъ роздѣлъ, когда пору сочту удобною, безотлагательно осуществити. Гр. Стадіону нужно опредѣлити по возможности кратковременный срокъ до предложенія затребованнаго отъ него мнѣнія о будущей администраціи края, що однако не должно мѣшати безотлагательному предпринятію, независимо отъ оноу мнѣнія, приготовительныхъ мѣръ, якъ на пр. выбора помѣщенія новыхъ властей въ Краковѣ. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе вопросъ, въ якомъ состояніи должны въ будущности оставатись обѣ губерніи безъ ущерба ихъ самостоятельности, дабы съ одной стороны обезпечити согласное дѣйствіе въ общихъ и важнѣйшихъ областныхъ дѣлахъ, съ другой же стороны не поддавати ихъ подъ власть одного краевого шефа.“

Гр. Стадіонъ выслалъ въ Вѣдень требованное отъ него мнѣніе 12 ноября 1847 г. Въ своемъ докладѣ все таки онъ стоялъ на своемъ, що роздѣлъ провинціи будетъ соединень съ затрудненіями. Между иными

онъ писалъ: „Противъ составленнаго бар. Кригомъ подробнаго проекта роздѣла ничего не можно возразити, однако основаніе его есть совсѣмъ ложнымъ, ибо онъ не принимаетъ въ соображеніе будущихъ перемѣнъ въ административномъ устройствѣ. Согласное дѣйствіе обоихъ губернскихъ сенатовъ можно обезпечити лишь такимъ образомъ, если верховное ихъ управленіе поручится одному губернатору.“

Между тѣмъ было учреждено окружное политическое вѣдомство въ Краковѣ и бар. Вильгельмъ Кригъ сталъ старостою. Канцлеръ Инцаги въ письмѣ отъ 17 ноября 1847 г. къ Стадіону, извѣщая его о совершенномъ устройствѣ политической власти въ Краковѣ, прибавилъ, що въ Краковѣ ходять слухи, будто бы присоединеніе Кракова къ Австріи было временное и краковская республика будетъ возстановлена. Щобы отнати основаніе такимъ молвамъ, нужно уже разъ провести роздѣлъ Галичины.

Когда во Львовѣ обсуждали способъ исполненія приказа канцлера, вспыхнула въ Вѣднѣ революція и львовская губернія принуждена была заняться успокоеніемъ Галичины. Гр. Стадіонъ уѣхалъ въ Вѣдень и правленіе провинціи принялъ гр. Голуховскій. „Головная Русская Рада“ уже въ началѣ своего существованія убѣдилась, що для успѣшнаго развитія русской національности роздѣленіе Галичины на двѣ провинціи составляетъ необходимое условіе. Она составила въ началѣ іюня въ томъ духѣ къ императору просьбу, которую гр. Голу-

ховскій отослалъ 15 іюня въ Вѣдень, ссылаясь въ своемъ докладѣ на прежніи мнѣнія гр. Стадіона, т. е. що въ случаѣ роздѣленія Галичины обѣ части должны остаться подъ однимъ губернаторомъ. Когда „Русская Рада“ на свою просьбу не получила ніякого отвѣта, она внесла 17 іюля другое прошеніе къ министерству и воззвала окружныи „Рады“, чтобы собирать подписи за роздѣломъ Галичины и таковыи прямо отсылати въ Вѣдень. Одновременно поляки составили контръ-петицію противъ роздѣла провинціи и собирали для нея подписи.

Министерство не оставило русской петиціи безъ вниманія, приняло однако также и реляціи Голуховского въ соображеніе. Когда 30 іюля гр. Стадіонъ былъ уволенъ отъ должности губернатора, въ грамотѣ, назначающей Залеского губернаторомъ, находились слова: „Назначается губернаторомъ Галичины, включая краковскій округъ и Буковину, а на случай роздѣла провинціи на два губернскіи округи, также губернаторомъ Кракова“.

Начатое „Русскою Радою“ во Львовѣ дѣло розшевелило всѣ окружныи „Рады“ и русское населеніе Галичины; о немъ толковали часто на собраніяхъ и писались статьи въ „Зорѣ“ и вѣденьскихъ газетахъ. Одновременно поляки вели контръ-агитацію и даже ихъ священники изъ амвоновъ зывали свою паству протавитись убійственной по ихъ мнѣнію для польской національности мѣрѣ.

Въ концѣ октября 1848 г. львовская „Русская Рада“ выслала въ Оломунецъ М. Куземского и Іоанна Борисикевича, щобы по причинѣ прискорбныхъ событій въ Вѣднѣ въ первыхъ дняхъ октября (мятежа въ Вѣднѣ) увѣрити императора въ непоколебимой вѣрности галицко-русского народа для династіи и предложити желанія русского народа. Къ нимъ присоединились послы парламента: Григорій Шашкевичъ, Іоаннъ Ломницкій, Григорій Левицкій и крестьяне Василій Гарматъ и Андрей Дѣваковскій. Депутація получила аудіенцію 6 ноября. Въ ея просьбѣ на первомъ мѣствѣ стояла точка о „роздѣлѣ Галичины на двѣ области, русскую и мазурскую“.

Послѣ бомбардованія Львова (2 ноября), получилъ Залескій рескриптъ бар. Вессенберга съ приказомъ предприняти мѣры для усмиренія провинціи, между которыми поручалось ему безотлательно учредити отдѣльную губернскую комисію въ Краковѣ для западныхъ округовъ. Залескій исполнилъ тотъ приказъ, однако не безъ возраженія. Въ отдѣльномъ письмѣ къ министру онъ отмѣтилъ, що новая губернская комисія въ Краковѣ не имѣетъ точно опредѣленнаго круга дѣйствія, и взволнованное состояніе края вообще не благопріятствуетъ того рода административной реформѣ, якъ роздѣлъ провинціи на два губернскіи округи.

Иначе смотрѣли на дѣло русины. Они считали роздѣлъ Галичины головною основою дальнѣйшого успѣшнѣйшого развитія

своей народности. Въ засѣданіи „Головной Русской Рады“ 4(16) февраля 1849 г. былъ тотъ вопросъ предметомъ совѣщаній. Борискевичъ заявилъ въ своей рѣчи, що конституційная комисія державной думы въ Кромерижѣ противится роздѣлу Галичины, вслѣдствіе чего надежда русиновъ получить одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ національного развитія не можетъ осуществиться. Онъ предлагалъ, чтобы „Русская Рада“ избрала отдѣльную комисію, задачей которой было бы хлопотати о роздѣлѣ провинціи. Трещаковскій предложилъ, дабы на случай, если бы державная дума не согласилась на роздѣлъ Галичины, русскіи депутаты оставили Кромерижѣ. Русская Рада“ тѣхъ предложеній не приняла.

Кромерижская державная дума была розвязана 7 марта 1849 г. и одновременно правительство обнародовало новую, составленную нимъ конституцію отъ 4 марта 1849 г. По сей конституціи державная дума имѣла состояти изъ двухъ палатъ; каждая провинція получила свой отдѣльный соймъ, а судопроизводство и администрація должны были подвергнутись кореннымъ перемѣнамъ. Въ §. 83 названной конституціи были слова: „Всѣ конституціи поодинокихъ коронныхъ краевъ, входящихъ въ составъ государства, должны войти въ жизнь въ продолженіи 1849 г. и предложитись первому общему австрійскому парламенту, имѣющему собратись сейчасъ послѣ введенія провинціальныхъ конституцій.“

Такъ якъ новая государственная конституція должна была основываться на конституціяхъ поодинокихъ провинцій и быти ихъ завершеніемъ, то русинамъ предстоялъ теперь весьма важный вопросъ: довольствоваться ли однимъ галицкимъ соймомъ, въ которомъ они навѣрно были бы маіоризованы, или требовати для восточной Галичины отдѣльного сойма?

„Русская Рада“, сознавая серіозность положенія и видя, що на случай введенія одного галицкаго сойма русины не успѣли бы перевести ни одного своего предложенія, внесла 29 марта 1849 г. новую просьбу въ министерство, требуя роздѣла Галичины. Просьбу подписали о. Михайль Куземскій яко предсѣдатель и о. Михайль Малиновскій яко секретарь. „Многіи петиціи русиновъ и депутаціи ихъ — говорилось въ просьбѣ — подтвердили фактъ, що роздѣлъ Галичины по національному принципу на русскую (russinisch) и мазурскую часть лежитъ въ желаніяхъ всего населенія русинами заселенной части Галичины. Одно административное отдѣленіе шести западныхъ округовъ подъ управленіемъ краковской губернской комисіи не есть достаточнымъ средствомъ, чтобы удовлетворити тѣмъ желаніямъ, ибо русины требуютъ провинціальной самостоятельности русской части Галичины, чтобы она составляла отдѣльный коронный край и получила такіи права, якъ другіи провинціи. Поляки угнетаютъ русиновъ, мечтаютъ о революціи, разбитіи австрійскаго государства и воссозданіи

Польщи. Обстоятельство, що конституція отъ 4 марта 1849 г. не совсѣмъ ясно говоритъ: имѣеть ли галицко-русскій край составлять подъ названіемъ королевства Галичины и Владиміріи отдѣльный коронный край, отдѣльный отъ великаго княжества краковского и княжествъ Освятима и Затора; имѣеть ли тотъ край получить отдѣльную краевую конституцію съ отдѣльнымъ краевымъ соймомъ, или останется ли онъ въ общей провинціальной связи — произвело неудовольствіе среди всего галицко-русского населенія, що навѣрно не могло не обратити вниманія краевыхъ властей. Галицко-русскій народъ никогда не перестанетъ стремиться законнымъ путемъ къ раздѣленію Галичины, необходимому для спокойствія и порядка въ провинціи“.

Неудовольствіе, о которомъ говоритъ петиція „Русской Рады“, дѣйствительно охватило русское населеніе. Между прочимъ на пр. въ засѣданіи „Головной русской Рады“ во Львовѣ выступилъ Борискевичъ столь рѣзко противъ новой конституціи, не принявшей въ соображеніе раздѣла Галичины, що сейчасъ послѣ того засѣданія распространилась вѣсть о арестованіи Борискевича и розвязаніи „Русской Рады“. Угорскіи русины, узнавши о стараніяхъ галичанъ имѣти свою провинцію, выслали во Львовѣ при концѣ марта делегата, который извѣстилъ „Русскую Раду“, що Угорская Русь хочетъ отлучиться отъ Угорщины и присоединиться къ русской части Галичины. Онъ предлагалъ, дабы депутація

галичанъ разомъ съ представителями угророссовъ похлопотала о семъ дѣлѣ въ Вѣднѣ.

Стадіонъ, получивши петицію „Русской Рады“, послѣ долгого раздумья отправилъ 26 апрѣля на имя Голуховского рескриптъ, въ которомъ поручилъ Голуховскому заявити конфиденціально Куземскому, що законныя постановленія о конституціи Галичины и Владиміри и о политическомъ раздѣленіи края будутъ изданы послѣ точнаго розсмотрѣнія краевыхъ отношеній; спокойствіе провинціи и благо населенія могутъ лишь пострадати, если такіе вопросы, якъ раздѣлъ Галичины, не въ пору, преждевременно станутъ предметомъ публичныхъ споровъ и черезъ то возникнутъ жалобы, лишеныя позитивной основы, а поджигающіи страсти и причиняющіи правительству лишь затрудненія. Стадіонъ откликуется къ испытанной доляльности Куземского и внушаетъ ему, чтобы онъ предупредилъ невыгодныя для него пренія, повліялъ на успокоеніе галицко-русского населенія и скрѣпилъ его довѣріе къ правительству.

Стадіонъ пригласилъ въ Вѣднѣ мужей довѣрія изъ нѣкоторыхъ провинцій для составленія краевыхъ статутовъ. Въ самомъ скоромъ времени составлены были статуты для Нижней Австріи и Моравіи. Ихъ прислалъ Стадіонъ Голуховскому яко образецъ для составленія краевого статута для Галичины, давши при семъ Голуховскому нѣкоторыя указанія. Стадіонъ между прочимъ заявилъ желаніе, чтобы въ Галичинѣ

существовали двѣ соймовыи куріи, во Львовѣ и Краковѣ, по 140 пословъ въ каждой изъ нихъ, именно по 20 изъ городовъ, по 30 изъ найвыше оподаткованныхъ (помѣщиковъ) и по 90 изъ сельскихъ общинъ. Этмаеръ, шефъ краковской губернской комисіи, одобрилъ всецѣло проектъ Стадіона, однако Голуховскій требовалъ для найвыше оподаткованныхъ по 45 пословъ и сверхъ того выслалъ министру 9 мая реляцію слѣдующаго содержанія:

„Въ случаѣ роздѣла сойма на двѣ куріи, не можно будетъ удержати законодательную и административную одноцѣльность относительно дѣлъ, общихъ обѣимъ частямъ края, на пр. краевыхъ фондовъ, кредитнаго Общества. По той причинѣ объявляюсь противъ роздѣла сойма на двѣ куріи, ибо думаю, що въ томъ крыется дѣйствительный роздѣлъ края на двѣ отдѣльныи провинціи. Въ вещественномъ отношеніи я давнѣйше, якъ полагаю, достаточно обосновалъ свое мнѣніе, однако дѣло считаю до того важнымъ, що я долженъ привести еще одну причину. Такъ якъ краевыи конституціи составляютъ найважнѣйшую часть государственнаго законодательства и самое жизненное дѣло якъ для провинцій, такъ и для цѣлого государства, то я считаю своимъ долгомъ при обсужденіи галицкой конституціи обратити вниманіе не только на современныи отношенія, но также остановитись надъ тѣмъ, якъ по всякой вѣроятности политическое положеніе въ будущности можетъ уложитись. Выходя изъ

той точки зрѣнія, я принужденъ безъ обиняковъ выразити мнѣніе, що роздѣль сойма на двѣ куріи вмѣщаетъ въ себѣ фактичeskій роздѣль края на двѣ провинціи, значить польскую и русскую. Такій роздѣль я считаю, — не говоря о другихъ обстоятельствахъ — несоотвѣтственнымъ уже изъ взгляда на будущее уложеніе политическихъ дѣлъ въ русской части края. Поведеніе русской національности во время послѣднихъ замѣшательствъ и бѣдствій государства выказало ея привязанность и самопожертвованіе для императорского дома и государства. Ближайшею причиною сего явленія было чувство благодарности за полученную со стороны правительства опеку и за совершившуюся политическую эмансипацію русского народа отъ шляхты. Въ томъ лояльномъ чувствѣ духовенство утверждало свою паству и ему удалось достигнути цѣль, не смотря на противныя стремленія непріклонныхъ правительству партій. Русскому духовенству удалось привыти привязанность къ государству по той причинѣ, що то чувство естественнымъ образомъ пронстекало изъ выше приведенныхъ обстоятельствъ и що массы русского населенія, лишеныи всякого просвѣщенія, кромѣ правительства только своему духовенству заявляютъ довѣріе, слѣпо поддаваясь его проводу. Русское духовенство составляетъ дѣйствительно единственную интеллигенцію русского населенія. Несомнѣнно существуетъ однако причина той до сихъ поръ русскимъ духовенствомъ заявляемой лояльности передъ

правительствомъ, ибо безъ такой причины ничего подобнаго не случается среди политическихъ замѣшательствъ. Очевидно русское духовенство надѣется, що черезъ роздѣль Галичины на двѣ провинціи оно вырвется изъ теперѣшней своей низости въ виду латинскаго духовенства, приобрѣтая авторитетъ, вліяніе, значеніе и матеріальныя выгоды. Въ тѣхъ своихъ стремленіяхъ русское духовенство ждетъ содѣйствія со стороны русскаго населенія, которое есть не просвѣщенною стихією, но сильною, въ своемъ довѣрїи дающеюся легко правити и покорною. Однако при возростающемъ національномъ развитіи и успѣхахъ въ просвѣщеніи, сила и значеніе русскаго духовенства не могутъ быти постоянными, но должны уступить передъ политическими теченіями, направленными или къ соединенію съ польскою національністю, или — що вѣроятнѣйше — къ сближенію съ сродными народами подъ россійскимъ скипетромъ. Въ одномъ и другомъ случаѣ русская часть Галичины состояла бы очагомъ интригъ и политическихъ злоумышленій, которыя разомъ съ предполагаемымъ стремленіемъ къ соединенію всехъ малорусскихъ племенъ въ одно „рутенское“ государство, могли бы быти опасными для мира и дружескихъ отношеній къ сосѣднему государству, даже опасными для цѣлости Австріи, которая могла бы потерять провинцію. Що мой взглядъ не лишенъ основанія, можетъ правительство убѣдиться изъ просьбы „Русской Рады“ къ престолу, въ кото-

рой она, прибавляя къ своей просьбѣ также петицію духовенства и жителей русскихъ комитатовъ сѣверной Угорщины, просить о присоединеніе тѣхъ комитатовъ къ русской части Галичины и образованіе русской провинціи съ одною конституціею, однимъ законодательствомъ и одною правительственною властію. Въ настоящую пору нѣтъ еще основанія сомнѣваться въ лояльности и династической привязанности нынѣшняго поколѣнія русиновъ. Однако изъ упомянутого акта уже пробивается желаніе соединиться со сродными народами, а если бы та просьба была увзгляднена и русины скрѣпились черезъ развитіе ихъ національности среди нынѣшнихъ отношеній, когда у нихъ верховодитъ церковная іерархія, то въ такомъ случаѣ если не нынѣшнее, то несомнѣнно будущее поколѣніе обратилось бы къ живущимъ подъ російскимъ скипетромъ сроднымъ народамъ, чтобы съ ними образовати одноцѣльный могущественный государственный организмъ. Тогда, при успѣхахъ въ просвѣщеніи иматеріальной культурѣ, русская часть Галичины состояла бы очагомъ интригъ и замысловъ, имѣющихъ цѣлью сломити іерархическую силу духовенства и соединити выше названныя народы въ одно государство. Однимъ словомъ, о Рутенію могла бы возникнуть такая борьба, якая ведется отъ многихъ лѣтъ съ перерывами, но съ желѣзнымъ постоянствомъ о воссозданіе вольной и независимой Польши.“

Въ связи съ приведенною реляціею находится другій офіціальный актъ, высланный Голуховскимъ въ Вѣдень раньше, 28 апрѣля 1849 г. Тогда просила „Русская Рада“ императора о позволеніе образовати второй баталіонъ русскихъ стрѣлковъ противъ мятежныхъ мадьяръ. Голуховскій писалъ о сей просьбѣ „Русской Рады“ слѣдующее: „Не могу поминуть замѣчанія, що образованіе дальшихъ русскихъ баталіоновъ, подобаетъ считати впередъ непозволительнымъ, ибо я узналъ, що русины носятся съ невысказанною еще ясно и откровенно мыслью, увеличити свой корпусъ до 10.000 человекъ, надѣясь постепенно получить императорское соизволеніе. Не оскорбляя лояльности русиновъ, считаю однако тотъ шагъ надто смѣлымъ и даже опаснымъ для государства, чтобы позволяти безъ нужды увеличати корпусъ, оживленный національными стремленіями, ведущими вконцѣ къ сепаратизму — корпусъ, который считалъ бы себе вооруженною репрезентаціею населенія“... Голосъ Голуховского имѣлъ вѣсь и „Русской Радѣ“ отказали въ дальшемъ образованіи русскихъ баталіоновъ.

Противъ львовской „Русской Рады“ сталъ Голуховскій все острѣйше выступать. Стадіонъ, Залескій и Гамерштайнъ, считая ю представительницею галицко-русского народа, искали у нея совѣта и содѣйствія въ дѣлѣ сохраненія порядка въ провинціи, Голуховскій же началъ ю маловажити. Когда въ маѣ 1849 г., во время перехода русскихъ войскъ въ Угорщину, крестьяне

не хотѣли работати на поляхъ помѣщиковъ, Голуховскій самъ издалъ циркуляръ къ старостамъ, щобы наклоняли крестьянъ къ обдѣлцѣ помѣщичьихъ земель „Русская Рада“ почувствовала себе тѣмъ обиженною. Голуховскій оправдывалъ свое поведеніе реляціею въ министерство отъ 29 іюля 1849 г. слѣдующимъ образомъ: „Русская Рада“ начала заниматься политикою и различными дѣлами, доставляющими матеріаль для политики. Перемышльскій епископъ Яхимовичъ, бывшій на дняхъ у мее и у митрополита Левицкого въ Уневѣ, считалъ своимъ долгомъ обратити мое вниманіе на теперѣшнее состояніе „Русской Рады“, прибавляя, що въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій члены ея выступили способомъ оскорбляющимъ митрополита и що вообще „Русская Рада“ обсуждаетъ неприличнымъ образомъ дѣла, касающіеся церковной дисциплины и церковныхъ учрежденій. Причина зла лежитъ въ томъ, що „Русская Рада“ оставалась безъ соотвѣтственного надзора, ибо послѣ введенія осадного положенія во Львовѣ, главнокомандующій позволилъ ей имѣти засѣданія съ тѣмъ застереженіемъ, що на нихъ будетъ присутствовать ц. к. офицеръ. Не знаю, было ли доложено главнокомандующему о тѣхъ происшествіяхъ въ „Русской Радѣ“, но на всякій случай оно должно было дойти до его свѣдѣнія. „Русская Рада“ стремится къ такому авторитету въ виду правительства, дабы правительство ничего не могло сдѣлати безъ порозумѣнія съ нею. О изданіи выше упомянутого цир-

куляра (о панщинѣ) я нарочно не говорилъ никому изъ „Русской Рады“, а не говорилъ потому, що я хотѣлъ оставить за правительствомъ независимость и не хочу нѣкимъ образомъ „Русскую Раду“ признати государственнымъ учрежденіемъ. Она попадаетъ въ то же заблужденіе, въ которое передъ тѣмъ попала польская Народовая Рада, т. е. хочетъ правительство сдѣлать зависимымъ отъ себе. Въ томъ стремленіи поступаетъ она впередъ медленно, но послѣдовательно, выдвигая яко побудительную причину своихъ дѣйствій укрѣпленіе лояльности и вѣрности государству. Можетъ быть, що такъ есть дѣйствительно, ибо до сихъ поръ не было замѣчено ничего противоположнаго. Однако стремленія ея къ приобрѣтенію вліятельнаго авторитета не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію и отсюда могутъ произойти затрудненія для правительства, особенно въ такомъ случаѣ, если бы правительство отклонило проектъ роздѣла провинціи и образованія самостоятельнаго русскаго округа, къ чему стремятся русины. Между русинами обрѣтаются въ значительномъ количествѣ такіе, которые не соглашаются съ воззрѣніями „Русской Рады“ и преклоняются больше къ польской партіи. Прежняя польская Народовая Рада, которая озлоблена на правительство за ея розвязаніе, употребляетъ русиновъ послѣдней категоріи яко орудіе, чтобы посредствомъ нихъ вызывать неудовольствіе въ „Русской Радѣ“ и усилить его, особенно тогда, когда „Русская Рада“ по-

падаєть въ непорозумѣніе съ правительствомъ. Такіи отношенія могутъ имѣти неблагоприятныя послѣдствія, и по той причинѣ вознамѣряемое „Русскою Радою“ прекращеніе ея засѣданій (яко признакъ неудовольствія по причинѣ изданія мною циркуляра къ сельскому населенію безъ ея вѣдома) является не только пожеланнымъ фактомъ, но должно также послужити за предлогъ до ея розвязанія, или по крайней мѣрѣ до ея переустройства по постановленіямъ о Обществахъ. Если правительство согласится на такую мѣру, въ такомъ случаѣ ген. Гамерштайнъ долженъ отъ военного министерства получить соотвѣтственныя инструкціи.“

Жолковская „Русская Рада“ внесла въ министерство просьбу, чтобы въ правительственныхъ вѣдомствахъ гр. кат. священники поставлены были референтами для дѣлъ гр. кат. церкви. Голуховскій, подавая свое мнѣніе о сей просьбѣ, писалъ 27 августа 1849 г. министерству слѣдующее: „Жолковская „Русская Рада“ возникла въ бурное время 1848 г., когда вслѣдствіе соизволенія на основываніе Обществъ цѣлая ихъ сѣть покрыла Галичину. Определеніемъ „Русскихъ Радъ“ было, скрѣпити привязанность русскаго населенія въ августѣйшей династїи и къ правительству и разомъ охраняти національныя интересы русиновъ. Когда вслѣдствіе осаднаго положенія всѣ политическіи Общества были розвязаны и запрещены, военная власть позволила дальше существовати русскимъ

Обществамъ въ виду ихъ благоросположенія для стремленій правительства. Ихъ собранія происходятъ дальше при исключительномъ участіи русскихъ священниковъ. Такъ якъ имъ недостаетъ точно определенной программы ихъ дѣятельности и отношенія провинціи уложились мирно, „Русскіи Рады“ же всегда еще ищутъ предмета для своихъ совѣщаній, то нѣкоторые изъ нихъ, подъ предлогомъ защиты національныхъ интересовъ, вывлекаютъ на дневную очередь самыя разнообразныя предметы, якъ: отмѣну патроната, управильненіе платни дворскихъ робочихъ, жалобы общинъ на мандатаріевъ и т. д. По той причинѣ предлагаю розвязати всѣ существующіи въ Галичинѣ „Русскіи Рады“. То предложеніе онъ повторялъ ежемѣсячно. „Русскіи Рады“ имѣли однако покровителя въ головнокомандующемъ Гамерштайнѣ и только послѣ введенія абсолютизма прекратили свое существованіе. Къ слову будь сказано, що всѣ петиціи „Русскихъ Радъ“, отправляемыя въ Вѣдень, министерство обратно высылало во Львовъ Голуховскому, чтобы о нихъ давалъ свое мнѣніе.

Въ маѣ 1850 г. рознеслислы слухи, що въ Вѣднѣ идутъ совѣщанія надъ устройствомъ Галичины и що Голуховскій поѣхалъ туда, чтобы воспрпятетвовати ея роздѣлу. Львовская „Русская Рада“ готовилась выслати депутацію — но депутація не состоялась. вмѣсто нея русины помѣстили въ нѣмецкихъ газетахъ: Lloyd, Oesterr. Correspondenz и Reichszeitung нѣскольکو статей

въ защитѣ роздѣла Галичины. Въ Reichszeitung н-рѣ 135 писали они: „Русиновъ несправедливо упрекають въ панславизмъ; они защищаютъ себе отъ панславизма и полонизма. Самостоятельность „рутенского“ народа можетъ отрицати лишь грубое невѣжество или злоба. Существованіе „рутенского“ народа возможно лишь въ такомъ случаѣ, если существуетъ Австрія. Несчастливая судьба Австріи грозитъ „рутенамъ“ такимъ состояніемъ, въ яке попали ихъ соплеменники въ Россіи, т. е. сліяніемъ рутенизма съ россійщиною. Если бы дѣла приняла другій оборотъ и Польша была возстановлена, русины могли бы попасть въ прежнее печальное положеніе изъ передъ 1772 г. Гр. кат. духовенство въ Австріи есть лучше образованнымъ, чѣмъ благочестивое россійское. Не можно утверждати, будтобы подозрѣванія галицко-русского духовенства въ наклонности къ панславизму и къ Россіи были безосновными. Но чѣмъ сильнѣйшими будутъ себе чувствовати поодинокіи славянскіи народности, тѣмъ меньше они будутъ обнаружати наклонности къ панславизму.“

Подозрѣніе въ наклонности русиновъ къ панславизму происходило отъ галицкихъ поляковъ, которые въ Reichszeitung н-рѣ 137 яко одинъ изъ аргументовъ противъ роздѣла Галичины наводили то обстоятельство, що въ случаѣ роздѣла Галичины, въ русской ея части утвердится перевѣсъ гр. кат. іерархіи, собственно охлократи гр. кат. священниковъ, неприклонной правительству

и сочувствующей панславизму, собственно-мессковщинѣ. Сверхъ того поляки возражали, що роздѣлъ Галичины нарушаетъ гарантію, признанную польской національності вѣднѣскимъ трактатомъ 1815 г., которая обезпечиваетъ за ихъ національністю существованіе и свободное развитіе. Русины, желая добитись устройства отдѣльной галицко-русской провинціи, принуждены были увѣрять правительство, що они чужды стремленіямъ къ панславизму и павруссизму. „Галицкая Зоря“ (1850 г. стор. 292) утверждала, що поляки, упрекающіи русиновъ въ руссоманіи, сами въ 1846 г. выслали депутацію въ Петроградъ, учились великорусской граматикѣ, корчили изъ себе россіянъ и проповѣдали панславизмъ.

Совѣщанія министерства надъ устройствомъ Галичины, во время которыхъ Голуховскій пребывалъ большею частью въ Вѣднѣ, кончились въ началѣ сентябрю и относительный протоколъ былъ подписанъ 4 сентября 1850 г. министрами Шварценбергомъ, Краусомъ, Бахомъ, Брукомъ, Тинфельдомъ, Шмерлингомъ, Туномъ, Чоричемъ и Кульмеромъ. Министерское предложеніе гласило: „До 1849 г. сѣверныи склоны Карпатъ управлялись одною губерніею во Львовѣ; теперь есть кромѣ нея губернская комисія въ Краковѣ и довременная краевая власть въ Черновцахъ. Вся суть въ предполагаемомъ новомъ ихъ устройшеніи состоитъ въ томъ, чтобы новое устройство примѣнито къ постановленіямъ конституціи, особенно же ея §. 77 и найвысшого

постановленія отъ 14 и 16 іюля 1849 г. о политическихъ и судебныхъ властяхъ.

Примѣнительно къ §. 1 государственнаго державнаго закона, Буковина должна составлять отдѣльную провинцію, ибо того требуютъ историческіи, вѣроисповѣдныи и народныи ея особенности. Она должна быти устроена по образцу меньшихъ провинцій.

Касательно Галичины, министерскій совѣтъ противится ея роздѣлу на восточную и западную части, а то изъ взгляда на постановленія государственнаго основнаго закона, изъ взгляда на интересъ государства, благо провинціи и ея племенъ. Въ §§. 1—6 государственнаго основнаго закона нѣтъ основанія для роздѣла ея на двѣ провинціи, восточную и западную. Изъ вел. княжества Краковскаго, Освятима и Затора можно бы образовати отдѣльную провинцію; прочая часть составляла бы собственную Галичину. Однако такая мѣра не отвѣчала бы потребностямъ администраціи и не удовлетворила бы тѣхъ, которыи роздѣла желаютъ. Въ интересѣ блага и цѣлости государства и высшихъ политическихъ и стратегическихъ взглядовъ лежитъ, чтобы исполнительную власть въ сей провинціи сосредоточеніемъ скрѣпити, а не роздробленіемъ обезсилити; лишь крѣпкая сосредоточенная власть можетъ большинство жителей удержати въ привязанности къ государству. Въ пользу неподѣльности галицкой провинціи говорятъ: одинаковое состояніе культуры во всѣхъ ея частяхъ, одинаковое состояніе продукціи

и торговли, также географическіи и историческіи отношенія, общее законодательство, тождественность учрежденій и матеріальныи интересы.

Министерскій совѣтъ предлагаетъ считать королевство Галичины и Владиміріи съ вел. княжествомъ Краковскимъ и княжествами Освятимомъ и Заторемъ однимъ короннымъ краемъ, подѣленнымъ однако на три административныи округа съ президентами во главѣ, власть которыхъ будетъ обширнѣйшею, чѣмъ обыкновенныхъ старостовъ. Тотъ роздѣлъ на три округа послужитъ основаніемъ для устройства административныхъ и судебныхъ властей и для репрезентаціи населенія. Та репрезентація или соймъ будетъ такимъ образомъ состояти изъ трехъ курій, пользующихся вполнѣ правами краевыхъ соймовъ и собирающихся по правилу въ столицахъ административныхъ округовъ, въ Краковѣ, Львовѣ и Станиславовѣ. Каждая курія состояла бы изъ тѣхъ элементовъ, которые вѣрный и послушный министерскій совѣтъ указалъ во всеподданнѣйшемъ предложеніи отъ 29 декабря 1849 г. касательно краевыхъ статутовъ. Соображаясь однако съ состояніемъ населенія и его податною силою, слѣдуетъ значительный перевѣсъ признати депутатамъ сельскихъ общинъ по отношенію къ числу депутатовъ найвыше оподаткованныхъ и городовъ, равнымъ образомъ, якъ то сдѣлано въ Тиролѣ. Такимъ образомъ львовская курія состояла бы изъ 11 депутатовъ найвыше оподаткованныхъ (помѣ-

щиковъ), 11 депутатовъ изъ городовъ и 28 депутатовъ изъ сельскихъ общинъ — разомъ 50 членовъ. Краковская курія состояла бы изъ 14 депутатовъ найвыше оподаткованныхъ, 9 депутатовъ изъ городовъ и 35 депутатовъ изъ сельскихъ общинъ — разомъ 58 членовъ. Станиславовская курія состояла бы изъ 10 депутатовъ найвыше оподаткованныхъ, 8 депутатовъ изъ городовъ и 24 депутатовъ изъ сельскихъ общинъ — разомъ 42 члены. Названныи три куріи составляли бы репрезентативныи органы относительныхъ трехъ административныхъ округовъ. Для дѣлъ же, касающихся цѣлой провинціи, о которыхъ не послѣдовало согласное рѣшеніе во всѣхъ трехъ куріяхъ, также для законодательства, касающагося цѣлой провинціи, тѣ три куріи должны избрати центральный выдѣлъ, сами же куріи не должны никогда имѣти общихъ совѣщаній. Сверхъ того для улаживанія текущихъ дѣлъ долженъ во Львовѣ постоянно дѣйствовать другого рода центральный выдѣлъ изъ 15 членовъ, по 5 членовъ изъ каждой куріи. Сей краевой выдѣлъ улаживаетъ въ цѣломъ своемъ составѣ дѣла лишь цѣлого коронного края, дѣла же поодинокихъ административныхъ округовъ улаживаютъ отдѣльно, избранныи относительными куріями. Выше названный законодательный центральный выдѣлъ имѣлъ бы состояти изъ 33 членовъ, именно изъ 15 членовъ постоянного исполнительного краевого выдѣла и 18 членовъ, избранныхъ по 6 въ каждой куріи. Куріи собираются е-

жегодно, законодательный центральный выдѣлъ лишь по временамъ, въ случаѣ необходимости. Краевыи законы, имѣющіи предклататись высочайшей санкціи, могутъ происходить двоякимъ способомъ: или всѣ три куріи примуть согласное рѣшеніе, или ихъ постановляетъ законодательный выдѣлъ, если того затребуютъ двѣ куріи. Окружныи законы, имѣющіи также получить высочайшую санкцію, рѣшаетъ курія. При роспредѣленіи дѣлъ краевого и окружного законодательства имѣетъ соблюдатись тотъ принципъ, щобы уровнити и примирити противоположныи стремленія племенъ и частей края и охранити каждый округъ передъ маіоризаціею черезъ другіи округи въ дѣлахъ, касающихся исключительно его.“

Предложеніе министерскаго совѣта разомъ съ краевымъ статутомъ и выборовою ординаціею подтвердилъ императоръ 29 сентября 1850 г. Краевый статутъ отъ 29 сентября 1850 г. постановлялъ въ §. 1, що королевство Галичины и Владиміріи съ вел. княжествомъ Краковскимъ и княжествами Освятимомъ и Заторомъ составляютъ одинъ коронный край, въ §. 4 же опредѣлялъ, що польская и русская народности, ровно якъ и другіи племена, должны пользоваться равноправностію и ненарушимою свободою для сохраненія и развитія своей національности и своего языка. По §. 9 краевыми дѣлами, имѣвшими рѣшатись или черезъ согласіе всѣхъ трехъ курій, или черезъ центральный законодательный выдѣлъ, бы-

ли признаны: краевая культура, общіи постройки на средства цѣлаго края, благотворительныя заведенія, краевое имущество, краевыя податки, краевой кредитъ, краевыя издержки, общины ни дѣла, церковное и школьное дѣла, подводы, продовольствіе и постой войска, и другія дѣла, опредѣленныя державною властію къ кругу дѣйствія соѣмовъ. Окружными дѣлами, имѣвшими рѣшиться въ поодинокихъ куріяхъ, были признаны: культура округа, дѣлежъ и комасація крестьянскихъ земель, орошеніе и осушеніе земли, дороги округа, водныя постройки и публичныя зданія округа, благотворительныя заведенія, содержаемыя на средства округа, дѣла нищихъ, общинныя, церковныя и школьныя дѣла округа, продовольствіе и постой войска, бюджетъ округа, контроль надъ исполненіемъ государственныхъ законовъ съ правомъ предлагати жалобы на чиновниковъ губернатору и министерству.

Кругъ дѣйствія исполнительнаго краевого выдѣла обнимаетъ: Подѣлать нужныя для засѣданій курій приспособленія и стараться о помѣщеніи якъ курій, такъ и ихъ вѣдомствъ и органовъ, собирать и предлагати матеріалы для совѣщаній курій, доводити до свѣдѣнія губернатора и министерства нужды населенія, давати на требованіе намѣстника свое мнѣніе о краевыхъ отношеніяхъ, управляти краевымъ имѣніемъ и долгами края, вести надзоръ надъ чиновниками и службою краевыхъ репрезентацій. Исполнительный краевой выдѣлъ не

стоитъ въ непосредственной связи съ куріями, но сообщается съ ними посредствомъ особы намѣстника, которому также предлагаетъ всѣ свои постановленія. Намѣстникъ можетъ каждое рѣшеніе выдѣла, если оно несогласно съ законами, пріостановити.

Смѣна краевого статута можетъ состоятись лишь съ согласія всѣхъ трехъ курій и ихъ законодательнаго центрального выдѣла.

Право выбирать депутатовъ имѣетъ вообще тотъ, кто есть австрійскимъ гражданиномъ, полнолѣтнимъ, находится въ полномъ употребленіи гражданскихъ и политическихъ правъ и платитъ податей: во Львовѣ и Краковѣ не ниже 15 зр. кон. мон., въ городахъ съ выше 10.000 населенія по крайней мѣрѣ 10 зр., въ прочихъ общинахъ по крайней мѣрѣ 5 зр. Духовныя лица, учителя, чиновники, лѣкари и другіи особы съ соотвѣтственною квалификаціею имѣютъ также право выбора. Въ розрядѣ найвыше оподаткованныхъ выбираютъ тѣ, которымъ прислугуетъ право выбирать членовъ высшей палаты державной думы (500 зр. подати). Право избираемости имѣетъ тотъ, кому 30 лѣтъ отъ роду и кто отъ пяти лѣтъ есть австрійскимъ гражданиномъ.

Въ розрядѣ сельскихъ общинъ должна имѣти право подавати голоса по крайней мѣрѣ одна четвертая часть всѣхъ плательщиковъ общины. Такъ какъ однако въ сельскихъ общинахъ число платящихъ 5 зр. подати обыкновенно не доходитъ до одной

четверти числа всѣхъ плательщиковъ, то допускается, щобы тѣхъ пятигульденовцевъ пополняти платящими не меньше 1 зр. 20 кр. подати.

Примѣнительно къ новому краевому статуту, Галичина имѣла подѣлиться на три административныя области. Къ краковской области имѣли принадлежати староства: краковское, вадовицкое, бехенское, сандецкое, ясельское, тарновское, решовское и части сяноцкого и перемышльского; къ львовской области староства: части перемышльского и сяноцкого, жолковское, львовское, самборское съ частью стрыйского, золочевское и бережанское; къ станиславовской области: часть стрыйского, тарнопольское, чортковское, станиславовское и колумыйское. Во главѣ каждой административной области имѣлъ стояти президентъ съ однимъ совѣтникомъ намѣстничества, отвѣтственный передъ губернаторомъ и лишь въ нѣкоторыхъ дѣлахъ прямо сообщающійся съ министерствомъ.

Мартовская конституція не вошла въ жизнь. Она была отмѣнена импер. постановленіемъ стъ 31 декабря 1851 г., провозгласившимъ абсолютную форму правленія. Вмѣстѣ съ введеніемъ абсолютизма прекратили свою дѣятельность „Русскіи Рады“. Голуховскій считалъ Куземского главнымъ ихъ вдохновителемъ, руководителемъ и виновникомъ всѣхъ политическихъ стремленій русиновъ. Когда власти въ 1853 г. составляли таблицы для центрального правительства съ характеристикой всѣхъ

выдающихся лицъ, отличившихся лояльностью, чтобы имъ пожаловати ордены, директоръ полиціи Хомянской описаль Куземского яко самого усердного австрійского патріота, причинившогося въ значительной степени къ утверженію привязанности къ династїи и государству среди русиновъ. Однако Голуховскій всю опись перечеркнулъ въ табель и со своей стороны написалъ: „Чрезмѣрно честолюбивый, яко католическій священникъ не заслугуетъ на особенную рекомендацію, въ высшей степени пристрастный, для низкихъ интригъ весьма доступный“.

Съ прекращеніемъ конституціи потеряли свое значеніе и краевый статутъ съ его тремя соймами и проектъ подѣла Галичины на три административныя области. Остался лишь подѣлъ Галичины на два административныя округа съ отдѣленіемъ губерніи въ Краковъ. Во время баховской системы Голуховскій былъ въ Галичинѣ всемогущимъ, не смотря на неприклонность къ нему Баха, имѣя крѣпкую поддержку у самой династїи. Когда Голуховскій послѣ несчастной для Австріи войны въ 1859 г. сталъ министромъ, краковскій административный округъ былъ снесенъ.

Мысль о подѣлѣ Галичины возобновили русины во время министерства Шмерлянга, однако безъ успѣха. По новой конституціи дѣло административнаго устройства провинцій было признано за соймами, а такъ какъ въ галицкомъ соймѣ большинство состояло изъ поляковъ, то она, рѣ-

шивши новое административное устройство провинціи, проект роздѣла Галичины обратили ни во-що, не смотря на то, що онъ русинами былъ возобновленъ еще разъ въ 1865 г.

Полонизація галицкаго чиновничества послѣ 1867 г. и розбитіе русиновъ черезъ возникновеніе молодорусской партіи подъ предводительствомъ Лавровского подорвали политическое значеніе русиновъ, а скрѣпили положеніе поляковъ въ Галичинѣ, вслѣдствіе чего дальнѣйшее стараніе о роздѣлѣ Галичины могло имѣти лишь смыслъ — якъ нѣмецъ говоритъ — набожного желанія, которое на осуществленіе розсчитывати не могло. Изъ послѣднихъ временъ правленія Голуховского не наводитъ Лозинскій въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ *Przewodnik*-а ніякихъ документовъ. Однако то время есть столь важнымъ для исторіи галиц ой Руси, якъ 1848—1851 гг. Именно тогда стала формоватись, не безъ содѣйствія Голуховского, украинско-русская, или якъ она себе сначала называла, „молодорусская“ партія. Розъяснити ту минуту въ историческомъ развитіи галичанъ могутъ лишь записки лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ Лавровского съ Бейстомъ и Голуховскимъ.

Изъ выше наведенныхъ фактовъ слѣдуетъ, що мысль роздѣла Галичины возникла среди вѣдѣньскихъ сферъ сейчасъ послѣ мазурскихъ волненій 1846 г. и имѣла цѣлью ослабити политическую силу польской шляхты въ Галичинѣ. Голухов-

скому удалось однако убѣдiti центральное правительство, що усиленіе русской стихіи въ Галичинѣ черезъ подѣлъ провинціи можетъ имѣти вредныи для государства послѣдствія, когда напротивъ скрѣпленный и Австріи преданный полонизмъ представляеть больше выгодъ для государства по отношенію къ Россіи. Правительство сначала лишь отъ части одобрило мнѣніе Голуховскаго, намѣрая Галичину подѣлити на три административныи области, впоследствии же совсѣмъ стануло на точку зрѣнія Голуховскаго и охраняло неподѣльность провинціи.

Національный вопросъ у всѣхъ народностей Австріи есть сегодня на первомъ планѣ и кажется не такъ скоро сойдетъ изъ дневной очереди. Каждая національность, желая за собою обезпечити существованіе и свободное развитіе, стремится къ такому политическому устройству государства, которое упрочило бы за нею то свободное развитіе, охраняя ю отъ насилій со стороны другихъ національностей. Имѣти свою административную область и такимъ образомъ правленіе національныхъ дѣлъ принять въ свои руки — есть желаніемъ каждой слабшей народности въ Австріи. Итальянцы южного Тироля требуютъ для себе отдѣльной провинціи, словенцы домогаются для себе отдѣльной административной области въ южной Стири, или образованія особой словенской провинціи, чешскіи нѣмцы требуютъ выдѣленія нѣмецкихъ округовъ изъ Чехіи. Мысль подѣла Гали-

чины возобновляется также въ новѣйшее время, возбуждаемая радикальною и старорусскою партіями въ Галичинѣ.

IV. Литературно-языковой вопросъ у русскихъ галичанъ.

Галицкіи русины, вступивши въ 1848 г., послѣ пятывѣкового сна — якъ они сами тогда утверждали — на историческое поприще яко національность, имѣвшая притязанія до равныхъ правъ съ другими національностями Австріи, поставили себѣ двойную задачу: ввести свой языкъ въ школы и по возможности въ административныи и судебныи вѣдомства и сдѣлати его способнымъ для удовлетворенія высшей образованности. Для первой задачи возникли политическіи Общества подъ названіемъ „Русскихъ Радъ“, для второй цѣли — „Галицко-русская Матица“. Заявивши свою національность въ значеніи малорусской, отдѣльной отъ великорусской и польской, русины должны были въ основаніе своего литературного языка принять простонародныи говоры прикарпатскихъ областей. Украинская малорусская словесность тогда извѣстна была лишь немногимъ галичанамъ и сначала мало входила въ розсчетъ яко литературный матеріаль; она впоследствии стала исподоволь вліяти на духовную жизнь галичанъ, по мѣрѣ того, якъ они съ нею познакомлялись.

Въ первомъ отзывѣ львовской „Русской Рады“ отъ 10 мая 1848 г. указали предводители русинѣвъ яко одну изъ задачъ: „розвивати и возносити народность нашу во всѣхъ ея частяхъ, выдосковаленьемъ языка нашего, запровадженъемъ его въ школахъ низшихъ и высшихъ, выдаванъемъ писемъ часовыхъ, утримованъемъ корреспонденціи съ письменными такъ нашими, якъ иными, до щепу славянского належащими, розширеньемъ добрыхъ и ужиточныхъ книжокъ въ языкѣ рускомъ и усиленнымъ старанъемъ впровадити и на рѣвнѣ поставити языкъ нашъ съ иными въ урядахъ публичныхъ.“

Въ петиціи къ императору отъ 19 марта 1848 г. требовали львовскіи русины: 1) Дабы во всѣхъ народныхъ школахъ, т. е. въ сельскихъ, тривіальныхъ, головныхъ и окружныхъ училищахъ тѣхъ округовъ Галичины, въ которыхъ населеніе есть всецѣло или въ большинствѣ русское, школьное обученіе происходило на языкѣ рускомъ. 2) Дабы въ русекой части Галичины также въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ народный русскій языкъ получилъ соотвѣтственное „розширеніе.“ 3) Дабы законы и приказы властей обвѣщались русскому народу въ рускомъ языкѣ. 4) Дабы гр. кат. духовенство выносило изъ школъ способность преподавати своей паствѣ законъ Божій на народномъ рускомъ языкѣ и не обнаружало въ такой степени недостатка знанія языка своихъ прихожанъ, якъ то повсемѣстно случается. Въ отвѣтъ на названную точку прошенія написалъ министръ

Пиллерсдорфъ 9 мая къ „Русской Радѣ“ слѣдующес: „Его величество распорядилъ, чтобы во всѣхъ народныхъ школахъ тѣхъ циркуловъ, въ которыхъ населеніе есть всецѣло или большею частью русское, школьное обученіе происходило на языкѣ русскомъ; однако въ тѣхъ общинахъ восточной Галичины, въ которыхъ поляки составляютъ большинство, необходимо оставить языкъ польскій яко преподавательный. Касательно требованія русиновъ, чтобы ихъ языкъ допустить въ высшіи учебныя заведенія, устроится дѣло такимъ образомъ, що въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ русской части Галичины прежде будутъ заведены кафедры галицко-русского языка, чтобы учащейся молодежи подати способность къ основному изученію своей родной рѣчи и приуготовити усовершенствованіе галицко-русского языка, ибо на теперѣшней степени своего развитія онъ еще не совсѣмъ пригодный для преподаванія многихъ научныхъ предметовъ. Относительно требованія, чтобы законы и распоряженія властей обвѣщались по-русски, то оно уже рѣшено патентомъ отъ 25 марта согласно съ желаніемъ просителей. Его величество обратитъ вниманіе епископовъ на незнаніе рѣчи своей паствы у священниковъ и прикажетъ ввести обязательную науку русского языка въ духовныхъ семинаріяхъ разомъ съ отвѣтными упражненіями.“

Требованія русиновъ на счетъ ихъ родного языка взволновали поляковъ. Dziennik narodowy писалъ въ н-рѣ 54 въ корес-

понденціи изъ Вѣдня : „Здѣсь удивляются, що русины хотятъ ввести свой языкъ въ школахъ, хотя онъ безъ граматики. Нѣмцы смотрять на дѣло такъ, якъ если бы на пр. олденбургцы хотѣли свое простонародное нарѣчіе возвести на степень государственного языка. Все то есть дѣломъ російскихъ агентовъ и цѣлую агитацію ведетъ еп. Яхимовичъ.“

Замѣчательнымъ есть признаніе львовскихъ русиновъ, що сельское духовенство не владѣетъ языкомъ своихъ прихожанъ. Дѣйствительно, оно употребляло тогда повсемѣстно польскій разговорный языкъ и сами же львовскіи русины въ томъ отношеніи не много отъ нихъ отходили. По той причинѣ свящ. Жуковскій въ засѣданіи „Русской Рады“ во Львовѣ 12 мая отмѣтилъ необходимость изданія галицко-русского словаря и заявилъ готовность преподавати „высшую грамматику“ галицко-русского языка на основаніи сровненія его съ другими славянскими языками. Съ 23 мая читалъ онъ дѣйствительно свои лекціи, сровнивая галицко-русскій языкъ съ великорусскимъ, польскимъ и чешскимъ. Слушателями его были люди различныхъ національностей, возраста и состоянія. Такій же курсъ былъ затѣмъ открытъ въ Жолквѣ.

Такъ якъ языкъ, для которого русины добивались правъ въ школахъ и администраціи, надо было приспособити для потребъ гражданственности, то въ н рѣ 17 „Галицкой Зори“ появилось приглашеніе на съѣздъ „русскихъ ученыхъ“ во Львовѣ на 7(19) ок-

тября 1848 г. Приглашеніе подписали: Николай Устіановичъ, Іоаннъ Товарницкій, Михайль Малиновскій, Теодоръ Леонтовичъ, Іоаннъ Зарицкій, Іоаннъ Слимаковскій, Іоаннъ Жуковскій, Левъ Сосновскій, Іоаннъ Борискевичъ. Цѣлью съѣзда должно быти: установленіе для галицко-русского языка формъ, принятіе для него найотвѣтнѣйшого правописанія, выясненіе различій „русского“ (галицко русского) языка отъ старо-славянскаго, россійскаго и польскаго, организація ученыхъ силъ и основаніе института по образцу чешской „Матицы“, который издавалъ бы литературныя труды, собиралъ историческія памятники и служилъ органомъ славянской взаимности.

Прежде чѣмъ состоялся съѣздъ ученыхъ, получила „Русская Рада“ рескриптъ министерства просвѣщенія отъ 31 августа 1848 г. н-ръ 5659, по которому въ округахъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ въ народныхъ школахъ русскій языкъ долженъ быти преподавательнымъ, въ гимназіяхъ же съ началомъ 1848/9 учебнаго года способныя и „отечестволюбивыя“ лица изъ учителей и другихъ сословій русскій языкъ яко вольный предметъ имѣли преподавати и на желаніе получать вознагражденіе. Относительно университета, министерство сдѣлало у императора нужныя старанія, чтобы въ львовскомъ университетѣ ввести каѳедру галицко-русского (ruthenisch) языка ради его усовершенствованія и распространенія съ окладомъ 600 зр. въ годъ, подъ условіемъ, дабы профессоръ ея под-

дался пробному году. Конкурсъ будетъ росписанъ со срокомъ до конца сентября. Дополнительно къ тому рескрипту распорядило министерство 2 сентября н-ръ 5692, 1302, щобы въ случаѣ, если бы въ восточной Галичинѣ учителя и ученики не были приспособлены къ науцѣ на русскомъ языкѣ, учить пока що на немъ въ тривіальныхъ школахъ и въ первой класѣ нормальныхъ школъ. Импер. декретъ о установленіи кафедры галицко русскаго (ruthenisch) языка въ львовскомъ университетѣ появился 13 сентября 1848 г.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ рескриптъ министерства просвѣщенія, розочаровавшій русиновъ. Министерствомъ рескриптомъ отъ 29 сентября 1848 г. отсрочило введеніе русскаго языка яко преподавательнаго въ середнихъ школахъ восточной Галичины до поры, когда провинція будетъ роздѣлена и пока сей языкъ не будетъ усовершенствованъ и уполномочило губернатора Вацлава Залескаго, ввести сейчасъ въ дѣйствіе принципъ, по которому наука въ гимназіяхъ и львовскомъ университетѣ имѣла преподаватись по-польски. Залескій приказалъ, щобы въ гимназіяхъ на провинціи учителя и супленты, способныи преподавати по-польски, учили на томъ языкѣ, учителя же и супленты, не имѣющіи такой квалифікаціи, учили временно по-вѣмецки. Учительскіи силы надобно такъ распредѣлити, дабы въ каждой класѣ учили по-польски и по-вѣмецки. Касательно русскаго языка въ гимназіяхъ восточной Галичины Залескій

роспорядилъ, чтобы ему обучали яко не-
обязательному предмету. Единственно бу-
чацкая гимназія, посвящаемая главно рус-
скими учениками, получила право употре-
бляти русскій языкъ въ преподаваніи од-
ного или двухъ предметовъ въ каждой
класѣ, если ученики владѣютъ тѣмъ язы-
комъ. Во Львовѣ въ академической гимна-
зіи оставляется нѣмецкое преподаваніе, во
второй львовской гимназіи будутъ польскіи
преподаванія. Въ обѣихъ гимназіяхъ языкъ
польскій будетъ обязательнымъ предметомъ,
языкъ русскій необязательнымъ предме-
томъ. То роспоряженіе есть временнымъ.

„Русская Рада“ подъ впечатлѣніемъ
того роспоряженія издала отзывъ, въ кото-
ромъ было сказано: „Дивѣтся, до чого до-
веде! Уже одно право природне, право рѣд-
ного языка по школахъ, де способятся у-
рядники и де учатся рускій дѣти, ѳдмовили
дѣтемъ нашимъ. А якже урядникъ въ су-
дѣ справедливо розсудить справу вашу, якъ
ѳнъ не научится по руски бесѣдовати тай
писати? Чи такъ мають насъ судити, якъ
давнѣйше, чужими языками, намъ незрозу-
мѣлыми? Братья! Право то до мовы нашої
русской въ школахъ тай урядахъ есть намъ
святое, неѳдзовне для справедливости, че-
резъ конституцію забезпечене. „Русская Ра-
да“ упоминается о то право и ставитъ его
пѣдъ оборону цѣлого народа руского и
призываетъ васъ, по всѣхъ Радахъ, мѣстахъ
тай громадахъ объявити въ протестахъ не-
зломну волю, же николи не ѳдречемся мо-
вы русской ни въ школѣ, ни въ судѣ, же

домогаемся въ нашѣй рускѣй сторонѣ такой самой чести для русской мовы, яку на мазурахъ мае мова польска.“

Съѣздъ русскихъ ученыхъ начался во Львовѣ 19 октября. Ему предшествовало нѣкоторое обезпокоеніе населенія, встревоженного вѣстью, що галицко-русскіи ученые хотять церковно-славянскій языкъ вытѣснити изъ богослуженія. „Русская Рада“ видѣла себе вынужденною особымъ отзывомъ успокоити населеніе, увѣряя его, що церковный языкъ не будетъ отмѣненъ и що ученые хотять простонародный языкъ ввести лишь въ школахъ, урядахъ и судахъ. Собралось около 100 лицъ, священниковъ и мірянъ. За исключеніемъ немногихъ, къ прочимъ едва ли можно было примѣнители титулъ ученыхъ. Даже у галицкихъ поляковъ до 1848 г. мало кто интересовался наукою, тѣмъ меньше русины. Львовскій университетъ приготовлялъ лишь чиновниковъ для правительственной службы, да духовныхъ, розсадникомъ же науки не былъ. Лишь заведеніе Оссолинскихъ старалось въ польской публицѣ возбудити интересъ для науки. „Зоря Галицкая“ (1849 г. стор. 19) признаеть, що тогдашніи священники лишь немножко знала читати по славянски „и народови дивно было, же его духовныи шестнадцать лѣтъ учились въ школахъ, а пришлось, въ церкви добре читати не умѣли.“ Та же газета въ другомъ мѣстѣ пишеть, що питомцы, кончившіи русскую духовную семинарію, давали себѣ честное слово, що больше книжки до рукъ не возь-

мутъ! Не смотря на то, считали они себе образованнѣйшими отъ благочестивого православнаго духовенства въ Россіи. Такое положеніе объясняетъ намъ трудность задачи, которую приняли на себе тѣ сто „Ученыи“, т. е. ученые въ томъ смыслѣ, що признавали важность науки для своего народа. Они сами мало знали въ поодинокихъ отрасляхъ наукъ и имѣли возбудити охоту къ науцѣ среди своихъ земляковъ, нуждавшихся во всякой печатанной книгѣ. Главнымъ рѣшеніемъ первого съѣзда ученыхъ было учрежденіе „Галицко-русской Матицы.“

Введеніе польскаго преподавательнаго языка въ гимназіяхъ восточной Галичины обезпокоило „Русскую Раду“, опасавшуюся полонизаціи русской молодежи и она внесла просьбу къ императору, щобы, соображаясь съ малою степенью развитія галицко-русского языка, въ гимназіяхъ восточной Галичины временно ввести нѣмецкій преподавательный языкъ, польскій же устранить. Просьба имѣла успѣхъ, ибо рескриптами министерства просвѣщенія отъ 4 декабря 1848 и 8 января 1849 г. было постановлено: Во всѣхъ гимназіяхъ въ русской части Галичины устраняется польскій преподавательный языкъ и вводится нѣмецкій, однако лишь на такъ долго, пока не найдутся учителя, знающіи галицко-русскій языкъ и пока ученики не усвоятъ себѣ тотъ языкъ. Гдѣ уже теперь наука могла бы происходить на галицко-русскомъ языкѣ, сейчасъ то должно статись, особен-

но же при науцѣ закона Божія. Теперь же то принципіально во всѣхъ предметахъ осуществити не дастся, ибо большая часть учениковъ не владѣетъ галицко-русскимъ языкомъ. Если гдѣ въ которомъ предметѣ будутъ учить по галицко-русски, то надобно при семъ послугиваться также нѣмецкимъ языкомъ. Во всѣхъ гимназіяхъ русской части Галичины вводится галицко-русскій языкъ яко обязательный предметъ за соответственнымъ вознагражденіемъ, польскій же языкъ будетъ необязательнымъ предметомъ. По тѣмъ правиламъ должны устроиться также обѣ львовскіи гимназіи и по той причинѣ перестаетъ львовская доминиканская гимназія быти исключительно польскою. По тѣмъ правиламъ надобно поступати въ первой лицеальной класѣ во Львовѣ и въ обонхъ лицеальныхъ класахъ въ Перемышлѣ. На богословскомъ факультетѣ въ Перемышлѣ преподаванія въ трехъ первыхъ годахъ будутъ происходить на латинскомъ языкѣ, якъ до сихъ поръ, катихитика же и пастырское богословіе будутъ преподаваться для поляковъ по-польски, для русиновъ по-русски. Касательно университета, должны соблюдаться также выше упомянутыя правила, значить, лекціи будутъ читаться такъ долго по-нѣмецки, пока не будетъ способныхъ професоровъ и слушателей владѣющихъ галицко-русскимъ языкомъ. Польскіи доценты за вознагражденіемъ, вносимымъ слушателями, допускаются на львовскомъ университетѣ, если

они примѣняются къ министерскому распоряженію отъ 16 декабря 1848 г. н-ръ 8175. То же касается и русскихъ доценто́въ.

То распоряженіе сдѣлало министерство, чтобы удовлетворити русиновъ, помогающихъ равноправности для своего языка, которая такимъ путемъ въ будущемъ времени дастся въ полнѣ осуществити. Одновременно импер. рѣшеніемъ отъ 1 (13) января 1849 г. священникъ изъ Хмелева, Яковъ Головацкій, получилъ кафедру галицко-русского (ruthenisch) языка на львовскомъ университетѣ.

Поляки вознегодовали на министерство за тѣ мѣропріятія. Посоль кромержского парламента Борковскій въ 27 засѣданіи упрекалъ за то министра просвѣщенія. „Министръ Добльгофъ — сказалъ онъ — велѣлъ въ гимназіяхъ львовскихъ ввести польскій преподавательный языкъ, теперьшній же министръ устранилъ то распоряженіе, будто по той причинѣ, що само населеніе желаетъ нѣмецкого языка. Для чего министры изобрѣтаютъ новый народъ и возбуждаютъ ненависть между жителями одного края?“

Посоль изъ Львова Маріянъ Дылевскій поставилъ въ 31 засѣданіи слѣдующую интерпеляцію: „Откуда знаетъ министръ, що русская народность воспротивляется больше польской, чѣмъ нѣмецкой рѣчи? Признаетъ ли министръ важными права польской національности, данныи ей предшествующимъ абсолютнымъ правительствомъ? Стоитъ ли министръ за нѣмецкій

языкъ яко преподавательный? Що понимаетъ министръ подъ равноправностію народностей? Не имѣетъ ли польское меньшинство права употреблять свой языкъ примѣнительно къ равноправности? Для чего правительственныя рѣшенія не издаются на языкѣ, на якомъ внесена была просьба и для чего нельзя ученикамъ употреблять свой языкъ при науцѣ?”

Стадіонъ отвѣтилъ, що нѣмецкій преподавательный языкъ будетъ лишь временнымъ, пока галицко-русскій не дойдетъ до совершенного научнаго усовершенствованія. Цѣлый край по ту сторону Сяна внѣ себе отъ радости и благодаритъ министерство за его мудрое постановленіе, ибо тѣмъ заспокоиваются его справедливыя желанія.

Дальшую борьбу противъ министерскихъ распорядженій отъ 4 декабря и 8 января принялъ на себе Голуховскій и призвалъ себѣ къ помощи человека русскаго происхожденія, д-ра Евсевія Черкавскаго. Лозинскій приводитъ близшія обстоятельства сей борьбы на основаніи записокъ самаго же Черкавскаго, хранящихся въ рукописи.

Д-ръ Евсевій Черкавскій былъ въ 1848 г. учителемъ въ Тарновѣ и о немъ писалъ въ томъ году тарновскій староста Августъ Меркль къ министру, що онъ и Липинскій, другій учитель, ведутъ себе неблагонадежно (*nicht correct*). Черкавскій понравился тарновскому епископу кс. Войтаровичу и тѣмъ поручилъ его опецѣ Голуховскаго. Когда въ началѣ 1849 г. учительскій кор-

пусть избралъ изъ соубѣгателей на кафедрѣ всемірной исторіи въ львовскомъ лицевѣ терно, состоявшее изъ д-ра А. Яновского, д-ра Черкавского и Крушинского, „Зоря Галицкая“ написала 10 мая о двухъ первыхъ: „Яновскій и Черкавскій суть то имена, которыми русины повеличатись могутъ“...

Но закѣмъ приступимъ къ изображенію борьбы Голуховского и Черкавского противъ русскаго языка въ гимназіяхъ, приведемъ одинъ актъ львовской губерніи, относящійся къ народнымъ школамъ. Президія львовской губерніи издала 4 февраля 1849 г. къ консисторіямъ обоихъ обрядовъ слѣдующій рескриптъ: До сихъ поръ есть препятствіе въ введеніи русскаго языка яко преподавательнаго въ школахъ, ибо нѣтъ русскихъ учителей и русскихъ книжокъ и школьная молодежь не владѣетъ тѣмъ языкомъ. По той причинѣ поручается русскимъ консисторіямъ заняться усердно курсами, приготовляющими учителей (препарандіями), чтобы тѣ заведенія могли доставити русскихъ учителей, консисторіямъ же латинскимъ приказуется, до ихъ тривіальныхъ и нормальныхъ школъ принимать лишь такихъ людей, которые представляютъ свидѣтельство отъ уполномоченныхъ къ тому лицъ о знаніи русскаго языка. Ровно поручается русскимъ консисторіямъ постараться о русскіи школьныи учебники и пріобрѣсти для той цѣли способныхъ лицъ.

Въ частности въ тривіальныхъ школахъ, гдѣ превозмогаетъ русская молодежь, должно учиться по русски примѣнительно къ прежнимъ предписаніямъ. Но также въ школахъ восточной Галичины съ преобладающею польскою молодежію и польскимъ преподавательнымъ языкомъ русскій языкъ долженъ быть обязательнымъ. Однако учителей, не знающихъ по-русски, не можно удаляти; русскому языку можетъ учить священникъ или дьякъ. Когда общины будутъ устроены, преподавательный языкъ будетъ зависѣти отъ начальства общины.

Въ нормальныхъ (4-клясныхъ) школахъ есть дѣти лишь зажиточныхъ родителей, а такихъ у русиновъ мало. По той причинѣ русскаго языка въ нихъ не было. Онъ будетъ въ будущности, но теперь то статись не можетъ. Въ нормальныхъ школахъ во Львовѣ, Городку, Жолквѣ, Бережанахъ, Долинѣ, Стрыѣ, Бучачѣ, Галичѣ, Коломыѣ, Снятинѣ, Збаражѣ, Зальщикахъ, Перемышлѣ, Дрогобычѣ и Самборѣ будетъ нѣмецкій языкъ преподавательнымъ, русскій же обязательнымъ предметомъ, и то будетъ продолжатись такъ долго, пока не будетъ условій для русскаго преподавательнаго языка. Гдѣ въ нормальныхъ школахъ есть учителя, способные учить по русски, должны они то дѣлать. Русскимъ консисторіямъ поручается, чтобы наблюдали надъ наукою русскаго языка и религіи въ тривіальныхъ и головныхъ шко-

лахъ и предкладали губерніи отчетъ, якъ поступаетъ наука русскаго языка.

Президія губерніи сдѣлала министру просвѣщенія предложеніе, чтобы названныя школы поддати русскимъ консисторіямъ. Наука религіи въ выше названныхъ главныхъ школахъ должна русскимъ дѣтямъ преподаваться по русски и по нѣмецки. Русскіи консисторіи постараются о священниковъ, которые науку религіи преподавали бы безвозмездно, изъ любви къ своему народу. Въ прочихъ школахъ восточной Галичины, гдѣ большинство дѣтей латинскаго обряда, польскій языкъ останется преподавательнымъ, однако русскій будетъ обязательнымъ предметомъ. Въ тѣхъ послѣднихъ слѣдуетъ обучати также нѣмецкому языку, по крайней мѣрѣ отъ второй класы.

Яко отвѣтъ на то распоряженіе губерніи, латинскіи консисторіи выслали къ императору петицію съ просьбою о недопущеніи русскаго языка въ школахъ, ибо „введеніе его въ школахъ, судахъ и администраціи грозитъ паденіемъ латинскому обряду и противорѣчитъ привилегіямъ, даннымъ прежде правительствомъ въ пользу польскаго языка.“

„Русская Рада“ напротивъ предложила 12 іюля 1849 г. министру просвѣщенія пропамятное письмо въ защитѣ русиновъ. „Въ мазурской части Галичины учать въ школахъ по-польски и министръ Добльгофъ ввелъ польское преподаваніе въ цѣлой Галичинѣ, хотя многіи учителя не знали по-польски. „Русская Рада“ просила о устра-

нені польского языка въ русской части Галичины и оставленіи нѣмецкого яко преподавательного на такъ долго, пока не будетъ способныхъ русскихъ учителей. „Русская Рада“ просила также, щобы, гдѣ есть въ гимназіяхъ учителя, владѣющіи русскимъ языкомъ, преподаваніе происходило по русски. Министръ рескриптомъ отъ 8 января удовлетворилъ той просьбѣ, возстановилъ нѣмецкое преподаваніе въ гимназіяхъ и распорядилъ, щобы, гдѣ есть русскіи учителя, обучаніе нѣкоторымъ предметамъ происходило одновременно по-русски и по-нѣмецки. Между тѣмъ учительскіи корпусы гимназій, увлекаясь пристрастіемъ и самолюбіемъ, воспротивляются введенію русского языка въ гимназіяхъ. Учительскій корпусъ академической гимназіи надавъ мѣсто суплента при сей гимназіи іезуитскому клирику Мрняку, не знающему по русски, хотя о то мѣсто соубѣгался также способный русинъ. Учительскій корпусъ львовского лицея не удовлетворилъ своихъ слушателей, просившихъ, щобы филологія преподавалась по-русски и по-нѣмецки. Тотъ корпусъ рѣшилъ, щобы устроить отдѣльны лекціи съ русскимъ преподаваніемъ для добровольцевъ.

Русскій народъ желаетъ безусловного и общого введенія русского языка во всѣхъ народныхъ, а частью во всѣхъ высшихъ училищахъ, ибо черезъ многолѣтнее совершенное изгнаніе русского языка изъ училищъ, великая часть нашей молодежи съ начала охладѣла для своей національности

затѣмъ предпочла считати себе поляками. Такъ уже съ поры занятія Галичины Австрією значительное число городскихъ жителей отчуждилось отъ своей національности, ибо они, будучи учениками, по-неволѣ должны были ходити въ латинскій костелъ, въ тривіальныхъ и нормальныхъ школахъ учиться изъ польскихъ букварей и читанокъ и никогда не учась своему родному языку, его всецѣло забыли.

Латинскіи консисторіи видятъ въ русскомъ языкѣ опасность для латинского обряда и не допускаютъ его въ школы, опасаясь, що при русскихъ школахъ переходъ русиновъ въ латинство будетъ труднѣйшимъ. Латинскіи консисторіи не обвѣстили еще распоряженія правительства, которымъ приказуется общее введеніе русского языка въ народныхъ школахъ восточной Галичины. Вслѣдствіе того введеніе русского языка въ школахъ, подвѣдомственныхъ латинскимъ консисторіямъ, стало невозможнымъ. Мало того, латинскіи консисторіи воспретили нѣкоторымъ учителямъ, хотѣвшимъ примѣнитись къ приказу губерніи отъ 27 января и 4 февраля, учить по русски.

Латинскіи консисторіи очевидно стараются выгнати русскій языкъ изъ школъ и задержати лишь польскій. Они выказуютъ, що въ тѣхъ а тѣхъ школахъ число учениковъ латинского обряда далеко большее, чѣмъ русского обряда. Но въ многихъ мѣстностяхъ получается тотъ результатъ лишь посредствомъ хитрости. Когда на пр.

въ якомъ нибудь мѣсточку сѣшлись дѣти въ школу, дѣти польскихъ чиновниковъ и бѣдныхъ русскихъ мѣщанъ, является латинскій священникъ въ характерѣ надзирателя школъ и приказуетъ, чтобы изъ взгляда на холодъ плохо одѣтыи дѣти, ради всего здоровья, шли домой и остались дома. Плохо одѣтыи — то русскіи дѣти, и когда остались въ большинствѣ дѣти зажиточнѣйшихъ латинниковъ, числятъ ихъ надзиратель и выказуетъ, що школа имѣетъ польскій характеръ... Русскимъ дѣтямъ и такъ не мило посѣщати школу, гдѣ имъ чужій языкъ навязываютъ, а своему учиться не даютъ. Латинскіи консисторіи обыкновенно причисляютъ къ полякамъ нѣмцевъ, армянъ и жидовъ, и въ своихъ выказахъ записуютъ число латинскихъ дѣтей 30 - 40 сель, принадлежащихъ къ одному латинскому приходу, имѣющему свой костель въ мѣсточку, чтобы школу того мѣсточка представить польскою.

Латинскіи консисторіи не соблюдаютъ приказа придворной школьной комисіи отъ 7 фѣвраля 1824 г., по которому преподавательный языкъ народной школы долженъ опредѣляться по числу способныхъ къ школьному обучанію (*schulgeeignet*) дѣтей. Они смотрятъ лишь на число дѣтей, дѣйствительно посѣщающихъ школу. Но и въ семъ случаѣ учителя, подвѣдомственные латинскимъ консисторіямъ, пускали въ ходъ хитрость. Когда пришла комисія для опредѣленія характера школы, они отсылали русскихъ дѣтей домой и оставляли однихъ

латинниковъ. Провѣрка выходила въ пользу латинской консисторіи. Приказъ отъ 7 февраля 1824 г. теперь отмѣненъ, и та мѣра правительства есть тяжкимъ ударомъ для русиновъ. Теперь учителя въ школахъ, подвѣдомственныхъ латинскимъ консисторіямъ, говорятъ, що довлѣетъ знати польски, русскіи же книжки излишни.

Латинскіи консисторіи управляютъ посредствомъ своимъ крылошанъ гимназіями, назначаютъ комисаровъ для науки религіи въ гимназіяхъ и представляютъ кандидатовъ на законоучителей. Изъ того выходитъ, що на 2000 русскихъ священниковъ нѣтъ ни одного русского законоучителя.

Въ лицеяхъ и на богословскомъ факультетѣ больше русскихъ священниковъ состоятъ учителями, ибо замѣщеніе учительскихъ должностей въ тѣхъ заведеніяхъ меньше зависитъ отъ латинскихъ консисторій.

Распоряженіемъ министерства отъ 8 января 1849 г. позволяется преподаваніе религіи на русскомъ языкѣ, однако бесплатно. Русинамъ трудно пользоваться тою уступкою. Въ Бережанахъ, въ Станиславовѣ и во Львовѣ при обѣихъ гимназіяхъ нѣтъ русской науки религіи, ибо мѣстныи священники всецѣло заняты своимъ пастырскимъ званіемъ. Если латинскіи законоучители получаютъ жалованье, то слѣдуетъ его опредѣлити также русскимъ.

„Русская Рада“ проситъ: 1) Щобы уже теперь, кромѣ науки религіи, также другіи

предметы въ гимназіяхъ, прежде всего географія, всемірная исторія и филологія преподавались по-русски. 2) Всѣ адъюнкты, супленты, учителя и законоучители гимназій должны владѣти русскимъ языкомъ. 3) При конкурсовыхъ испытаніяхъ кандидаты учительскаго званія должны писать задачи по нѣмецки и русски, при устномъ экзаменѣ отвѣчать по-русски. Слѣдуетъ опредѣлити экзаминаторовъ изъ русскаго языка. 5) Въ гимназіяхъ должны быти фаховыи учителя, вмѣсто класныхъ. 6) Законъ отъ 7 февраля 1824 г., опредѣляющій характеръ народной школы по числу дѣтей, способныхъ къ школьному обучанію, долженъ быти возстановленъ. 7) Мѣшанвыи народныи школы восточной Галичины должны быти подъ русскою консисторіею. 8) Русскіи законоучители должны получить постоянный окладъ. 9) Правительство должно учредить школьную раду для русской части Галичины, состоящую изъ русиновъ, опытныхъ въ школьныхъ дѣлахъ. Та школьная рада вела бы школьную администрацію, издавала школьныи учебники и давала наставленія учителямъ.

Поляки въ своей мазурской части имѣютъ уже польскій языкъ въ школахъ. Того справедливо могутъ домогаться также русины.

На ту петицію отвѣтила губернія 23 сентября 1849 г., що министръ просвѣщенія желаетъ, щобы наука въ гимназіяхъ преподавалась по русски, однако по мѣрѣ, якъ учителя и ученики будутъ къ тому

приготовлены. Сами русины должны стараться о такихъ учителей.

Точно тогда вышелъ новый учебный планъ для гимназій и реальныхъ училищъ, преобразовавшій ихъ коренно. Гимназія получила восемь класъ, лицеи были устранены, въ гимназіяхъ введены фаховыи учителя. Касательно преподавательного языка поставленъ былъ принципъ: *Vortragssprache ist die Muttersprache* (преподавательнымъ языкомъ есть матерній языкъ). Того принципа министерство не примѣнило къ русинамъ, считая галицко-русскій языкъ неразвитымъ. Щобы сему языку дати начало развитія и опредѣлити направленіе, въ якомъ онъ долженъ розвиватись, созвалъ министръ просвѣщенія Туиъ конференцію въ Вѣдены, въ которой участвовали: министерскій совѣтникъ Экснеръ, Куземскій, Шашкевичъ, Боницъ (главный составитель плана для гимназій), Яковъ Головацкій и Шафарикъ. Туиъ и Шафарикъ предложили планъ для русскихъ читанокъ, Головацкій же получилъ порученіе составить по сему плану двѣ читанки и славяно-русскій сборникъ.

Возбужденную „Русскою Радою“ мысль о учрежденіи школьной рады Голуховскій принялъ, однако въ томъ смыслѣ, щобы она была общая для всей Галичины. Онъ составилъ що-то въ родѣ школьной комисіи, въ составъ которой назначилъ Николая Липинского, Евсевія Черкавского (обоихъ изъ Тарнова) и Амвросія Яновского, учителя академической гимназіи. Всѣ три они получили титулъ инспекторовъ, а настояте-

лемъ ихъ сталъ Тацауеръ, губернской референтъ для школьныхъ дѣлъ. Та школьная комисія имѣла вести надзоръ надъ школами, особенно гимназіями, устроить ихъ и администровать. Черкавскій былъ переведенъ изъ Тарнова въ академическую гимназію во Львовѣ.

Однако министръ Тунъ не утвердилъ мѣропріятій Голуховского, а самъ въ маѣ 1850 г. установилъ школьную раду, въ составъ которой опредѣлилъ Черкавского, Эдуарда Линцбауера профессора изъ Самбора, бібліотекаря университета д-ра Франца Стронского, Яновского, директора гимназіи въ Тернополь Евстахія Прокоччица, директора гимназіи въ Перемышль Оому Кувцека и директора академической гимназіи Франца Бругера. Сверхъ того Черкавскій и Линцбауеръ назначены были временными инспекторами.

Съ тѣхъ поръ начинается дѣятельность Черкавского въ роли послушнаго орудія гр. Голуховского. Голуховскій приказалъ ему прежде всего составить ремонстрацію противъ министерскаго распоряженія отъ 8 января, устранившаго польскій языкъ изъ гимназій въ восточной Галичинѣ. „Якъ горько почувствовало польское населеніе стѣсненіе уступокъ, признанныхъ разъ его языку—писалъ Черкавскій министру—или скорше безусловное устраненіе тѣхъ уступокъ, есть яснымъ дѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ то населеніе составляетъ въ восточной Галичинѣ, смотря на дѣло изъ цифровой точки зрѣнія, меньшинство, однако то мен-

шинство есть весьма значительнымъ, и интеллигенціею своею и большимъ размѣромъ владѣнія столь сильнымъ, що опредѣляетъ характеръ высшихъ класъ общества. Если сверхъ того приняты въ соображеніе, що класы русскаго населенія, дающіа своихъ сыновъ въ гимназіи, въ обиходной жизни майже исключительно употребляютъ польскій языкъ, такъ що тотъ языкъ для нихъ есть, хотя не матернимъ, но все таки разговорнымъ и орудіемъ для усвоенія первыхъ представленій и понятій — то выше названное постановленіе должно было казаться съ одной стороны надто суровымъ, съ другой же несоотвѣтствующимъ сути дѣла. То постановленіе должно было произвести тѣмъ больше непріятное впечатлѣніе, що оно произошло въ пользу стихіи, которой даже его собственная репрезентация не смѣла признати ровенства въ такой степени, чтобы кромѣ принципіального признанія ея существованія чего больше можно для нея домогаться, послѣдствія же изъ того проистекающіа относительно школьной науки представляются неизвѣстной будущности, зависимой отъ различныхъ, нелегко дающихся осуществити условій. Господствуетъ всеобщее мнѣніе, що населеніе несправедливо лишается милости, получать высшее образованіе въ обще употребляемомъ польскомъ языкѣ, особенно въ виду факта, що среди дѣйствительныхъ соціальныхъ и культурныхъ отношеній края не кажется вѣроят-

нымъ, чтобы въ известномъ, напередъ опредѣленномъ сроцѣ галицко-русскій языкъ успѣлъ вознестись на степень такого общепонятнаго средства обмѣна мыслей, якимъ есть польскій языкъ. Принужденіе учиться въ гимназіяхъ такому низко стоящему языку, якимъ есть „рутенскій“, вызвало среди поляковъ великое неудовольствіе. Особенно оно обнаружилось въ столицѣ края, гдѣ отношеніе польской національности къ русской представляется що найвыше якъ 6 : 1. Потому-то здѣсь въ другой гимназіи, ради обезпеченія за закономъ авторитета, нужно было употребити принудительныя средства въ виду строптивой молодежи.“

Гр. Тунъ пригласилъ Черкавского къ себѣ въ Вѣдень, куда Черкавскій отправился въ августъ 1850 г., везучи съ собою готовый проектъ касательно преподавательнаго языка въ галицкихъ гимназіяхъ. По сему проекту въ западной Галичинѣ преподавательнымъ языкомъ въ гимназіяхъ имѣлъ быти польскій, нѣмецкій языкъ долженъ получить большее число уроковъ, лишь въ высшихъ класахъ гимназіи имѣлъ польскій преподавательный языкъ постепенно замѣняться нѣмецкимъ. На министерской конференціи Черкавскій предложилъ свой проектъ и мотивовалъ его. Голуховскій присутствовалъ также, однако онъ проекта Черкавского не поддержалъ, хотя прежде его одобрилъ. Голуховскій предложилъ 4 сентябрю 1850 г. письменно свое мнѣніе, заключающееся въ томъ, що такъ якъ въ восточной Галичинѣ живетъ

сверхъ 800.000 душъ поляковъ, то въ каждой гимназіи той области польскій языкъ долженъ быти обязательнымъ предметомъ обучанія и религія полякамъ должна преподаватись по-польски. Галицко-русскій языкъ не годится еще для школьныхъ преподаваній. Одна изъ львовскихъ гимназій должна устроиться по образцу западно-галицкихъ гимназій, ибо во Львовѣ по вычетаніи жидовъ, не посылающихъ своихъ дѣтей въ гимназіи, есть 44.000 христіанъ, а изъ нихъ 30.000 поляковъ, 8.000 нѣмцевъ и 6.000 русиновъ. Если министръ согласится съ симъ проектомъ, прекратится неудовольствіе польского населенія.

Черкавскій говоритъ въ своихъ запискахъ, що его стараніямъ удалось расширити предѣлы польского языка въ гимназіяхъ западной Галичины и ограничити нѣмецкій языкъ до латини въ двохъ найвысшихъ класахъ и до всемірной исторіи въ шести высшихъ класахъ. При исторіи въ шести класахъ оставлено нѣмецкій языкъ для того, чтобы ученикамъ дати возможность упражнятись въ немъ. Во Львовѣ академическая гимназія имѣла временно остатись нѣмецкою, до тѣхъ поръ, пока не будетъ преобразована въ русскую, вторая же гимназія имѣла постоянно быти нѣмецкою, но получить польскіи паралельки, если окажется соотвѣтственное число учениковъ, родители которыхъ пожелаютъ польского преподавательного языка. Такъ пишетъ о себѣ Черкавскій, Голуховскій же былъ также доволенъ своимъ успѣхомъ, ибо по-

ложилъ преграду дальней германизаціи Галичины.

Результатомъ повѣдки Голуховского и Черкавского въ Вѣдѣнъ былъ рескриптъ министерства просвѣщенія отъ 12 сентября 1850 г. н-ръ 7632, гласящій слѣдующимъ образомъ: Въ исполненіи конституційного принципа равноправности и ради защиты меньшинствъ въ краяхъ, которымъ подобаетъ предоставить средства для развитія ихъ языка и для просвѣщенія на немъ, также въ виду необходимости всеобщаго знанія нѣмецкаго языка, распоряжается: 1) Въ гимназіяхъ въ Бохнѣ, Тарновѣ, Новомъ Сончѣ и Решовѣ преподавательнымъ языкомъ есть польскій, однако географія и всемірная исторія въ 3—8 класахъ, затѣмъ латинскій языкъ и его литература въ 7—8 класахъ и греческій языкъ и его литература въ 8 класѣ имѣютъ преподаваться по нѣмецки. Задачи въ тѣхъ послѣднихъ предметахъ и класахъ имѣютъ состояти въ переводахъ изъ латинскаго и греческаго на нѣмецкій языкъ и обратно. 2) Польскій языкъ и его литература суть въ оныхъ гимназіяхъ во всѣхъ восьми класахъ обязательнымъ предметомъ науки съ настоящимъ числомъ уроковъ за исключеніемъ первой класы, въ которой число уроковъ уменьшается о одинъ. 3) Нѣмецкій языкъ и его литература должны преподаваться во всѣхъ восьми класахъ, именно въ 1—2 класѣ по 6 уроковъ въ недѣлю, въ 3—4 кл. по 5, въ 6—8 по 4 уроки въ недѣлю. 4) Галицко-русскій языкъ слѣдуетъ въ каж-

дой гимназіи (значить и въ западной Галичинѣ) преподавати яко необязательный предметъ, гдѣ окажется потребность того и если родители пожелаютъ того. Однако науку сего предмета не можно скорше начинать, якъ во второй класѣ. 5) Въ перемышльской гимназіи нѣмецкій языкъ будетъ преподавательнымъ, польскій же и галицко-русскій необязательными предметами. Ученики должны по волѣ родителей избрати одинъ изъ нихъ. Религіи учатся русины по русски, поляки по польски, въ обоихъ случаяхъ съ одновременнымъ употребленіемъ нѣмецкого языка. 6) Въ краковской гимназіи польскій языкъ остается преподавательнымъ, нѣмецкій — обязательнымъ предметомъ въ 1—8 класахъ. Однако по мѣрѣ того, якъ ученики будутъ успѣвати въ нѣмецкомъ языкѣ, къ краковской гимназіи будетъ примѣненъ планъ гимназій подъ 1). 7) Въ гимназіяхъ восточной Галичины будетъ нѣмецкій языкъ временно преподавательнымъ. Галицко-русскій языкъ будетъ постепенно въ нихъ вводиться яко преподавательный по мѣрѣ того, якъ найдутся способныи учителя и будутъ на томъ языкѣ учебники. 8) Религіи въ тѣхъ гимназіяхъ должно русиновъ учить по русски, поляковъ по польски, употребляя въ случаѣ необходимости также нѣмецкій языкъ. 9) Галицко-русскій и нѣмецкій языки въ тѣхъ гимназіяхъ обязательныи предметы обучанія. Для первого опредѣляются два уроки въ недѣлю,

второй задержуетъ настоящее число уроковъ. Польскій языкъ въ тѣхъ гимназіяхъ есть необязательнымъ предметомъ, и ученики могутъ начать его науку также въ высшихъ класахъ, но не прежде, якъ во второй класъ. Число уроковъ для него 2—3 час. въ недѣлю. 10) Въ доминиканской гимназіи во Львовѣ нѣмецкій языкъ есть преподавательнымъ и обязательнымъ предметомъ обучанія, галицко-русскій и польскій необязательными предметами по выбору родителей. 11) Если бы количество учениковъ въ обѣихъ львовскихъ гимназіяхъ требовало введенія паралельныхъ класъ, то тѣ паралельныя класы въ случаѣ, если бы нашлись нужныя силы, должны устроиться по образцу западно-галицкихъ гимназій. Если надо будетъ по причинѣ переполненія обѣихъ львовскихъ гимназій учредить новую гимназію во Львовѣ, то она устроится по образцу западно-галицкихъ гимназій.

Голуховскій старался теперь о открытіи третьей гимназіи во Львовѣ съ польскимъ характеромъ и первымъ этапомъ къ тому должны были служить польскія паралельки. Однако для паралельныхъ польскихъ класъ нашлось мало учениковъ. Поляки не хотѣли въ нихъ давати сыновъ, опясясь, що польская наука будетъ для нихъ впоследствии препятствіемъ въ производствѣ, если бы поступили на правительственную службу. На то обстоятельство обратилъ вниманіе министра Шашкевичъ, состоявшій министерскимъ референтомъ съ начала 1849 г., прибавляя, що дирекція

обѣихъ львовскихъ гимназій, вопреки волѣ родителей, учениковъ отсылають въ паралелки, чтобы лишь обезпечити ихъ существованіе и предлагая министру закрытіе тѣхъ паралелокъ. Министръ спросилъ о мнѣніе Голуховского. Голуховскій въ особомъ письмѣ старался опровергнути замѣты Шашкевича и выслалъ въ Вѣдень Черкавского, чтобы устно представилъ министру положеніе дѣла. Не смотря на тѣ усилія, министерство просвѣщенія все таки сомнѣвалось въ необходимости отдѣльной польской гимназіи во Львовѣ и она была утверждена только въ 1858 г. яко высшая гимназія.

Противъ постановленія, чтобы польскіи ученики гимназій восточной Галичины учились русскому языку, Голуховскій и Черкавскій писали къ министру время отъ времени увѣщенія, пока не добились своего и то постановленіе не было отмѣнено рескриптомъ министерства просвѣщенія отъ 21 іюля 1856 г., по которому ученикамъ свободно было съ согласія родителей избирати польскій или русскій языкъ.

Черкавскій пробовалъ въ восточно-галицкихъ гимназіяхъ ввести общую науку польского и русского языковъ сровнительнымъ способомъ. Учитель во время своего урока мѣлъ учить обоямъ языкамъ разомъ. Проба была сдѣлана въ Перемышлѣ. Учитель училъ: по polsku mówi się: tego, по русски говорится: того, по polsku: chce, по русски: хцу, по polsku: cofnę, по русски: цофну, по polsku: radca, по русски: радця...

Того рода наука не удовлетворила ни поляковъ, ни русиновъ... Въ другихъ гимназіяхъ учителя не хотѣли такъ учить.

Въ 1853 г. Галичина была подѣлена на два административныя округа и Голуховского лишили вліянія на школьныя дѣла западной Галичины. Западная Галичина получила отдѣльнаго школьнаго инспектора, Вильгельма. Сейчасъ былъ нѣмецкій преподавательный языкъ расширенъ на математику и естественныя науки въ высшихъ классахъ.

Къ концу 1854 г. обнародовано было письмо императора къ министру просвѣщенія отъ 9 декабря, въ которомъ императоръ изъявилъ желаніе, чтобы въ гимназіяхъ науку преподавати на языкѣ на столько извѣстномъ ученикамъ, дабы они ю усвоити себѣ могли съ совершеннымъ успѣхомъ. Если бы по той причинѣ гдѣ-нибудь нѣмецкій языкъ не могъ быти преподавательнымъ въ низшихъ классахъ гимназіи, нужно его науку такъ устроить, чтобы на немъ могли происходить преподаванія въ высшихъ классахъ при большей части предметовъ.

Краковскій школьный инспекторъ Вильгельмъ понялъ то письмо въ томъ смыслѣ, що въ гимназіяхъ преподаваніе по возможности должно происходить на нѣмецкомъ языкѣ, и предложилъ министерству, сначала въ тарновской, а затѣмъ въ другихъ гимназіяхъ западной Галичины расширити нѣмецкое преподаваніе. Однако министръ просвѣщенія отвѣтилъ рескриптомъ отъ 7 августа 1855 г., що „не есть его намѣрені-

емъ вытѣснити краевый языкъ изъ его настоящаго состоянія яко преподавательнаго въ гимназіяхъ“. Вильгельмъ однако, прикрываясь авторитетомъ краковскаго президента бар. Меркандина, осуществилъ свое намѣреніе, заслоняясь недостаткомъ польскихъ учителей и польскихъ учебниковъ.

Голуховскій и Черкавскій опасались теперь, чтобы министръ не заявилъ русскаго языка преподавательнымъ, примѣнительно къ прежнимъ министерскимъ распоряженіямъ по которымъ нѣмецкій преподавательный языкъ въ гимназіяхъ восточной Галичины былъ лишь временнымъ. По той причинѣ Черкавскій (несомнѣнно по наущенію Голуховскаго) предложилъ министру слѣдующее донесеніе :

„Отъ правительственной програмы, по которой галицко-русскій языкъ имѣеть съ временемъ стати преподавательнымъ въ восточной Галичинѣ вмѣсто нѣмецкаго, надобно отступить. Невозможность ввести „рутенскій“ преподавательный языкъ познало неоднократно само правительство, именно при каждомъ вновь начатомъ или вознамѣренномъ устройствѣ школьныхъ отношеній. Такъ было въ 1848 – 1850 гг., такъ стало молчкомъ въ письмѣ императора отъ 9 декабря 1854 г. и по отмѣнѣ постановленія, по которому польская молодежь принуждалась учиться „рутенскому“ языку (1856). Съ той поры не произошла вещественная перемѣна въ положеніи дѣла. Интересъ для развитія галицко-русскаго языка и національное движеніе оживились на

самомъ дѣлѣ среди русскаго духовенства, больше чѣмъ прежде, и больше чѣмъ прежде слышится сегодня галицко-русскай языкъ, особенно въ верховодящихъ кругахъ сего духовенства. Однако направленіе, избранное галицко-русскою литературою, не есть того рода, чтобы могъ развиться народный языкъ, для всѣхъ жителей больше-меньше понятный, чтобы сей языкъ усовершенствовался и стался удобнымъ средствомъ для усвоенія высшихъ понятій. Сей литературный языкъ напротивъ сбился изъ прямого пути, ибо черезъ принятіе словъ, формъ и способовъ выраженія частью изъ церковнославянскаго, частью изъ великорусскаго языка, перемѣнился въ нарѣчіе, сближенное съ послѣднимъ языкомъ, для русиновъ едва понимаемое, для нѣмецкихъ жителей совсѣмъ непонятное.

Не можетъ ніякъ считатись цѣлесообразнымъ, вводить такой языкъ въ качествѣ преподавательнаго въ школахъ и такимъ образомъ офиціально давати гасло къ русификаціи края посредствомъ школы. Тѣмъ меньше такую мѣрою можно бы осуществити мысль, крѣпящуюся въ импер. письмѣ отъ 9 декабря 1854 г., по которой въ гимназіяхъ наука преподаватись должна на языкѣ, столь извѣстномъ и доступномъ для учениковъ, дабы они могли понимати ту науку съ всецѣлымъ успѣхомъ. Такихъ свойствъ не имѣеть галицко русскій литературный языкъ въ своей настоящей формѣ въ такой же степени, якъ его не имѣеть простонародный галицко-русскай языкъ, на-

ходящийся въ состояніи дѣтства и не способный также статись орудіемъ основного образованія по мысли высочайшого письма отъ 9 декабря 1854 г.“

Удивительныи языковѣдныи познанія были у Черкавского. По его мнѣнію русины не могли себѣ усвоити высшее образованіе ни посредствомъ областного литературного языка, ни посредствомъ простонародныхъ нарѣчій. Що же имъ оставалось? Или упорствовать въ своей глуцотѣ, или статись поляками или нѣмцами. Черкавскій имѣлъ на мысли колонизацію русской молодежи, ибо въ своемъ донесеніи говоритъ дальше такъ: „Если въ виду русской молодежи не далось бы оправдати, чтобы ея умственное развитіе пострадало отъ науки на языкѣ неестественномъ и не розвившемся среди историческихъ соціальныхъ отношеній — то въ виду польской молодежи, посѣщающей гимназіи восточной Галичины, введеніе „рутенского“ преподавательного языка было бы средствомъ весьма суровымъ, когда польскій языкъ есть въ устахъ каждого образованного жителя Галичины безъ различія, къ какой бы народности онъ ни принадлежалъ, и отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ, отмѣченнымъ въ высочайшемъ письмѣ отъ 9 декабря.“

Но що сдѣлати съ галицко-русскимъ языкомъ? Истребити-ли его? И тѣмъ вопросомъ задался Черкавскій. Онъ предлагаетъ его дальше розвивати такъ, чтобы онъ не былъ ни простонароднымъ, ни сходнымъ съ церковно-славянскимъ и „россійскимъ.“

Такій взглядъ имѣлъ Черкавскій, якъ слѣдуетъ изъ дальшихъ его словъ въ донесеніи. „Въ замѣнъ за то—пишетъ онъ дальше— должно лежати въ намѣреніяхъ розважной государственной администраціи, щобы она издала соотвѣтственныя распорядженія для постепенного усовершенствованія галицко-русского языка и сдѣлала возможнымъ его принятіе въ ширшихъ кругахъ, дальше щобы она проложила дорогу постепенному соціальному подъему сословія, среди котораго жилъ до сихъ поръ сей языкъ.“

Любопытно узнати, якою дорогою желалъ Черкавскій вести русское простонародіе къ „соціальному подъему“. Самъ онъ говоритъ, що ни посредствомъ литературного, ни посредствомъ простонародного языка его просвѣщати не можно. Изъ сего слѣдуетъ опять, що онъ имѣлъ на мысли польскій языкъ яко средство просвѣщенія русского простонародія.

Черкавскій кончить свое донесеніе сими неясными словами: „Прежде всего подобаеъ сему языку признати такое положеніе, яке ему принадлежитъ по причинѣ его связи съ обрядными и другими отношеніями.“

Когда Черкавскій писалъ свое донесеніе, положеніе Голуховского въ Галичинѣ было уже прочнымъ, ибо ему удалось убѣдiti верховодящіи круги Вѣднѣ, що лежить въ интересѣ государства оперти свою политику на галицко-польской шляхтѣ. Голуховскій выступаетъ теперь смѣлѣйше

противъ русиновъ и пускаетъ въ ходъ все новыя хитрости, чтобы розслабити ненавистную стихію. Прежде онъ страшилъ австрійское правительство, що русины хотятъ создати свое особое государство и отняти у Россіи Малую Русь, теперь пишетъ онъ въ Вѣдень доносы о руссофильствѣ русиновъ. Лозинскій говоритъ: „Голуховскій не спускалъ съ ока загадочной для него „Рутеніи“ и онъ первый замѣтилъ обнаружившійся въ галицко-русскихъ кругахъ поворотъ къ руссофильству. Признаки въ томъ отношеніи дали замѣчаться еще предъ восточными усложненіями, вызвавшими крымскую войну. Уже тогда російская печать занималась восточною Галичиною якобы російскимъ краемъ. Въ губерніи обращали зоркое вниманіе на голоса російскихъ редакцій, корреспонденціи изъ Галичины и отчеты панславистскихъ агитаторовъ; нѣкоторые изъ нихъ въ нѣмецкомъ переводѣ посылали гр. Голуховскій австрійскому консулу въ Варшавѣ и австрійской амбасадѣ въ Петербургѣ, чтобы узнать, кто тѣ первыя странствующие пропагаторы руссофильства. Ихъ информація не довела къ важнѣйшимъ открытіямъ. Россія высылала своихъ агентовъ, чтобы слѣдiti за польскими заговорами и извѣщала о томъ каждый разъ правительство съ просьбою о содѣйствіи. Въ 1854 г. шефъ тайной полиціи полковникъ Паулуччи извѣтилъ изъ Познани австрійское правительство о преднамѣряемой повѣздцѣ своей въ Галичину. Голуховскій приказалъ директору полиціи

русского полковника слѣдити на каждомъ шагу и себѣ давати отчетъ каждыи 48 часовъ. Однако Паулуччи не пріѣхалъ. Онъ просилъ Голуховского о списокъ помѣщиковъ, жившихъ въ отстояніи трехъ миль отъ границы, но Голуховскій отказалъ.“

Въ 1855 г. гр. Голуховскій писалъ гр. Туну, що профессоръ галицко русского языка и его литературы на львовскомъ университетѣ, Яковъ Головацкій, въ составленныхъ собою школьныхъ учебникахъ откровенно объявляетъ стремленіе къ введенію въ галицко-русскомъ литературномъ языкѣ російскихъ способовъ выраженія, словъ и формъ, вообще старается ввести російскій языкъ вмѣсто „рутенского“. Голуховскій писалъ дальше, що получилъ изъ провинціи донесеніе, якобы русскіи священники также вводили, подобно Головацкому, непонятныи для народа языковыи перемѣны. Инспекторъ Черкавскій при осмотрѣ гимназій замѣтилъ явственныи слѣды языкового руссофильства. Все то весьма опасно для государства. Гр. Тунъ одобрилъ мнѣніе Голуховского и далъ Головацкому увѣщаніе. Но вскорѣ написалъ Голуховскій къ Туну опять, що Головацкій въ новомъ учебнику помѣстилъ языковыи руссизмы. Тунъ повидимому мало обратилъ вниманія на тотъ доносъ; ибо Голуховскій въ 1857 г. снова взываетъ у Туна правительственной интервенціи, „ибо Головацкій прививаетъ къ умамъ кандидатовъ учительского званія свои взгляды и стремленія“. Гр. Тунъ согласился на правитель-

ственную интервенцію, ибо — якъ утверждалъ — цѣлью катедры „рутенского“ языка въ львовскомъ университетѣ есть развитіе простонародного нарѣчія до степени литературного языка. Голуховскій воззвалъ тогда Головацкого оправдати себе и въ той цѣли предложити рукописи, изъ которыхъ читаетъ лекціи.

Головацкій удовлетворилъ желанію и Голуховскій далъ рукописи 27 января 1858 г. Черкавскому къ розсмотрѣнію, поручая ему, основно изслѣдовати дѣло изъ взгляда на фактъ, що по визитаційнымъ рапортамъ о состояніи гимназій, въ восточно-галицкихъ гимназіяхъ не только русское нарѣчіе, которому учится молодежь въ школахъ, есть отмынное отъ употребляемого въ краѣ, но сверхъ того тамъ и тутъ проповѣдуются идеи, не отличающіися консервативнымъ характеромъ. На записцѣ Голуховскій прибавилъ собственноручно: „Отъ достовѣрныхъ особъ получилъ я секретное донесеніе, що многіи гр. кат. гимназіальныи законоучители въ своихъ преподаваніяхъ употребляютъ нарѣчіе, непонятное для молодежи, вслѣдствіе чего наука религіи не можетъ вѣнчатись такимъ успѣхомъ, якій необходимый для образованія сердца и укрѣпленія религіиности. Если вы также замѣтили такое весьма опасное состояніе дѣла, то прошу мнѣ поименно назвати тѣхъ законоучителей, которые избрали то сожалѣнія достойное направленіе и въ немъ упорствуютъ.“

Черкавскій пересмотрѣлъ рукописныя лекціи Головацкаго и составилъ свой рефератъ—якъ Лезинскій пишетъ—въ формѣ историко-языкословнаго сочиненія (!). Онъ удостовѣрилъ руссофильскую дѣятельность Головацкаго и доказалъ, що употребленіе въ простонародной рѣчи выраженій и оборотовъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка, якъ то дѣлаеть духовенство въ проповѣдяхъ, ведеть исподоволь, но непременно къ всецѣлому сліянію галицко-русского нарѣчія съ російскимъ языкомъ, що уже явно проповѣдуютъ „Галицкая Зоря“ и „Семейная Библіотека“.

Жаль, що сей историко-лингвистичный этюдъ Черкавскаго до сихъ поръ печатью не опубликованъ. Черкавскій запрещаетъ русинамъ употреблять церковно-славянскіи выраженія и обороты рѣчи. Въ такомъ случаѣ русинъ не можетъ ежедневно молитися по церковному, въ церкви не можетъ происходить богослуженіе на церковномъ языкѣ, священникъ не можетъ въ проповѣдяхъ наводити мѣста изъ священнаго писанія въ подлинномъ ихъ текстѣ!... Все то, по мнѣнію Черкавскаго, ведеть къ „россійщинѣ“, значитъ есть—государственною измѣною.

Самъ Черкавскій говоритъ, що въ простонародномъ нарѣчїи нѣтъ словъ для высшихъ понятій. Откуда же брати тѣ слова? Очевидно изъ польскаго, или ковати новыя слова. Черкавскій или совсѣмъ не зналъ

не только русской, а также польской и всемирной истории, свидетельствующей о сравнительно высокой культурѣ древней Руси, или нарочно отрицалъ все прошедшее Руси, становясь на анархистскую точку зрѣнія. Такъ какъ онъ былъ учителемъ всемирной истории, то и то возможно, що писалъ по своей безхарактерности, слушаясь Голуховского. Если бы правительство поставило себе на точку зрѣнія Черкавского, то должно сейчасъ приказати миліонамъ своихъ подданныхъ оставить греко-славянскій обрядъ и принять или латинскій, или мойсеевъ законъ, или магометанство.

Черкавскій написалъ на основаніи своего этюда 12 марта 1858 г. донесеніе къ гр. Туну, обвиняя русиновъ, що запропастили данныи имъ правительствомъ условія нормального развитія „рутенской“ національности въ дусѣ питомыхъ потребностей и историческихъ преданій, желая направить свое національное движеніе на опасную для государства дорогу. Русины трудятся въ пользу російскаго царя (pour l'empereur de Russie.)

Къ написанному рукою Черкавского донесенію, прибавилъ Голуховскій собственноручно: „Мои опасенія относительно русскихъ проповѣдниковъ я сообщилъ епископу-суфрагану Литвиновичу и обратилъ его вниманіе прежде всего на свящ. Кульчицкого и Малиновского, именованныхъ въ последнее время греміяльными канониками. Одновременно я обратилъ вниманіе названнаго епископа на то, що есть опаснымъ

дѣломъ позволяти духовнымъ семинаристамъ, чтобы они посѣщали преподаванія проф. Головацкаго по русскому языку и русской литературѣ. Пока онъ не сойдетъ изъ избраннаго собою пути, молодежь, воспитующаяся на духовныхъ, будетъ усваивати себѣ формы и выраженія, недоступныя для народа, имѣющаго получать поученіе и наставленіе. Образованіе семинарской молодежи, веденное въ такомъ дусѣ, приняло бы направленіе, которое не принесетъ хорошихъ плодовъ ни для церкви, ни для государства. Литвиновичъ призналъ справедливость моимъ словамъ и увѣрилъ мене, что соотвѣтственные увѣщенія далъ какъ проповѣдникамъ, такъ и проф. Головацкому. Не вижу однако, чтобы дѣло исправилось въ одномъ или другомъ направленіи... Затѣмъ Голуховскій въ продолженіи своихъ замѣчаній остерегаетъ центральное правительство передъ допущеніемъ руссофильской пропаганды, которая изъ языковой области естественнымъ путемъ перейдетъ на политическое поприще и породитъ съ большею опасностью для государства сепаратистическую стихію, тяготящую къ Россіи.

Голуховскій кончитъ свои замѣчанія слѣдующимъ образомъ: „Между славянскими народами польская стихія составляетъ до сихъ поръ единственное средство реакціи противъ панславизма. Поневолю представляется мысль, чтобы стихія та также въ Галичинѣ вошла въ игру (wprowadzono w grę въ переводѣ у Лозин-

ского) противъ порывовъ панславизма. По той причинѣ предлагаю: 1) Упразднити кафедру „рутенского“ языка и „рутенской“ литературы въ львовскомъ университетѣ, яко не отвѣчающую въ настоящемъ ея состояніи ожиданіямъ, выраженнымъ въ декретѣ министерства отъ 30 августа 1848 г. и не скорше ю замѣстити, пока не найдется кандидатъ, способный придати лекціямъ по сему предмету больше позитивное направленіе. 2) Ввести латинское абецадро въ галицко-русскомъ языкѣ, яко важное предохранительное средство въ виду усиливающейся руссификаціи того языка и примѣнити ту мѣру въ школьныхъ книжкахъ и публикаціи законовъ. 3) Пока „рутенскій“ языкъ не розвинется, учити въ низшихъ класахъ гимназіи только польскому языку; русины могутъ своему языку учиться только въ высшей гимназіи. Польскій языкъ есть доступнѣйшій для русскихъ дѣтей. 4) Подобаеть другими мѣрами поставити крѣпкую преграду панславистской пропагандѣ въ Галичинѣ. Въ той цѣли нужно сровнати юліанскій календарь русскій съ григоріанскимъ. Юліанскій календарь составляетъ соприкасательную точку между галицкими русинами и панславистскою Россією.“

При концѣ акта стоятъ слова почерка Голуховского: „Pro foro interno. Въ случаѣ отрѣшенія о. Головацкаго отъ кафедры русского языка слѣдуетъ заблаговременно для той позиціи приготовить другого кандидата.“ Лозинскій есть того мнѣнія, що Голу-

ховскій и Черкавскій имѣли на мысли Зигмунта Савчинского яко кандидата на профессора „рутенского“ языка.

Если внимательно розсмотрѣти предложенія Голуховского, то выступаетъ наружу руководящая мысль цѣлого проекта, состоящая въ томъ, чтобы — употребляя словъ Голуховского — „также въ Галичинѣ вошла въ игру противъ порывовъ панславизма польская стихія“, или сказавши другими словами: русины должны для блага государства статись поляками. Фраза о развитіи „рутенского“ языка остается пустою фразою. Новый профессоръ рутенского языка на университетѣ долженъ лишь облегчати дѣло колонизаціи.

Когда проекты Голуховского пришли въ Вѣдерь подъ совѣщанія министерства, министръ внутреннихъ дѣлъ Бахъ и министръ полиціи бар. Кемпенъ совсѣмъ не согласились съ показаніями Голуховского и въ виду того противъ особъ, употребляющихъ церковно-славянскіи слова, не могли быти предприняты ніякіи судебно-полицейскіи мѣры. Голуховскій ихъ не могъ обжа-ловати въ государственной измѣнѣ и сажати въ тюрьму. Лишь гр. Тунъ колебался и яко министръ просвѣщенія могъ въ своемъ кружѣ дѣйствія поступити по своему усмотрѣнію. Онъ далъ 18 іюля 1858 г. Голуховскому письменный отвѣтъ, що соглашается съ воззрѣніями его касательно ложного направленія въ развитіи литературного языка русиновъ, однако совѣтуетъ Голуховскому, осторожно вести дѣло, ибо въ

виду чувствительности русиновъ на точкахъ церковно - обрядовой и національной, австрійское правительство не хотѣло бы по-пасти въ ошибки, якіи сдѣлала Польша въ обращеніи съ своими уніятами. Русины привыкли чисто-языковыи вопросы соеди-няти съ церковными дѣлами и въ томъ ле-житъ источникъ всякого недовѣрія. Слѣду-етъ выстерегаться вызывати то недовѣріе черезъ соединеніе языковыхъ и церковныхъ дѣлъ, не смотря на практическую пользу проектуемыхъ реформъ. Въ Палестинѣ гр.-уніатскій патріархъ мелхитовъ черезъ за-веденіе григоріянскаго календаря потерялъ свою паству, ибо суфраганы и мало не цѣ-лая епархія отступили отъ него. Слѣдуетъ обмежитись на введеніи латинскаго абеца-дла, щó тѣмъ больше далось бы осущест-вити, такъ якъ русскій священникъ Лозин-скій уже ту мысль защищаль и практиче-ски примѣнилъ въ „Русскомъ весельѣ“. Правительство возьметъ на себе починъ и начнетъ реформу съ школьныхъ учебни-ковъ, затѣмъ прійдетъ очередь на „Вѣст-никъ державныхъ законовъ“. На вытѣсненіе галицко-русского языка изъ низшей гимна-зій и введеніе его только въ высшихъ кла-сахъ министръ не соглашается по дидакти-ческимъ причинамъ, однако охотно согла-шается на такую реформу, щобы наука галицко-русского языка преподавалась въ гимназіяхъ сровнительнымъ способомъ раз-омъ съ польскимъ языкомъ. Тѣмъ можно бы надлежащимъ образомъ подня-ти сродство обоихъ языковъ яко о-

плоть противъ руссификаціи-ныхъ стремленій. Министръ даетъ суровое увѣщаніе проф. Головацкому и уполномочиваетъ гр. Голуховского отыскати способного кандидата на катедру галицко-русского языка на случай, если бы проф. Головацкій, не смотря на министерское увѣщаніе, не залишилъ впредь пропаговати языковое руссофильство *ex cathedra*.

Еп. Литвиновичъ во Львовѣ и еп. Яхимовичъ въ Перемышлѣ получили прямо отъ министра воззваніе противодѣйствовать прониканію выраженій, формъ и оборотовъ изъ церковно-славянского языка въ проповѣди русского духовенства и вообще въ его сношенія съ сельскимъ народомъ.

Между Вѣднемъ и Львовомъ завязалась живая корреспонденція касательно галицко-русского языка. Черкавскій „въ основной записцѣ“ — якъ Лозинскій говоритъ — розвинулъ пространый проектъ подробной инструкціи о преподаваніи и образованіи галицко-русского языка изъ взгляда на предполагаемое введеніе латинского алфавита и работалъ надъ планами новыхъ школьныхъ учебниковъ и словаря, имѣющаго составитись спеціальною комисією.

Прежде всего представился вопросъ, замѣнати ли прямо кириллицу латинскими буквами, или обозначити русскіи звуки отдѣльно въ латинскомъ правописаніи, не обращая вниманія на кириллицу? Гр. Тунъ выразилъ мнѣніе, що подобаетъ избѣгати всего, що могло бы возбудити подозрѣніе, будто дѣло идетъ о томъ, чтобы русскій

языкъ вытѣснити въ пользу польского и потому первый путь не одобряется. Въ отвѣтъ на то Черкавскій изготавилъ новое языкословное розсужденіе, предлагая фонетическое правописаніе. (Переписку Черкавского съ Тузомъ Лозинскій трактуеть поверхностно и оттого не можно ясно представить себѣ, въ чемъ дѣло.)

Стануло на томъ, що цѣлое дѣло будетъ обруждаемо въ львовской губерніи спеціальною комисією при участіи министерского делегата Ъречка. Основую послужить рефератъ Черкавского. Въ составъ комисіи министръ вазначилъ епископа-субрагана Литвиновича, канониковъ Куземского и Малиновского, Якова Головацкого, Черкавского, автора „Русского веселья“ Лозинского, директора гимназіи Амвросія Яновского, директора гимназіи Омму Полянского, проф. гимназіи о. Николая Котлярчука (не принялъ участія въ совѣщаніяхъ) и референтовъ дѣлъ школьныхъ въ губерніи Эрнеста Зелига и гофрата Кароля Моша.

Прежде чѣмъ комисія собралась, Яковъ Головацкій сложилъ письменное заявленіе, що признаеть ошибки, въ которыхъ его упрекають и сообразится съ тѣхъ поръ съ всецѣлымъ повиновеніемъ съ желаніями правительства якъ въ учительской, такъ и въ частной своей дѣятельности. Литвиновичъ и Яхимовичъ издали пастырское посланіе къ духовенству, остерегая его передъ церковщаною и руссифизмами въ проповѣдяхъ и вообще въ сношеніяхъ съ народомъ.

Въ маѣ 1859 г. собралась названная языковая комисія въ зданіи губерніи. Одновременно въ русскихъ кругахъ составлялись петиціи и адреса въ защитѣ славянскаго письма. Во время совѣщаній Бречекъ предлагалъ чешское правописаніе. Русины стояли за свое письмо, возражая, що правительство стремить къ оттолкнванію галицко-русской письменности отъ исторической основы и созданію пропасти между Русью а ея церковью и цѣлымъ славянскимъ востокомъ, чтобы русиновъ сліяти съ поляками.

При подачѣ голосовъ заявилися противъ введенія латинскаго алфавита еп. Литвиновичъ, кан. Куземскій, кан. Малиновскій, проф. Я. Головацкій, о. Лозинскій. За латинскимъ алфавитомъ заявилися министр. секретарь Бречекъ и Черкавскій. За постепеннымъ проведеніемъ реформы черезъ прибавленіе латинскаго правописанія въ русскихъ читанкахъ были о. Полянскій, Амвросій Яновскій, Мошъ, Зелигъ.

Во время преній найрѣшительнѣйше выступалъ Куземскій. Онъ назвалъ правительственный проектъ посягательствомъ на права галицко русскаго народа. Еп. Литвиновичъ велъ себе дипломатично; въ душѣ онъ былъ съ оппозиціею.

Въ іюнѣ написалъ Голуховскій къ Туну реляцію о ходѣ совѣщаній. „Еп. Литвиновичъ — писалъ онъ — попалъ въ противорѣчіе съ духомъ издавнаго прежде папскаго посланія. Сквернѣйшій изъ всѣхъ есть кан. Куземскій. Его партія считаетъ

себе представительницею идей, плановъ и требованій прежней „Русской Рады“ отъ 1848 г. Та партія имѣеть притязаніе на особенное положеніе въ краѣ, а все, що предпринимается со стороны правительства не въ душъ ея притязаній, считаетъ она проломомъ въ будто бы пріобрѣтенныхъ уже правахъ и смѣеть оскорбительными подозрѣніями объяснати относительны мѣры государственной администраціи. Якъ мало однако годятся стремленія прежней „Русской Рады“ для скрѣпленія единства государства, видно на притязаніяхъ Куземского, щобы русскій языкъ былъ повсюду, въ школахъ и государственныхъ вѣдомствахъ. Партія Куземского состоитъ въ головной мѣрѣ изъ гр. кат. священниковъ, мѣшаеть понятіе своего сословія съ понятіемъ національности и даеть тѣмъ поводъ къ подозрѣніямъ въ наклонности къ православію(!) Професоръ Голвацкій заявилъ себе во время преній интеллектуально недостойнымъ своего званія.“ Въ концѣ проситъ Голуховскій Туна не отступати отъ намѣренія, въ школьныхъ книжкахъ вводити постепенно латинское правописаніе вмѣсто русскаго.

Голуховскій велѣлъ старостамъ предложити реляціи о мнѣніи населенія касательно сего вопроса и отослалъ ихъ въ Вѣдень. Реляціи старостовъ гласили, що народъ предпочитаетъ польскій текстъ въ „Вѣстнику законовъ“ тексту, печатанному кириллицею, однако гр. кат. духовенство розвиваетъ полную терроризма агитацію.

Лозинскій думаетъ, що подстрекательства противъ латинского письма выходили отъ мин. сов. Шашкевича. Шашкевичъ настраивалъ также Туна въ свою пользу, такъ что Тунъ цѣлое дѣло велъ вяло.

Голуховскій на свою реляцію отъ іюня повиданому не получилъ ніякого отвѣта, ибо въ іюль 1859 г. пишетъ онъ слѣдующую новую реляцію въ томъ же дѣлѣ: „Одностороннему представленію русскаго духовенства, особенно же русской сепаратистичной партіи, состоящей майже исключительно изъ того же духовенства, не можно въ семъ отношеніи признати рѣшительнаго значенія, ибо та партія, якъ вообще русское духовенство, не есть призвано заступати исключительно интересы всего русскаго населенія и сверхъ того своими дотеперѣшними манифестаціями оно возбуждаетъ основательное сомнѣніе относительно чистоты своихъ тенденцій. Умножаются признаки, свидѣтельствующіи, якъ необходимымъ есть для правительства, обратити свое вниманіе на то обстоятельство. Во Львовѣ пребывалъ въ іюнѣ с. г. россійскій литераторъ Смирновъ, будто бы для собранія матеріяловъ до исторіи галицкаго княжества и имѣлъ рекомендаційныи письма до польскихъ литераторовъ, якъ Белѣвского, Добржанского, и до проф. галицко-русского языка о. Головацкого. На основаніи конференціи съ поодинокими членами русской сепаратистичной партіи, Смирновъ выразился съ большимъ удовольствіемъ о успѣхахъ въ сближеніи русиновъ съ сосѣд-

ствующею Россією. Бывшій редакторъ издаваемыхъ тою партією періодическихъ писемъ „Лада“ и „Семейная Библіотека“ имѣлъ войти въ особенно тѣсныя сношенія съ Смирновымъ; просилъ его о посредничестве, чтобы за редагованіе тѣхъ писемъ въ руссофильскомъ дусѣ могъ получить вознагражденіе отъ російскаго правительства. О Шеховичѣ говорили уже тогда, когда онъ велъ редакцію тѣхъ писемъ, що получаетъ субвенцію отъ Россіи. Зазначаю, що въ той редакціи принималъ участіе также проф. Яковъ Головацкій. Шеховичъ былъ нѣкоторое время редакторомъ русской часописи „Зоря галицкая“, органа „Русской Рады“, управляемого кан. Куземскимъ. Тотъ органъ поддерживалъ интересы русской сепаратистической партіи. Достойнымъ замѣчанія есть также пребываніе російскаго литератора Громеки и его сношенія съ русскою партією. Громека описалъ свое путешествіе, назвалъ лица, съ которыми секретно сообщался и привелъ секретныя разговоры съ ними. Я принялъ мѣры, чтобы получить описаніе того путешествія!“

Замѣчательны въ сей реляціи два мѣста. И такъ утверждаетъ Голуховскій, що Шеховичъ яко редакторъ „Лады“ и „Семейной Библіотеки“ получалъ субвенцію отъ російскаго правительства, и затѣмъ говоритъ Голуховскій, що Шеховичъ просилъ Смирнова, чтобы ему выхлопоталъ субвенцію... Если Шеховичъ имѣлъ уже сношенія съ російскимъ правительствомъ,

то посредничество Смирнова было ему не нужно. На дѣлѣ едва-ли можно говорить о зависимости Шеховича отъ російскаго правительства, ибо онъ самъ, его жена и дочери погнѣбли — отъ голода. Дальше пишетъ Голуховскій, що Громека печатью обвѣстивъ секретныи конференціи, які имѣлъ съ русинами во Львовѣ. Если Громека секретъ, ввѣренный ему русинами, такимъ образомъ розгласилъ по всемъ мірѣ, то или русины изъ своихъ розговоровъ не дѣлали секрета, или Громека дѣйствовалъ въ порозумѣніи съ Голуховскимъ.

Повидимому самъ Тунъ замѣтилъ недѣлности въ донесеніи Голуховскаго и не увѣрилъ имъ. Въ рескриптѣ отъ 25 іюля 1859 г. Тунъ, зная самолюбіе Голуховскаго, щобы не задѣти его щекотливости, начинаеть съ того, що признаеть Голуховскому справедливость его опасеній на счетъ успѣховъ и цѣлей руссофилизма и неодобрительно выражается о поведеніи Литвиновича и Куземскаго на засѣданіяхъ комисіи — однако рѣшительно заявляеть, що отступаеть отъ проекта ввести латиницу въ галицко-русское письменство, дабы русины не роптали, и утверждаеть лишь проектъ Черкавскаго относительно перемѣны галицко-русскаго правописанія въ фонетическомъ направленіи, щобы положити преграду постепенному сближенію галицко-русскаго правописанія съ російскимъ.

Такимъ образомъ отцомъ фонетики въ Галичинѣ слѣдуетъ считати Черкавскаго.

Гр. Голуховскій сообщилъ содержаніе отвѣта Туна старостамъ еъ прибавленіемъ, що проектуемое введеніе латинскихъ буквъ въ галицко-русское письмо отсрочается до удобнѣйшого времени, когда сами русины признають практичность той мѣры.

Голуховскій былъ убѣжденъ, що планъ его не удался вслѣдствіе интригъ Шашкевича, противодѣйствовавшего его затѣямъ въ министерствѣ. Онъ пишетъ опять къ Туну 4 августа 1859 г., жалуясь на Шашкевича и называя его дѣятельность недостойною высокаго государственнаго чиновника. Шашкевичъ представилъ правительственный проектъ яко посягательство на самостоятельное развитіе галицко-русской самостоятельности и утверждалъ, що то развитіе есть отрицаніемъ плановъ воскресенія независимой Польши. Шашкевичъ есть виновникомъ меморіала русиновъ, заключающаго въ своемъ подстрекательномъ текстѣ знамена злочинства, подпадающаго карному закону. Однако онъ (Голуховскій) не хочетъ ни подущати, ни требовати удовлетворенія за оскорбительныя уступы въ меморіалѣ, ибо чувствуетъ себе высшимъ надъ того рода напасти. Онъ обращаетъ лишь вниманіе правительства на такое недостойное поведеніе государственнаго чиновника. Голуховскій кончитъ: „Я имѣлъ на мысли лишь тѣснѣйшее сплоченіе съ государствомъ галицко-русской стихіи, необходимое для скрѣпленія государственнаго единства, ибо та стихія якъ-бы чужая выступила среди другихъ племенъ государства. Я хотѣлъ

галицко-русскую стихію скрѣпити жизненнѣйшими и настоящимъ отношеніямъ больше соответствующими факторами. Не гоняясь за почестями и не опасаясь осужденія со стороны верховою русской партіи, я обращалъ вниманіе на будущее галицко-русской народности и исполнилъ долгъ лояльнаго гражданина и вѣрнаго слуги Его величества, указуя на опасенія, якіи возбудити должно галицко-русскою литературою уже проложенное сліяніе духовной жизни галицкихъ русиновъ съ духовною жизнью великороссовъ. Въ жизненности поддерживаемаго мною проекта введенія латинскихъ буквъ въ галицко-русскомъ письменствѣ я такъ сильно убѣжденъ, що не сомнѣваюсь въ его осуществленіи въ будущности, если предъ встеченіемъ процесса развитія галицко-русская стихія не станется совсѣмъ добычею русификаціонныхъ стремленій и не отложится отъ жизни австрійскаго государства.“

Голуховскій долженъ былъ быти послѣдовательнымъ и добавити, що также нѣмцы, итальянцы, румыны, поляки могутъ отложитись отъ государственной жизни Австріи, ибо они живутъ въ духовной общности со своими соплеменниками внѣ предѣловъ Австріи.

Черкавскій издалъ новый планъ и инструкцію для науки галицко-русского языка въ школахъ, Голуховскій же имѣлъ то удовольствіе, що яко министръ могъ вскорѣ издати роспоряженіе, щобы власти въ Галичинѣ русскіи просьбы принимали лишь

въ такомъ случаѣ, если они писаны польскимъ абецадломъ.

Лозинскій утверждаетъ, що руссофизмъ утвердился въ пору эры Шмерлинга такъ крѣпко среди русиновъ, що Голуховскій, ставши вторично губернаторомъ Галичины въ 1866 г., принужденъ былъ бороться съ нимъ не только въ языковой, а также въ политической и церковной областяхъ. О насильственномъ введеніи латинского письма и рѣчи быти не могло. Борьба съ руссофильствомъ шла Голуховскому трудно и онъ съ нимъ справиться не могъ. Лозинскій оправдываетъ гр. Голуховского въ его неудачѣ, говоря на стор. 996 своего сочиненія, що *russofilizm... szczyrzy narodowcy nie mogą go wyplenić — ręce im opadają ze zwątpienia*. Изъ сего слѣдовало бы, що „народовцы“ продолжаютъ работу Голуховского. Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ и статьяхъ народовцевъ находятся мысли цѣликомъ взятые изъ рефератовъ Черкавского и реляцій Голуховского. Однако въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ *Przewodnik*-а Лозинскій не коснулся отношеній Голуховского къ народовцамъ въ 1860-ти и въ началѣ 1870-ти годовъ и не подалъ касательно сего вопроса ніякихъ правительственныхъ актовъ и тотъ періодъ въ исторіи Галицкой Руси еще довольно темный.

Въ связи съ языково-абецадловымъ дѣломъ стоитъ еще столкновеніе Голуховского съ львовскимъ директоромъ полиціи Хоминскимъ. Въ іюнь 1859 г., когда Голуховскій писалъ реляцію къ Туру о засѣда-

ніяхъ языковой комисіи, отправилъ онъ также къ министру полиціи жалобу на Хоминского, що онъ злонамѣренно его яко намѣстника невѣрно освѣдомлялъ о настроеніи русскихъ круговъ и що онъ на своемъ становищѣ вредный: „Въ интересъ цѣсарской службы я принужденъ весьма сожалѣти надъ тѣмъ, що когда тѣ лица во Львовѣ (руссофиловъ, т.е употребляющихъ церковно-славянскіи слова въ письмѣ) подобаетъ съ всею строгостію надзоровати, отъ начальника здѣшней дирекціи полиціи не можно ожидать безпристрастного обсуждения дѣла, ибо, якъ я при многихъ случайностяхъ имѣлъ случайность заявити, начальникъ здѣшней дирекціи полиціи живетъ съ верховодителями русской сепаратистической партіи на поразительно фамильярной нозѣ.“ Лозинскій прибавляетъ, що Голуховскій передъ тѣмъ порядочно побранилъ Хоминского.

Голуховскій въ пору второго своего губернаторства дѣйствительно установилъ полицейскій надзоръ надъ русскими литераторами, корреспондентами „Слова“ и вообще заявлявшими симпатіи для исторической русской партіи. Способъ надзиранія былъ тотъ, що къ относительному лицу приставлено другого русина или особу якої нибудь народности, которая съ надзираемымъ заключала знакомство или дружбу, или входила въ службовое или другого рода отношеніе, и що письма, книги, записки и т. д. надзираемого лица пересматривались. Надзиратели входили въ церковь, що-

бы провѣрять проповѣди, нѣтъ ли въ нихъ „московскихъ“ (значить церковно-славянскихъ) словъ.

Изъ приведенныхъ правительственныхъ актовъ слѣдуетъ, що по мысли вѣденскаго министерства народнаго просвѣщенія опредѣленіемъ катедры галицко-русского языка на львовскомъ университетѣ было, развити сей языкъ въ такомъ направленіи, чтобы онъ отдалялся отъ общерусского, а приближался къ польскому. По мнѣнію вѣденскихъ правительственныхъ сферъ, тотъ языкъ былъ совсѣмъ безъ литературы и неспособнымъ для выраженія научныхъ понятій, якъ будто галицкіи русскіи никогда не жили духовною жизнью и только съ 1848 г. начали выходить изъ состоянія дикости. Катедра „рутенского“ языка въ львовскомъ университетѣ была въ виду того собственно катедрою „развитія рутенского языка“ въ извѣстномъ, черезъ вѣденское правительство опредѣленномъ направленіи и тѣмъ своимъ свойствомъ различалась отъ университетскихъ катедръ другихъ языковъ, располагающихъ литературою, профессору которыхъ должны на основаніи словесныхъ плодовъ извѣстнаго народа изображати его духовную жизнь въ прошедшемъ и представляти законы, на которыхъ основывается его изустное и письменное слово, що составляетъ суть языковѣдѣнія яко науки.

Яковъ Головацкій смотрѣлъ на свою задачу, якъ другіи университетскіи профессору языковъ и ихъ литературъ. Онъ счи-

талъ „рутенскій“ (галицко-русскій) языкъ такимъ, который имѣетъ свою литературу и основывается на историческомъ процессѣ развитія. Языковѣды, занимающіеся говорами дикарей, ограничиваются на собираніи лексикальной части ихъ и отмѣченіи внѣшнихъ формъ рѣчи. Если прійдется имъ на пр. переводити св. писаніе на говоръ дикаго племени, тогда они принуждены изобрѣтати новыи слова для отвлеченныхъ понятій. Они начинаютъ дикій говоръ развити для литературныхъ цѣлей. Яковъ Головацкій не считалъ галицко-русского языка говоромъ некультурного племени, а языкомъ, употреблявшимся прежде въ церкви и школь, имѣвшимъ свои литературныи произведенія и способнымъ выразити отвлеченныи понятія. По той причинѣ между нимъ и гр. Львомъ Туномъ произошло столкновеніе. Гр. Тунъ напомнилъ ему, що онъ долженъ меньше заниматься стариною, а больше изобрѣтеніемъ такого письменного языка, который не имѣлъ-бы свойствъ общерусского и представлялъ собою что-то отдѣльное въ группѣ славянскихъ языковъ.

Иного мнѣнія былъ гр. А. Голуховскій. Онъ предлагалъ „рутенскій“ языкъ совсѣмъ устраниити изъ школь, ибо дальнѣйшее его „развитіе“ кончится принятіемъ черезъ галичанъ великорусского. Ту мысль изложилъ онъ въ провамятномъ письмѣ къ императору отъ 27 декабря 1851 г., которое Бр. Лозинскій ваводитъ въ только-що вышедшемъ выпускѣ *Przewodnik a naukowo-literackiego* за декабрь 1900 г. Въ томъ пись-

мѣ просить Голуховскій императора о учрежденіи по крайней мѣрѣ одной польской гимназіи въ Львовѣ. „Есть то фактомъ признаннымъ всѣми просвѣщенными народами Европы — говоритъ онъ — що польскій языкъ есть выработанный, развитый и усовершенствованный, що дальше выказати можетъ значительную и содержательную литературу мало не во всѣхъ частяхъ человѣческаго знавія, Тотъ фактъ признается даже въ русской части Галичины до того, що никого не удивляетъ, если въ образованныхъ кругахъ галицко-русской интеллигенціи, состоящей преимущественно изъ священниковъ, частѣйше всего употребляется польскій языкъ. Если въ устройствѣ западно-галицкихъ гимназій наука другихъ языковъ опрется на родномъ языкѣ и его литература удостоится надлежащего попеченія, то такой путь, якъ учить опытъ, будетъ вполне соответствовать природѣ и поведетъ къ положительному результату. При помощи родной и иностранныхъ литературъ ученики будутъ могли на основаніи понятного для нихъ родного языка приобрѣтати запасъ знаній изъ различныхъ областей наукъ съ большею пользою для современнаго и грядущаго поколѣній. На томъ пути окажется несомнѣнно въ короткомъ времени подъемъ просвѣщенія. Но якъ же состоитъ дѣло съ галицко-русскимъ населеніемъ? Галицко-русскій языкъ, слышимый въ обиденной жизни, такъ переполненный польскими, лишь немного извращенными выраженіями, що можетъ у необнакомлен-

ныхъ съ здѣшними отношеніями считатись лишь нарѣчіемъ польского языка. Письменный галицко-русскій языкъ или употребляетъ тѣ же слова, щбъ въ польскомъ, или изобрѣтаетъ для пополненія пробѣловъ совсѣмъ новыя и для другихъ лицъ непонятныя слова, или усваиваетъ себѣ „россійскіи“ слова. Оттуда проистекаетъ фактъ, що многимъ русскимъ громадамъ приходится труднѣйше понять законы въ „рутенскомъ“ языцѣ, чѣмъ польскій текстъ, вслѣдствіе чего въ многихъ мѣстностяхъ заявили желаніе, щобы имъ доставляли польскій текстъ. Научныя изслѣдованія относительно „рутенского“ языка находятся еще въ колыбели, а литературы онъ не имѣетъ майже нѣзкой за исключеніемъ церковныхъ книгъ, писанныхъ на непонятномъ старославянскомъ языцѣ. При такомъ состояніи дѣла минетъ еще долгій рядъ лѣтъ, закъмъ можно будетъ съ хорошимъ успѣхомъ учиться другимъ языкамъ на основаніи галицко-русского. Даже въ ту пору, когда то будетъ возможнымъ, будетъ требовати предусмотрительность, щобы хорошо взвѣсити и оцѣнити обстоятельства, пока галицко-русскій языкъ имѣлъ-бы быти преподавательнымъ въ школахъ. Пытливый умъ молодежи, разъ пробужденный, не попадетъ въ застою, но искати будетъ удовлетворенія, а когда вслѣдствіе недостатка родной словесности не найдетъ его въ „рутенскомъ“ языцѣ, поворотитъ къ чуждой

славянської словесности. Въ такому случаѣ искающаго поученія повлечеть къ себѣ сродная „россійская“ литература, если не предупредитъ того въ поодинокихъ случаяхъ особенное индивидуальное влеченіе къ польской литературѣ. Що тѣмъ путемъ стались-бы возможными и подсыщались-бы взгляды и мнѣнія, несогласныя съ положеніемъ государства и непожеланны для католической церкви — того отрицати не можно. Тотъ взглядъ заставляеть сомнѣватись, можетъ-ли когда либо рутенскій языкъ быти преподавательнымъ въ школахъ, а все говорить въ пользу того, чтобы въ школахъ Галичины оставити нѣмецкій языкъ яко преподавательный, а за галицко-русскимъ обезпечити лишь опеку, нужную для его развитія.“

Если по мнѣнію Голуховского „рутенскій“ языкъ есть этапомъ на пути къ „россійскому“, подъ которымъ онъ подразумѣваетъ общерусскій языкъ, и если ту опасность, грозящую государству, предупредити можетъ лишь привитіе у русской молодежи любви къ польской литературѣ — що могъ онъ розумѣти подъ „опекою“ надъ развитіемъ „рутенского“ языка?

Логическимъ умозаключеніемъ розсужденія Голуховского должно было быти — совершенное устраненіе галицко-русского языка изъ школъ. Если же онъ говорить о какой то опецѣ надъ развитіемъ его, то онъ подъ тою опекою розумѣлъ такіи

мѣропріятія правительства, которые соотвѣтствовали бы его взглядамъ о вредности галицко-русского языка для интересовъ государства и католической церкви. Его „опеку“ иначе не можно понимать, какъ лишь въ значеніи стремленія, чтобы галицко-русскій языкъ исподоволь лишати его русскихъ чертъ и сближати съ польскимъ. Такъ какъ главная черта общерусского литературного языка есть его церковно-славянская основа, то неудивительно. если Голуховскій вскорѣ затѣмъ началъ борьбу противъ церковно славянского языка.

Въ концѣ своего пропамятного письма Голуховскій проситъ императора, чтобы галицко-русскій языкъ въ гимназіяхъ восточной Галичины былъ необязательнымъ предметомъ обученія примѣнительно къ желанію родителей и чтобы польская молодежь западно-галицкихъ гимназій могла въ такой же степени владѣти нѣмецкимъ языкомъ, какъ молодежь гимназій восточной Галичины. Последнее его желаніе стояло въ противорѣчій съ другимъ желаніемъ въ томъ же письмѣ, чтобы преподавательнымъ языкомъ въ западно-галицкихъ гимназіяхъ былъ польскій языкъ.

Галицко-русскіи писатели 1848—1860 гг., по мѣрѣ того, какъ основнѣйше ознакомлялись съ прошедшимъ своего народа и сутью литературного языка, проникались убѣжденіемъ, що литературнымъ языкомъ галичанъ можетъ быти лишь общерусскій съ соблюденіемъ малорусского произношенія. Крыл. Маліновскій предлагалъ даже

въ одной статьѣ, чтобы Россія въ школахъ югозападныхъ губерній ввела малорусское произношеніе. По той причинѣ должно было прійти къ недорозумѣніямъ между галицкими русскими и правительствомъ, которымъ въ семъ отношеніи руководилъ Голуховскій. Борьбу ту прекратилъ на нѣкоторое время Шмерлингъ, заявившій, що государство не можетъ вмѣшиватись въ языково-литературныя дѣла, не можетъ предписывать языка своимъ гражданамъ, но должно литераторамъ на поприщѣ литературы оставить полную свободу. Впослѣдствіи однако, когда Голуховскій второй и третій разъ сталъ губернаторомъ, возобновилъ онъ свой прежній планъ „опеки“ надъ развитіемъ галицко-русского языка и осуществилъ его при помощи партіи, составленной нимъ изъ нѣкоторыхъ русиновъ. Та партія пустила въ ходъ аргументы, добытыя живьемъ изъ реляцій Голуховского и рефератовъ Черкавского, облеченныя лишь въ фразы: язычіе, непонимаемость для народа, мертвечина, церковщина, россійщина, московщина, государственная измѣна, самостоятельность и т. д.

Нѣтъ еще обнародованныхъ документовъ, относящихся къ второму и третьему періоду правленія Голуховского, когда образовалась такъ зовимая молодорусская или украинофильская партія, чтобы на ихъ основаніи изобразить вѣрно отношеніе къ ней поляковъ и вѣденского правительства. Яко очевидцы событій можемъ лишь полагать, що Голуховскій и его послѣдователи

хотѣли первоначально украинофильскую партію употребити яко орудіе для розслабленіі галицкихъ русиновъ. Доказательствомъ того служитъ то обстоятельство, що галицкіи русины до новѣйшого времени не получили майже ніякихъ уступокъ ни въ школьной, ни въ политической областяхъ. Справедливость однако требуетъ привести доказательства, которыми оправдывали нѣкоторые изъ виднѣйшихъ украинофиловъ свое поведеніе, стараясь доказать, що они не служатъ орудіемъ поляковъ, а имѣютъ въ виду развитіе русской національности. Ихъ выводы дадутся свести къ слѣдующему :

Галицкіи русины суть слабымъ народомъ. Они состоятъ изъ однихъ неграмотныхъ и умственно неразвитыхъ крестьянъ и священниковъ, составляющихъ единственную ихъ интеллигенцію. Но якою есть та интеллигенція? Двадцать лѣтъ минуло съ поры національного возрожденія галицкой Руси въ 1848 г., однако въ большинствѣ священническихъ семействъ все еще роздается польское слово. (Тѣ взгляды относятся къ времени около 1870 г.) Жены и дочери священниковъ говорятъ майже исключительно по польски. При такомъ состояніи дѣла введеніе польского языка въ школѣ, судѣ и администраціи грозитъ русинамъ совершенною полонизаціею. Якъ русины 1848 г. добыли льготы для своей національности лишь при помощи нѣмецкой бюрократіи, такъ теперь послѣ 1868 г., когда вся власть въ Галичинѣ въ рукахъ поль-

ской шляхты, уступки въ пользу русской національности возможны лишь при помощи поляковъ, приклонныхъ русинамъ. Щобы по крайней мѣрѣ у одной части галицкихъ поляковъ возбудити приклонность для галицко-русского дѣла, нужно сообразитись съ ихъ требованіями, которые сводятся къ тому, щобы мы признавали себе народомъ отдѣльнымъ отъ „россіянь“ и употребляли языкъ, отмѣнный отъ великорусского. Имѣемъ къ выбору: или статись жертвою полонизаціи, или защищати свое существованіе на основаніи малорушины.

На нашу національность государственная власть смотритъ изъ политической точки зрѣнія, политика же послугуется не нравственными началами, а лишь силою и хитростью. Если мы будемъ заявляти себе однимъ съ великороссами народомъ, поляки и правительство сдавятъ насъ. У нашей интеллигенціи, мало не совсѣмъ ополяченной, нѣтъ нравственной силы, щобы противостояти напору. Кто та интеллигенція? То уніятскіи священники. Унія же была введена, щобы служила мостомъ для перехода въ латинство. Чѣмъ больше нерадивымъ былъ уніятскій священникъ или архіерей, тѣмъ больше находилъ одобреніе въ очахъ покровителей уніи. Отъ того произошла полная апатія галицко-русской интеллигенціи, изъ которой трудно ту интеллигенцію розбудити. Она неохотно беретъ книжку въ руки, а если що читаетъ, то по польски. Русскіи книжки, печатанныи во Львовѣ съ 1848 г., лежатъ нероспроданныи. Русскіи

женщины читаютъ лишь романы, писанныи по польски.

Если наша интеллигенція такъ ополяченная и все еще отъ польского языка отвыкнути не можетъ, то къ ней съ рѣчью иначе обращаться не можно, якъ лишь съ-польска. Сказати галицко-русскому интеллигенту: очеркъ, то онъ возразитъ, що того слова не понимаетъ. Но сказати ему: нарисъ, то онъ сейчасъ припомнитъ себѣ польское *zarys* и пойметъ. Говори ему „шутка, острота“ — онъ утверждаетъ, що то слова непонятныи, но скажи ему „до-тепъ“, онъ припомнитъ себѣ польское *dowcip*. Сути литературного языка галицкій русинъ не понимаетъ; ему не можетъ помѣститься въ голову, що литературному языку нужно учиться изъ грамматики и словаря. Въдѣ въ 1830-ти годахъ кидали въ львовской семинаріи польнами на учителя церковно-славянского языка. Главнымъ дѣломъ для насъ — защита передъ полонизаціею. Щобы нашу интеллигенцію склонити къ чтенію русского письма, щобы ю убѣдити, що она не поляки, а русины, слѣдуетъ къ ней обращаться на языкъ, состоящемъ изъ польскихъ словъ съ русскими формами. Въдѣ чешскіи патриоты нѣмецкими книгами пробуждаютъ чешское самосознаніе. Такъ же южно-русскій языкъ 16—17 вв. состоялъ собственно изъ польскихъ словъ съ русскими формами, и не смотря на то сохранилъ русскую національность. Що поляки покровительствуютъ такому коверканію языка и усматриваютъ для себе политиче-

скіи выгоды, не измѣняетъ сути дѣла. Поляки пособствовали развитію козачества, употребляя его противъ Москвы во время самозванческихъ смуть; впоследствии обратили козаки свое оружіе противъ Польши. Клинь клиномъ выбивай. Полонизмъ выбивай у галичанъ полонизмомъ.

Великорусской исторической книжки галицкій русинъ не возьметъ въ руки, заслоняясь тѣмъ, що не понимаетъ, или опасаясь гоненій по причинѣ москвофилства. Но если ту книжку „перелицѣвати“ на польско-русскую „мову“, то достигается гацѣль, що содержаніе ея легче вникнетъ въ міросозерцаніе галицко-русского интеллигента.

Прежде всего нужно навязати тѣсную духовную связь между австрійскою Русью и Україною. Украинская простонародная литература уже языкомъ своимъ есть для галичанъ доступнѣйшая, чѣмъ великорусская. Сверхъ того она чертаетъ образы борьбы малороссовъ съ поляками, що можетъ въ душѣ читателей вызвати сознаніе отдѣльности русиновъ отъ поляковъ. Великорусская словесность есть космополитическая, мало въ ней національного элемента; она изображаетъ преимущественно жизнь высшихъ класъ общества, которыхъ у австрійскихъ русскихъ нѣтъ. Кто станетъ читати украинскихъ писателей, перейдетъ поневолю въ область общерусской словесности, ибо украинскіи писатели писали также по великорусски и украинская сло-

весность считается лишь частью великорусской.

Старорусины, пробующіи писати на общерусскомъ литературномъ языкѣ, суть идеологами, не соображающимися съ дѣйствительностью. Изъ ихъ „язычія“ смѣются въ Россіи. Молодорусины лучше знаютъ по великорусски, однако не пишутъ на семъ языкѣ, ибо оно принесло бы лишь вредъ австрійской Руси — по политическимъ причинамъ. Старорусины должны замолкнуги на нѣкоторое время и не мѣшати молодорусинамъ въ добываніи правъ для галицко-русского языка въ школь и государственной администраціи.

Верховодящіи польскіи круги хотѣли въ молодорусинахъ имѣти послушное орудіе противъ Россіи и старорусской партіи въ Галичинѣ и по той причинѣ откровенно заявляли, що лишь тогда могутъ покровительствовати молодорусинамъ и удовлетворити нѣкоторыи ихъ требованія, если молодорусины свою ненависть къ Москвѣ и старорусинамъ докажутъ дѣломъ. Нѣтъ ни малѣйшего основанія утверждати, будто бы отъ молодорусиновъ произошли якіи-нибудь дѣйствительно враждебныи дѣйствія въ семъ отношеніи — вся ихъ борьба противъ исторической русской партіи ограничивалась на газетныхъ статьяхъ, брошурахъ и рѣчахъ, произносимыхъ въ собраніяхъ. Однако все-таки разбитіе русиновъ на двѣ партіи имѣло вредныи послѣдствія для нихъ на политическомъ поприщѣ и было причиною ослабѣнія той энергіи, съ якою они прежде,

особенно въ началѣ 1860-ти годовъ боролись о свои національны права. Также нравственная сила пала у одной части старшого и молодшого поколѣнія русиновъ. Видя, що ругательствами на „Москву“ и старорусиновъ можно приобрѣсти благоволеніе верховодящихъ польскихъ сферъ, молодой люди стали, находясь въ польскомъ обществѣ, хвастатись злословіемъ на „москалей“ и нелестными рѣчами о выдающихся русинахъ, подвизавшихся и положившихъ заслуги около своего народа. Сегодня многіи поляки недовѣрчиво относятся къ такому способу заискиванія у нихъ. На видъ русина, ругающего „москалей“ и старорусиновъ, они качаютъ головою, раздумывая: не укралъ ли онъ и не боится ли онъ наказанія? — не хочетъ ли онъ пасти въ послы? — не хочетъ ли онъ получить якого достоинства?

Съ молодорусскою партією можно согласиться лишь въ томъ, що въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если къ части нашей интеллигенціи не можно обращаться съ рѣчью на литературномъ языкѣ, нужно употреблять такой языкъ, который соотвѣтствуетъ ея вкусу, т. е. въ случаѣ необходимости польскіи слова съ русскими формами. Вообще языкъ, на которомъ пишутъ галицко-русскіи литераторы, не долженъ представляти предмета спора или даже ссоры; онъ можетъ быть лишь предметомъ приличной критики, которою ніякій розумный чловѣкъ не обижается. Дѣло въ томъ, чтобы нашу интеллигенцію поощрити къ принятію

участія въ духовной жизни, возбудити у ней вниманіе для русской исторіи и литературы и поощрити ю вообще къ чтенію книгъ. При подъемѣ ея умственного уровня выравниются всѣ противорѣчія, выяснится всякая неясность, укрѣпится характеръ и она, освѣдомившись въ сути своей національности, трезвѣйше будетъ смотрѣти на языковой вопросъ. У нѣмцевъ былъ періодъ въ ихъ духовной жизни, когда ихъ языкъ былъ испещренъ романизмами; польскій языкъ 17 и 18 вв. обезображали макаронизмы; у одного и другого народа наука и просвѣщеніе привели литературный языкъ къ природной чистотѣ.

Украинцы изъ Россіи, посѣщавшіи въ 1870—1880 гг. Галичину и освѣдомившіися своими очами въ образъ жизни галицко-русской интеллигенціи, были поражены неприниманіемъ участія въ духовной жизни, какое замѣтили у русскихъ галичанъ. Въ нынѣшнее время, когда у западныхъ народовъ въ пору досуга видятъ извощиковъ, робочихъ въ мастерскихъ и кухарокъ въ кухняхъ съ газетами и книжками въ рукахъ, російскіи украинцы замѣчали галицко-русскихъ интеллигентовъ лишь за картами или въ кабакахъ, у галицко-русскихъ женщинъ же они нашли (по ихъ мнѣнію) полное отсутствіе образованія, даже воспитанія. Галицкіи недостатки тѣмъ больше имъ кидались въ очи, що въ Россіи съ долгого времени уже были женскіи гимназіи и, не смотря на малое количество народныхъ школъ, на площадяхъ городовъ

продавались и теперь продаются, на подобіе овощей и зелени, книжки, которыя росхватываются всѣми, кто лишь знаетъ читати. Россійскіи украинцы совѣтовали галичанамъ, ради пробужденія галицко-русской интеллигенціи изъ духовного сна, употреблять въ печатныхъ изданіяхъ драстичнѣйшія слова, могущіи сильнѣйше потрясти нервами, напр. вмѣсто „говорити“ употреблять „гукнути“, вмѣсто „смѣяться“ — „зареготатися“ и т. д. „Если нервы потрясутся — говорили украинцы — то и мозгъ начнетъ работати и ваша дремающая интеллигенція начнетъ проникатися охотою къ литературѣ и искусству. Литературный языкъ, выработанный галичанами въ 1848—1870 гг., считаетъ часть галицко-русской интеллигенціи „язычиємъ“, „мертвеччиною“. Если сей языкъ есть для ней „мертвеччина“, предложите ей къ выбору иной языкъ, въ которомъ они усматривали бы больше жизни. Слѣдуетъ соображатися съ вкусомъ и влеченіемъ людей. Вотъ на примѣръ если улицею идетъ важно серьезный человекъ, публика на него не обращаетъ вниманія. Онъ для ней „мертвеччина“. Но если на улицѣ покажется арлекинъ, скачущій и шутящій, вся публика остановится и съ удовольствіемъ будетъ смотрѣти на сіе изъявленіе жизни. Языкъ вашихъ старорусскихъ литераторовъ есть дѣйствительно важный, осанистый, напоминающій торжественную возвышенность церковного языка. Онъ сходный съ нашимъ литературнымъ языкомъ 18 вѣка, когда богословскіи

науки составляли основу нашей умственной жизни. По той причинѣ онъ не можетъ нравиться людямъ, искающимъ цѣли жизни въ удовольствіяхъ. Ваша же интеллигенція любитъ забаву и шутки („вицы (Witze) пускати“ говорили съ нѣмецка въ 1848—1870 гг.). Для нея нуженъ больше забавный языкъ.“ (Примѣнительно къ такимъ взглядамъ пок. Кулишъ доставилъ Барвинскому матеріалъ для его читанки, ставшей въ послѣдствіи предметомъ строгой критики съ стороны старорусновъ...)

Не дастся отрицати, що тѣмъ путемъ удалось молодорусинамъ привлечь на свою сторону ту часть галицко-русской молодежи, которая въ противномъ случаѣ несомнѣнно перешла-бы въ польскій таборъ. Такъ какъ они при всякой случайности представляли на видъ свою ненависть къ „Москвѣ“ и москвофиламъ и въ Россіи, якобы въ подтвержденіе оной враждебности, вышли указы, стѣсняющіи украинскую словесность, то галицкимъ украинофиламъ удалось добиться также введенія ихъ языка яко преподавательного въ нѣсколькихъ гимназіяхъ и двухъ катедръ на львовскомъ университетѣ. Однако съ одной стороны языковая распря, принявши политическій характеръ, тормазитъ дальнѣйшее развитіе галицко-русской національности, съ другой стороны языкъ, рекомендованный кіевскими украинофилами, не оказался орудіемъ, пригоднымъ для науки и поэзіи. Воспитаніе, веденное въ его дусъ, издало „русиновъ“ — но людей слабой воли и слабого характера,

при томъ съ немалою долею наклонности къ спорамъ.

Вся причина неотрадного положенія австрійской Руси въ духовной области лежитъ въ томъ, що начавши съ 1848 г. литературный языкъ галичанъ не пользовался необходимою для его развитія свободою и сдѣлался лишь предметомъ политическихъ розчетовъ, въ чемъ главная вина падаетъ на гр. Агенора Голуховского.

У. Экономическіи дѣла Галичины въ 1846—1859 гг.

Имя гр. Агенора Голуховского тѣсно связано съ великою соціальною и экономическою реформою, именно съ отмѣною панщины въ Галичинѣ.

Поземельными отношеніями Галичины австрійское правительство принуждено было заняться тотчасъ послѣ рѣзни 1846 г., ибо мазурскіи крестьяне послѣ того событія считали панщину несуществующею и перестали работати въ панскихъ усадьбахъ. Правительство признало крестьянамъ, на-тентомъ отъ 13 апрѣля 1846 г., въ награду за объявленную лояльность, лишь снесеніе такъ зовимыхъ вспомогательныхъ дней и далекихъ подводъ, также право представляти жалобы непосредственно въ циркулы, панщина же осталась въ прежнихъ размѣрахъ. Въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ западной Галичины возникли формальные бунты, виновниковъ которыхъ циркулы принуждены были карати. Канцлеръ Инцаги былъ

въ затрудненіи и призвалъ на помощь „испытанную осмотрительность“ бар. Крига, отправляя къ нему въ апрѣлѣ 1846 г. довѣрительный рескриптъ. Генераль-губернаторъ арх. Фердинандъ, находясь въ Вѣднѣ, занимался дѣломъ панщины, при чемъ его записки писалъ секретарь Сала. Въ Вѣднѣ опасались, чтобы мазурское движеніе не воздѣйствовало на другіи провинціи государства. Въ концѣ рѣшились панщину замѣнить на оброкъ (чиншъ). Возникла также мысль капитализовати панщину въ облигаціяхъ, обчисляя ю на 30 или немного больше миліоновъ. Однако съ другой стороны опасались, чтобы польская шляхта облигацій за границею не обратила въ гроши и не подкрѣпляла революцію. Арх. Фердинандъ пришелъ къ тому заключенію, що лучше оставити панщину въ тогдашнемъ ея состояніи и лишъ назначеніе мандаторовъ и юстиціаріевъ предоставити правительству. Если бы же панщина была замѣнена на оброкъ, въ такомъ случаѣ совѣтовалъ арх. Фердинандъ, чтобы правительственные касы не брали на себе обязательства взыскивати и выплачивати оброкъ помѣщикамъ. Всѣ тѣ проекты передали изъ Вѣдня бар. Кригу во Львовъ и приказали ему составити комисію.

Комисія собралась въ маѣ 1846 года. Членами ея были: львовскій староста и надворный совѣтникъ Мильбахеръ, староста изъ Тарнова Чечъ фонъ Линденвальдъ, губернскій совѣтникъ и референтъ комисіи Эмингеръ и яко эксперты, порученныи изъ

Вѣднѣ, гр. Агеноръ Голуховскій и Маврикій Краинскій. Послѣдній былъ помѣщикомъ въ Сяноцкомъ и состоялъ прежде на государственной службѣ.

Комисія признала крестьянскую землю собственностію крестьянъ, за которую они не обязаны къ ніякому вознагражденію. Бар. Кригъ сказалъ: Государственные законы, начавши съ 1785 г., ограничили право помѣщиковъ, распорядитись крестьянскими землями, и расширили права собственниковъ тѣхъ земель въ такой степени, что, по мнѣнію каждого знатока галицкихъ отношеній, дѣло идетъ развѣ о точномъ наименованіи фактическаго положенія, чтобы права подданныхъ къ землямъ признаны были ихъ доходнымъ имуществомъ. Лишь повинности, обременяющіи крестьянскія земли, могутъ быть предметомъ вознагражденія.

Касательно вознагражденія за повинности крестьянъ, поставила комисія принципомъ, чтобы за основу его принята существующій катастръ, земельную подать, свидѣтельствующую о чистомъ доходѣ крестьянской земли, и урбаріальныя фасіи помѣщиковъ, съ другой же стороны, чтобы вознагражденіе такъ опредѣляти, чтобы оно не превышало половины чистого дохода крестьянской земли и вмѣстѣ съ тѣмъ не уменьшало цѣны повинностей больше, якъ о 30%. Помѣщики освобождаются отъ обязательства давати пособія крестьянамъ въ случаѣ нужды и заступати ихъ передъ судомъ. Помѣщики могутъ закругляти свои

земли. Будутъ введены земельныя книги. Ренту для помѣщиковъ платятъ не одни крестьяне, а цѣлый край, вслѣдствіе чего подати уболятся о четыре крейцары отъ гульдена. Взысканіе той ренты не принадлежитъ къ обязанностямъ государственной власти (слѣдовательно взимати ю имѣли сами общины). Крестьянскія земли должны быти неподѣльными.

Голуховскій и Краинскій не согласились съ большинствомъ комисіи, а предложили свое *voitum separatum*. Въ началѣ своей записки они сослались на рѣшенія станового сойма въ 1843 и 1844 г. и заявили, що прежде, чѣмъ думати о отмѣнѣ панщины, слѣдуетъ усмирить броженіе, господствующее въ краѣ, и устранить испугъ (*Einschüchterung*) помѣщиковъ. Если бы же барщина имѣла быти отмѣнена, нужно по повѣтамъ опредѣлити минимальный размѣръ крестьянскаго хозяйства, могущаго пропитати семью и удовлетворити повинности, обременяющія его, впрочемъ надобно за крестьянами оставити свободу дѣлать свои земли. слѣдуетъ приостановити бесплатное полученіе крестьянами строительнаго матерьяла, топлива и срубленныхъ сучьевъ, ибо того требуетъ лѣсная культура. Размѣры вознагражденія за повинности слѣдуетъ основати на урбаріальныхъ фасіяхъ, предлагаемыхъ помѣщиками правительству для подати. Изъ годичной цѣны тѣхъ повинностей слѣдуетъ высчитати 5% на издержки, соединенныя съ управленіемъ урбаріальныхъ повинностей, 5% яко вознагра-

гражденіе для крестьянъ за потерянное право пастбища на помѣщичьихъ паренинахъ и жнивахъ (стернинѣ), 10% за потерю права получить строительный матерьялъ, топливо и сучья, 10% за прекращеніе бесплатнаго патримоніальнаго судопроизводства, заступства за крестьянъ передъ судомъ, содерживанія мѣстной полиціи, содѣйствія при рекрутскомъ наборѣ и отправленія санитарной полиціи. Остальное составляетъ вознагражденіе для помѣщика. Община можетъ разомъ сложити припадающую на ню суму, изъ которой одна часть идетъ въ касу за урбаріальную подать, прочее получаетъ помѣщикъ съ условіемъ о обезпеченіи правъ кредиторовъ. Если община не можетъ сложити разомъ всего капитала, помѣщикъ получаетъ 4% облигаціи съ правомъ, получить кварталъно свой процентъ и 1% титуломъ уплата капитала. Ручательство въ платежѣ даетъ цѣлая община солидарно, не край.

Голуховскій и Краинскій прибавили къ своему реферату годичную цѣну всѣхъ урбаріальныхъ повинностей въ Галичинѣ (съ изъятіемъ вел. княжества краковскаго) на основаніи фасіи урбаріальной подати за 1846 г. Она составляла суму 5,800.084 зр. Если вычетати издержки управленія повинностей, вознагражденіе за пастбище, лѣсъ, топливо и т. д., щбъ составляло по обчисленію Голуховскаго 1,740.025, затѣмъ урбаріальную подать въ сумѣ 531.668 зр., то остается 3,528.391 зр. яко годичная индемнизация за подданчій повинности. Голу-

ховскій обчисливъ дальше, на основаніи 5% общую суму, которую помѣщики должны были получить, въ 70,567.822 зр., т. е. сверхъ вдвое больше, чѣмъ полагало большинство комисіи, которое хотѣло также уплату розложить на цѣлый край, когда напротивъ Голуховскій и Краинскій предлагали обременити нею лишь крестьянъ. Голуховскій и Краинскій были того мнѣнія, що помѣщики должны получить 4% облигаціи. По истеченіи десяти лѣтъ шляхта получила, якъ утверждаетъ д-ръ Николай Зыбликевичъ въ своемъ сочиненіи: *Indemnizacja, Kraków 1880*, суму 75,371.638 зр. въ 5% облигаціяхъ (по вѣрнѣйшему сообщенію Земляковскаго, сдѣланному въ засѣданіи сойма въ 1865 г., 93,795.277 зр.)

Оба проекта были посланы въ Вѣдень и въ Галичину прибылъ яко уполномоченный придворный комисаръ гр. Рудольфъ Стадіонъ. Вслѣдствіе его порученія издала львовская губернія 25 ноября 1846 г. циркуляръ къ старостамъ, управльняющій дѣло панщины на основаніи патента отъ 12 іюня 1786, патента отъ 13 апрѣля 1846 г. и высочайшого повелѣнія отъ 12 ноября 1846 г. Въ циркулярѣ губерніи было постановленіе, чтобы мѣру подданчихъ повинностей составляла половина дохода изъ всей подданчей земли по вычетавіи издержекъ обработки и до такого размѣра панщина распредѣлилась въ новыхъ регистрахъ между поодинокихъ домохозяевъ на основаніи уплачиваемой ими подати. Были у-

становлены особыи класы для панщины пѣшей, особыи для упряжной.

Тотъ циркуляръ вызвалъ неудовольствіе и шляхты и крестьянъ. Шляхта роптала, що потеряла половину дохода, крестьяне негодовали, що панщина дальше будетъ. Нѣкоторые изъ шляхты, числомъ 45, предложили 23 января 1847 г. бар. Кригу просьбу къ императору, чтобы позволилъ собратись сойму или шляхтѣ вообще для совѣщаній въ дѣлѣ отмѣны панщины и составленія соотвѣтственныхъ предложеній. Бар. Кригъ, посылая ту просьбу канцлеру Инцаги, прибавилъ ео своей стороны, що просьбу слѣдуетъ оставить безъ вниманія, ибо шляхта хочетъ отмѣну панщины отсрочити на неопредѣленное время. Вскорѣ затѣмъ оставилъ Кригъ — „демонъ края“, якъ его поляки называли — свой постъ и губернаторомъ сталъ Фр. Стадіонъ.

Гр. Стадіонъ занялся также дѣломъ отмѣны панщины и уже съ первого раза обнаружилось, що онъ стоитъ подъ вліяніемъ Голуховского. Стадіонъ выслалъ въ Вѣдень новый рефератъ, въ которомъ одобрилъ проектъ Голуховского.

Обстоятельства торопили правительство къ самому скорому рѣшенію аграрного вопроса. Въ началѣ 1847 г. возникъ въ западныхъ округахъ Галичины голодъ, въ виду котораго правительство нашлось въ безвыходномъ положеніи. По предписаніямъ закона помѣщики были обязаны доставляти крестьянамъ помощь въ случаѣ нужды, однако они отговаривались, що у нихъ са-

мыхъ нужда и они не въ состояніи помогати другимъ. Въ селѣ Мешня шляхетская возлѣ Тухова умерло въ февраль 1847 г. дитя у крестьянина — голодная семья съѣла трупъ. О томъ ужасномъ событіи доложилъ тарновскій староста губерніи письмомъ отъ 23 февраля 1847 г. Тотъ же староста писалъ 22 іюня 1847 г., що населеніе тащится толпами изъ селъ въ Тарновъ и или по дорозѣ умираетъ, или наполняетъ улицы города, прося милостыни. Въ окрестности Живца и Вадовичъ можно было видѣти при дорогахъ умирающихъ людей и непохороненныхъ труповъ. Кальбергъ, бывшій тогда генеральнымъ директоромъ архикняжескихъ имѣній въ Силезіи и западной Галичинѣ, встрѣтилъ однажды на дорозѣ сельскаго паробка, ѣхавшаго возомъ и сидѣвшаго въ немъ на гробѣ. „Що везешь?“ — спросилъ Кальхбергъ. — „Мою мать, що умерла изъ голода“ — отвѣтилъ паробокъ и поѣхалъ дальше, весело посвистывая. Въ Судовой Вишнѣ мати уpekла свое дитя и съѣла. Въ другихъ сторонахъ люди мертвецовъ несли въ трупарню, клались на землѣ возлѣ нихъ и умирали. Кальхбергъ, ставши впоследствии вице-президентомъ намѣстничества, посѣтилъ однажды карное заведеніе во Львовѣ. Ему показывали между арестантами 18 лѣтняго паробка, который, будучи мальчикомъ, въ 1847 г. на пастбищѣ зарѣзалъ свою четырехлѣтнюю сестру, сжарилъ ю и съѣлъ.

Въ тарновскомъ циркулѣ крестьяне стали угрожати шляхтѣ, що она не испол-

няетъ своихъ обязанностей, не даетъ предписанныхъ пособій и такимъ способомъ есть виновницею голода. „Шляхта — говорили мазуры — хочетъ истребити хлопвъ. Od Krakowa do Tarnowa nie zostanie chłopska głowa“... Оласались новой рѣзни и военный комендантъ Тарнова бар. Вецларъ доложилъ о семъ Гамерштайну, сей же извѣстилъ губернію.

Губернія установила въ мартъ 1847 г. голодовую комисію, раздававшую пособія въ наличныхъ и хлѣбъ. На ту цѣль были употреблены: вспомогательный краевый фондъ, зачеты изъ государственныхъ фондовъ, заемъ изъ буковинского гр.-оріентального фонда и пожертвованія, собранныи изъ цѣлого государства. Хлѣбъ правительство привозило изъ Моравіи и Силезіи на счетъ шляхты.

Осенью 1847 г. гр. Стадіонъ принялъ правленіе львовской губерніи. Получивши отчетъ голодовой комисіи, онъ въ началѣ 1848 г. издалъ рескриптъ къ старостамъ слѣдующаго содержания: „Причина голода, навѣстившаго населеніе Галичины, лежитъ въ томъ, що на одномъ грунтѣ живетъ надто много семействъ. Власти поступали неосмотрительно, допуская до несорозмѣрности между количествомъ населенія и силами края и не предупреждая того зла. Никто не старался, чтобы черезъ распространеніе промышленности или черезъ другого рода употребленіе излишнихъ силъ умножити средства пропитанія. Также не вывели крестьянъ изъ ихъ равнодушія и

лѣни. Не научили крестьянина оглядаться на собственные силы, на самопомощь. Слѣдуетъ сорвати съ исполняемою до сихъ поръ практикою: спасати крестьянъ на счетъ шляхты, дарами изъ ея кармана. Крестьяне думаютъ, що имъ самымъ о себѣ промыслати не нужно. Зажиточнѣйшіи изъ нихъ спускаютъ съ рукъ или наскоро съѣдаютъ свою уборку хлѣба, щобы сдѣлаться участниками пособій. Обязательство, помогати крестьянамъ въ нуждѣ, обременяетъ дворы и деморализуетъ населеніе. Нѣкоторые старосты предлагали, щобы въ случаѣ неурожая помѣщикамъ воспретити производство водки изъ картофеля и жита. Та мѣра нарушаетъ право свободного распоряженія своею собственностью и сопротивляется промышленно-хозяйственному законодательству. То же старосты предлагали дальше, щобы въ время неурожая пріостановити панщину и заставить помѣщиковъ платити крестьянамъ за работу въ полѣ. Та мѣра также недопустима, ибо мало есть дворовъ, распоряжающихся запасомъ наличныхъ и способныхъ платити за всѣ работы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. вмѣсто того слѣдуетъ въ случаѣ неурожая производить публичные работы на счетъ общинъ, дворовъ, края и государства, прежде всего строити дороги и предпринимати меліорации. Нужно также оживити кустарный (домашній) промыслъ и открыти для него пути сбыта, на пр. полотно ткачей могли бы покупати карныя заведенія и войсковыи

магазины. Также необходимо въ случаѣ неурожая давати крестьянамъ бесплатно соль. Общины должны у себе устроить правильную опеку надъ нищими. Старосты и духовенство должны въ томъ смыслѣ поучати населеніе. Доминіи могутъ у легкомысленныхъ крестьянъ брати часть хлѣба для сохраненія.“

На одно лишь не обратилъ Стадіонъ въ своемъ рескриптѣ вниманія, именно, якъ могъ крестьянинъ въ случаѣ нужды самъ себѣ помогати постороннимъ заработкомъ или промышленностью, если онъ обязанъ былъ къ панщинѣ и ему нельзя было оставлять село? Панщина ему вязала руки и не смотря на признанную ему личную свободу, все таки его закрѣпощала.

Самъ Стадіонъ понялъ въ послѣдствіи, що для осуществленія его проектовъ, имѣвшихъ предотвратити голодовыи сдѣны 1847 г., все таки необходимо устранить панщину. Когда въ мартѣ 1848 г. въ Австріи начались революційныи движенія, Стадіонъ опасался, чтобы въ Галичинѣ, въ случаѣ новаго неурожая, не присоединилась къ національно-политическому движенію соціальная революція. Онъ, долго ее надумываясь, послалъ въ Вѣдень проектъ, чтобы безотлагательно снести въ Галичинѣ панщину. Министерство объявило 25 апрѣля 1848 г. императорскій рескриптъ отъ 18 апрѣля, которымъ въ Галичинѣ (лишь въ одной Галичинѣ) съ днемъ 15 мая 1848 г. должны прекратитись всѣ изъ подданчей связи истекающіи повинности и тягла, съ засте-

реженіемъ, що имѣющіи къ тому право получаютъ вознагражденіе отъ государства. Одновременно, того же дня, была обнародована конституція.

Переведеніе сей аграрно-соціальной реформы выпало на долю Голуховского, державшаго въ своихъ рукахъ политическую власть. Яко шляхтичъ, онъ держалъ сторону шляхты и защищалъ ея интересы. Съ другой стороны „Русская Рада“, защищавшая интересы русского населенія, старалась оберегати матеріальныи выгоды крестьянъ — и вотъ между Голуховскимъ и „Русскою Радою“ началась распря по причинѣ аграрныхъ дѣлъ, продолжавшаяся до конца существованія „Русской Рады.“

Въ первый разъ возникло разногласіе между Голуховскимъ и „Русскою Радою“ въ маѣ 1849 г. во время перехода русскихъ войскъ. Тогда Голуховскій издалъ циркуляръ къ старостамъ, чтобы силою заставляли крестьянъ помогати помѣщикамъ, за платою, въ уборцѣ сѣна. „Русская Рада“ видѣла въ томъ нарушеніе личной свободы и предлогъ къ всякаго рода злоупотребленіямъ и внесла жалобу въ министерство, имѣвшую тотъ устѣхъ, что министерство въ іюлѣ 1849 г. издало распоряженіе, чтобы во время жатвы лишь добровольныи соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами имѣли право-сильность, всякое же принужденіе не допускалось. Въ томъ же мѣсяцѣ издалъ Бахъ рескриптъ напоминающій чиновникамъ, чтобы крестьянъ не считали зависимыми отъ

пановъ и не допускали со стороны послѣднихъ ніякихъ злоупотребленій.

Панщина была снесена безусловно, право же крестьянъ на полученіе строительного матерьяла, топлива и пастбищъ отъ помѣщиковъ осталось нетронутымъ. Помѣщики вознегодовали и не пускали крестьянъ въ свои лѣсы и на свои пастбища, крестьяне обращались съ жалобами къ „Русской Радѣ“ и въ министерство, министерство отсылало тѣ жалобы Голуховскому съ порученіемъ, изслѣдовати дѣло и рѣшити его безотлагательно. Министерство предоставило въ семъ отношеніи Голуховскому полную свободу. Онъ воспользовался нею и издалъ 27 февраля и 28 февраля 1849 г. къ старостамъ два циркуляры такого содержанія: Пока дѣло сервитутовъ не будетъ рѣшено отдѣльнымъ, уже предвѣщеннымъ закономъ, дворы не могутъ бывшимъ подданнымъ безусловно отказывать въ правѣ пользоваться тѣми же сервитутами, особенно въ правѣ пастбищъ и полученія топлива. Однако касательно полученія топлива — краевая культура требуетъ тщательной охраны лѣсовъ передъ злоупотребленіями. Старосты должны посредствомъ спеціальныхъ комисій временно опредѣлити сами необходимыя потребности крестьянъ въ томъ отношеніи, соображаясь также съ состояніемъ лѣсовъ, и распорядити выдачу топлива за асигнатами, издаваемыми дворами. Старосты должны бывшихъ подданныхъ поучити, що сервитуты прекратятся, якъ лишь появится законъ о

ихъ управленіи. Старосты и комисары должны поучити общины, не имѣющіи на основаніи договора или правосильныхъ рѣшеній властей обширнѣйшого права получать строительный матерьялъ и топливо, которыи прито на основаніи лишь долголѣтняго обычая пользуются правомъ безплатной выборки, що ихъ право состоитъ лишь въ томъ, чтобы бывшіи подданныи въ одномъ черезъ дворъ опредѣленномъ днѣ, разъ въ недѣлю, безъ сокиръ шли въ дворскій лѣсъ и брали отломки и сучья, единственно для собственного употребленія и если они дѣйствительно въ нихъ нуждаются. Подобаеть при семъ внушати крестьянамъ, що будутъ строго наказаны за поврежденіе лѣса или кражу дерева, и вообще остерегати общины передъ посягательствомъ на дворскій лѣсы. Общинамъ, не пользующимся дѣйствительно долголѣтнимъ правомъ полученія топлива и ведущимъ тяжбу о то право, поручается подъ страхомъ суровыхъ каръ не нападати на дворскій лѣсы. Одновременно взываются консисторіи обоихъ обрядовъ, чтобы въ томъ смыслѣ вліяли на народъ.

Такъ вотъ Голуховскій отказалъ крестьянамъ въ правѣ получать строительный матерьялъ, обошелъ молчкомъ дѣло пастбищъ и позволилъ крестьянамъ изъ лѣса брати лишь обломки и лежащіи на землѣ сучья, однако съ тѣмъ ограниченіемъ, що дворъ рѣшаетъ, вужны ли они крестьянину. Дальше постановилъ онъ, що въ случаѣ спора между помѣщикомъ а крестьянами

о лѣсъ, крестьяне такъ долго не могутъ брати обломковъ, пока судъ не рѣшитъ спора. Нужно знати, що сейчасъ послѣ отмѣны панщины мало не всѣ помѣщики замкнули свои лѣсы и мало не всѣ общины были въ спорахъ съ помѣщиками о топливо. Такимъ образомъ циркуляръ Голуховскаго лишилъ крестьянъ права пользоваться своими сервитутами въ панскихъ лѣсахъ.

Голуховскій видѣлъ себе вынужденнымъ, оправдати свой циркуляръ передъ министерствомъ. Онъ писалъ: О полученіи строительнаго матерьяла я не упомянулъ въ моемъ распоряженіи потому, що по моему мнѣнію, которое откровенно я заявити долженъ, выдача матерьяла по мысли іосифинскаго законодательства имѣла единственно цѣлью, содерживати крестьянскіи хозяйства въ такомъ состояніи, чтобы они всесторонно отвѣчали служебнымъ повинностямъ. Та цѣль прекратилась настояще вслѣдствіе устраненія панщины. Въ случаѣ иного взгляда произошло бы чрезмѣрное обремененіе лѣснаго хозяйства съ ущербомъ для края и помѣщиковъ, ибо крестьянинъ, освобожденный отъ бремени панщины, началъ бы расширять свои постройки въ такой степени, какой прежде не зналъ, будучи того увѣренія, що трудится лишь въ свою пользу. Обращаю вниманіе выс. министерства на то, що необходимо привести въ порядокъ дѣло сервитутовъ и издати въ семъ отношеніи необходимыя распоряженія, ибо долгое отлагательство среди нынѣшнихъ отношеній съ одной стороны затрудняло бы помѣщи-

камъ необходимое для краевой культуры отграниченіе лѣсовъ и введеніе рациональнаго лѣсного хозяйства, съ другой стороны подрывало бы лояльность крестьянъ и спокойствіе края. Свободному крестьянину нравится дальшее пользованіе сервитутами, и если ихъ надто поздно устранится, то крестьянинъ больно почувствуетъ ихъ утрату и можетъ взволноватись. Сохраненіе сервитутовъ вызываетъ дальше неудовольствіе и жалобы помѣщиковъ, упрекающихъ правительство въ несправедливости. Правительство съ одного раза снесло панщину и повинности крестьянъ за вознагражденіемъ, которое они получаютъ по истеченіи многихъ лѣтъ, а задержало сервитуты. Помѣщики, въ сровненіи къ крестьянами, обижены. Политика велитъ устранить по крайней мѣрѣ тотъ предлогъ къ жалобамъ и обращаться съ помѣщиками справедливо, если уже не можно превратити ихъ въ друзей правительства. Скорое приведеніе въ порядокъ сервитутовъ, именно относительно дерева, есть впрочемъ необходимымъ изъ взгляда на матеріальныи интересы сельскаго населенія. Несомнѣннымъ фактомъ есть, що въ тѣхъ округахъ края, гдѣ мало лѣсовъ, гдѣ крестьяне отъ дворовъ покупаютъ топливо, народъ больше трудолюбивый, чѣмъ въ лѣсныхъ странахъ, гдѣ право полученія дерева происходитъ въ широкомъ размѣрѣ, панщина же есть незначительная, гдѣ не является потребность зарабатывать на топливо. Приведеніе въ порядокъ сервитутовъ устроить несомнѣнно лучше от-

ношенія также въ послѣднихъ, численнѣйшихъ окрестностяхъ, ибо крестьянинъ такимъ образомъ съумѣетъ лучше оцѣнить стоимость своего наибольшаго капитала, рабочей силы, изъ которой тѣмъ больше можетъ извлекати выгоды, ибо онъ теперь свободенъ и можетъ ю употребляти исключительно въ свою пользу.

Кромѣ лѣсовъ и пастбищъ, еще другое дѣло волновало населеніе. Во время катастра 1820 г. многіи помѣщики подали крестьянскіи земли яко свою собственность и записали ихъ яко доминикальную землю. Крестьянъ не приглашали тогда въ комисіи и они не имѣли случайности домогаться исправленія несообразностей. Теперь помѣщики такихъ крестьянъ лишали земли, которою они (крестьяне) до сихъ поръ фактически владѣли. Обиженные крестьяне вzywали помощи „Русской Рады“, которая въ іюнь 1849 г. отправила, посредствомъ губерніи, письмо къ министру, заступаясь за обезземеленныхъ. „Русская Рада“ просила о составленіе особой комисіи для споровъ о земли, лѣсы и пастбища. Она просила, щобы признати ту спорящую сторону собственникомъ грунта, которая нимъ была 1 ноября 1786 г., ибо іосифинскій катастръ былъ составленъ при соучастіи крестьянъ. Депутація „Русской Рады“, явившаяся въ концѣ сентября 1849 г. въ Вѣднѣ, ходила по всѣмъ министрамъ и возобновляла представленія и просьбы Рады.

Въ дѣлѣ отнятыхъ земель министерство ничего не сдѣлало, а отсылало жалоб-

щиковъ на дорогу судебного порядка, относительно же сервитутовъ оно колебалось, оставити ли ихъ, приведши въ порядокъ, или упразднити посредствомъ индемнизаціи? Въ изданныхъ по 1850 г. указаніяхъ для львовской губерніи разъ на первомъ планѣ ставило выкупъ, значить упраздненіе, другой разъ — регуляцію, значить оставленіе сервитутовъ.

Между тѣмъ споры и тяжбы между доминіями и крестьянами не сходили съ дневной очереди. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходило до столкновеній, которыя усмиряла политическая власть при помощи войска, употреблявшаго иногда оружіе. Въ галицкихъ и вѣденскихъ газетахъ завязалась полемика на основѣ галицкихъ отношеній; одни держали сторону шляхты, другіи крестьянъ. Oesterr. Correspondenz писала въ н-рѣ 152 отъ 1849 г.: „Галицко-русскихъ селянъ обвиняютъ въ коммунизмѣ. То хитро обдуманый способъ, чтобы основательность жалобъ о земли ввести въ подозрѣніе. Польскіи помѣщики отнимаютъ у крестьянъ пастбища, вырубуютъ лѣсы на рустикальныхъ земляхъ и арендуютъ ихъ жидамъ. Селяне стали лучше вести хозяйство и заводятъ у себе трезвость, шляхта же не можетъ вести хозяйства, ибо у ней нѣтъ наличныхъ и выпускаетъ свои имѣнія въ аренду жидамъ. Шляхта все больше задолжается“... Допись въ 43 н-рѣ „Галицкой Зори“ за 1850 г. признаетъ, що въ перемышльскомъ циркулѣ помѣщикамъ трудно получить робочихъ; лишь въ селахъ съ

бѣднѣйшимъ населеніемъ народъ идетъ на работу. Потому село съ бѣднѣйшимъ населеніемъ легче находитъ купца, нежели село съ зажиточнѣйшими жителями. По той причинѣ помѣщики пускаютъ свои имѣнія въ аренду жидамъ. Вокругъ Перемышля и Мостискъ всѣ помѣстья въ рукахъ жидовскихъ арендаторовъ. Жидъ помогаетъ себѣ такимъ образомъ, що зажиточнѣйшихъ крестьянъ беретъ въ компанію и получаетъ свой барышъ.

Въ западной Галичинѣ помѣщикамъ велось хуже, чѣмъ въ восточной. Счасъ въ н-рѣ 294 за 1850 г. говоритъ: „Мазуръ наноситъ помѣщику убытки на поляхъ, на Руси стоитъ стирта хлѣба или стогъ сѣна и никто не крадетъ. На Руси стоятъ стѣнки съ сотнями ульевъ и никто меду не тронетъ. Тамъ конюшни безъ дверей и никто коней не крадетъ. Поджогъ тамъ неизвѣстный. Есть то добродѣтели русиновъ, свидѣтельствующіи о ихъ нравственномъ здоровьѣ, которого мазуръ не приобрѣтетъ и черезъ множество лѣтъ“... Въмѣсто того говоритъ „Галицкая Зоря“ въ н-рѣ 43 названнаго года: „Нужда гнететъ русина больше, нежели мазура, ибо мазуръ больше трудолюбивый и поворотливый. Русинъ въ нуждѣ не рушится и гибнетъ — мазуръ идетъ въ свѣтъ.“

Регуляція, собственно оставленіе сервитутовъ, было для шляхты невыгодно и когда Голуховскій видѣлъ, що въ Вѣднѣ склоняются на сторону крестьянъ, онъ обратился прямо къ императору въ двухъ

представленіяхъ, отъ 25 декабря 1851 г. и 10 января 1852 г. Лозинскій утверждаетъ, що вмѣшательство Голуховскаго имѣло успѣхъ, ибо министерское распоряженіе отъ 5 іюля 1853 г. въ дѣлѣ сервитутовъ было совсѣмъ по мысли Голуховскаго.

Въ тѣхъ представленіяхъ Голуховскій поддержалъ собственно петиціи шляхты, предложенныи императору во время его пребыванія въ Галичинѣ осенью 1851 года. Шляхта утверждала, що сервитуты Галичины суть иного рода, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ. Значительная часть тѣхъ мнимыхъ правъ на участіе въ пользахъ и выгодахъ помѣщичьяго имѣнія, которыи въ другихъ провинціяхъ имѣютъ законный характеръ и суть на дѣлѣ сервитутами, есть въ Галичинѣ (утверждала шляхта) лишь уступкою со стороны дворовъ, даромъ доброй воли помѣщиковъ, пожалованіями вслѣдствіе просьбы крестьянъ. Есть то пользованіе *precario modo* (временное владѣніе, зависящее отъ воли сторонняго лица) и яко такое не подлежитъ праву выкупа. Голуховскій старался то доказати историческими аргументами и просилъ, чтобы дѣло сервитутовъ было прежде рѣшено, предъ началомъ индемнизаціиныхъ работъ. Однако министерство — жаловался Голуховскій — начинаетъ съ индемнизаціи и издало уже въ 1849—1850 гг. распоряженія въ семъ дѣлѣ. Шляхта негодуетъ на такой образъ дѣйствій. Голуховскій жаловался дальше, що его не пригласили къ участію въ совѣщаніяхъ министерской ко-

мисіи, обсуждавшей дѣло индемнизациі и сервитутовъ въ Галичинѣ. „Я былъ тогда — говоритъ Голуховскій — въ Вѣднѣ долгое время и министръ внутреннихъ дѣлъ пригласилъ мене къ участию въ совѣщаніяхъ комитета подъ его предводительствомъ. Однако когда я на приглашеніе министра явился, происходило уже лишь второе чтеніе министерского проекта, совѣщанія же надъ принципами были уже закрыты. Когда я хотѣлъ забрати голосъ, заявили мнѣ, що дѣло уже рѣшено. Такимъ образомъ лишали мене возможности, высказати мое мнѣніе.“ (Въ тѣхъ совѣщаніяхъ участвовали по приглашенію Баха въ дняхъ 27 сентября до 12 октября 1849 г. отпоручники „Русской Рады“ Куземскій и Прокончиць.)

Голуховскій жалуется затѣмъ, що министерское распоряженіе отъ 1850 г. касательно индемнизациі вышло безъ его содѣйствія. Оно страдаетъ недостатками, ибо не опредѣляетъ точно срока, на основаніи котораго можно бы отличити доминикальную землю отъ рустикальной. Дворамъ нельзя безъ соизволенія властей доминикальныи земли превращати въ рустикальныи. Однако въ время управльненія панщины въ 1847 г. циркулярныи чиновники, привыкшіи извращати законы во вредъ шляхты, произвольно признавали доминикальныи земли, отданныи дворами крестьянамъ лишь въ временное пользованіе, рустикальныи, хотя такая перемѣна не была утверждена государственною властью. Распоряженія министерскіи о индемнизациі не отли-

чаются опредѣленностью, ибо допускаютъ въ будущности исправленія касательно вопроса, есть ли земля доминикальною, или рустикальною. Шляхта опасается, чтобы не отняли у ней землю, которую она по доброй волѣ отдала крестьянамъ въ временное владѣніе и предпочитаетъ свою землю оставлять въ зауствнн, чѣмъ отдавати ю крестьянамъ. Щобы выйти изъ такой неопредѣленности, самъ Голуховскій распорядилъ, щобы 1820 г. считати нормальнымъ, по которому власти должны рустикальвую землю отличати отъ доминикальной. Онъ указываетъ вконцѣ на то, що въ другихъ провинціяхъ подданныи должны причинятись къ выкупу своихъ повинностей, въ Галичинѣ же цѣлое бремя вознагражденія помѣщиковъ приняло на себе государство. Въ виду того всѣ, сидящіи на доминикальныхъ земляхъ, захотятъ остаться на нихъ, ибо не должны ничего платити. Голуховскій просить также, щобы галицкая индемнизациійная комисія составляла отдѣлъ львовской губерніи и была отвѣтственною передъ нимъ.

Послѣднему требованію не удовлетворилъ Бахъ, одѣлавши галицкую индемнизациійную комисію зависимою непосредственно отъ себе. Шефомъ ея былъ назначенъ бар. Іосифъ Кальхбергъ, вице-президентъ губерніи.

„Отъ снесенія панщины въ 1848 г. — говоритъ Лозинскій — до сведенія счетовъ индемнизациіи и начала сервитутскихъ дѣлъ въ 1855 г. минуло семь лѣтъ. Въ пр дол-

женіи того времени крестьяне могли пользоваться сервитутами и изъ того были бы происходили погубныи послѣдствія для шляхты, если бы Голуховскій не былъ отчасти очистилъ административныи вѣдомства отъ злыхъ стихій и не далъ нѣсколькихъ примѣровъ дисциплинарныхъ каръ. Чиновники привыкли были въ крестьянахъ видѣти подпору государства, въ шляхтѣ же бунтовщиковъ.“

Голуховскій выхлопоталъ министерское распоряженіе отъ 23 марта 1849 г., по которому помѣщики на счетъ индемнизациі могли получать зачетъ въ высотѣ $2\frac{1}{2}\%$ урбаріальной подати, уплаченной въ 1847|8 г. Въ 1852|3 г. правительство давало имъ зачетъ облигаціями въ большихъ размѣрахъ.

Послѣ мартовской вѣденской революціи 1848 г. нѣкоторые изъ шляхты „демонстраціино“, якъ говоритъ Лозинскій, подарили своимъ подданнымъ панщину. Стадіонъ, опасаясь движенія въ родѣ 1846 г., издалъ 29 марта циркуляръ къ старостамъ, поручая имъ, чтобы въ такомъ случаѣ, если помѣщикъ есть безъ долговъ и свободно распоряжаетъ своимъ имѣніемъ, не ставити ему препятствій въ освобожденіи крестьянъ, если же есть долги, въ такомъ случаѣ судъ долженъ обезпечити претенсіи кредиторовъ. Вообще помѣщики могутъ сносить панщину лишь съ согласія политической власти, непримѣняющіися же къ тому предписанію будутъ караны полиційнымъ порядкомъ. Помѣщикамъ, даровавшимъ добровольно

панщину, комисія не хотѣла признати индѣмнизацию и они могли ю получить только по милости императора. Гр. Стецкій въ Дѣдушичахъ-вел., когда обнародованъ былъ патентъ о снесеніи панщины, сказалъ: „Я самъ даровалъ панщину, цѣсарь не распоряжаетъ моимъ имѣніемъ“... Онъ не получилъ индѣмнизациі.

Для улаженія сервитутскихъ дѣлъ вышли патентъ отъ 5 іюля 1853 и министерское распоряженіе отъ 19 ноября 1857 г. Помѣщику предоставлена была свобода вознаграждать крестьянъ наличными или землею. Сверхъ того законъ постановлялъ, дабы въ случаѣ, если отягощенная сервитутомъ земля помѣщика не давала столько дохода, чтобы изъ ней можно, безъ ущерба для культуры помѣстья, удовлетворити притязанія крестьянъ, послѣдніи довольствовались и меньшимъ вознагражденіемъ. Помѣщики дѣлали изъ того широкое употребленіе и всегда отговаривались малою доходностію своихъ земель. Крестьяне обыкновенно требовали за свои сервитутовые права землю, помѣщики же соглашались лишь на выкупъ наличными. Цѣна панщины обчислялась по современной цѣнѣ труда и плодовъ (цѣна хлѣба, труда и всѣхъ плодовъ земли во время крымской войны и послѣ ней была высока) — цѣна крестьянскихъ сервитутскихъ правъ обчислялась по цѣнѣ 1835—1845 гг., когда хлѣбъ, топливо и лѣсъ были весьма дешевы. Въ пору, когда помѣщикъ требовалъ отъ крестьянъ за возъ дровъ 2—3 гульдены, тотъ же возъ

дровъ былъ почисленъ крестьянину при от-
мѣнѣ сервитутовъ лишь на $8\frac{1}{2}$ кр. и мень-
ше. Сервитуты были долшее время ябло-
комъ роздора между крестьянами и помѣ-
щиками и вызвали около 32.000 процесовъ,
розорившихъ цѣлыя общины и частныя лица.

Голуховскій имѣлъ на поприщѣ своей
экономической дѣятельности прежде всего
выгоды польской шляхты въ виду. Онъ
причинился къ основанію высшей земле-
дѣльческой школы въ Дублянахъ, повздер-
жалъ паденіе курса закладныхъ листовъ
кредитнаго земскаго Общества, приобрѣвши
для нихъ помощь ломбардоваго отдѣленія
въ національномъ банку, основалъ много
филіяльныхъ земледѣльческихъ Обществъ
и выхлопоталъ въ Вѣднѣ заведеніе охра-
нительной пошлины на хлѣбъ на галицкой
границѣ отъ стороны Россіи. Въ 1855 г.
предложилъ онъ записку императору, въ
которой просилъ о опеку надъ правомъ
пропинаціи, пострадавшей отъ упраздненія
патримоніальнаго судопроизводства, и о о-
безпеченіи правового и соціального положе-
нія большого землевладѣнія по отношенію
къ сельской общинѣ. Послѣдніи требованія
оставило министерство безъ вниманія.

Касательно крестьянъ, Голуховскій
давалъ въ голодномъ 1853 г. нуждающимся
займы изъ публичныхъ фондовъ за руча-
тельствомъ цѣлой общины, распорядилъ
постройку дорогъ на протяженіи 47 миль,
вслѣдствіе чего $1\frac{1}{2}$ миліона гульд. wpły-
нули изъ касы между населеніе (въ 1851—
1855 гг. постройка и консервація галицкихъ

державныхъ дорогъ стоила 6 мил. гульд.), перемѣнилъ тягостный для населенія законъ о постоѣ, издалъ новыя предписанія о полевой полиціи и служебныхъ отношеніяхъ и домогался (хотя безуспѣшно) комасаціи земель и введенія ипотечныхъ книгъ для крестьянъ, чтобы ихъ охранити отъ лихвы.

Изъ его дѣятельности, имѣвшей вообще цѣлью экономической подъемъ Галичины, замѣчательнымъ есть проектъ регуляціи Вислы, Дунайца, Сяна, Днѣстра и Буга, планъ постройки водныхъ каналовъ, соединяющихъ рѣки и планъ постройки желѣзныхъ дорогъ и вицинальныхъ путей. Онъ хотѣлъ Галичину посредствомъ Вислы соединити съ Балтійскимъ, посредствомъ Днѣстра съ Чернымъ морями. Тогда дѣлало варшавское Общество пароходства опыты плаванія по Вислѣ и ея притокахъ. Одинъ пароходъ сего Общества о силѣ 18 коней дошелъ на Вислѣ до Кракова, на Дунайцѣ до тарновскаго повѣта, на Сянѣ до Дубецка. Въ 1855 г. военныя сферы требовали, чтобы головная желѣзнодорожная линія шла отъ Перемышля къ правому берегу Днѣстра, оставляя Львовъ на сторонѣ и соединяясь съ нимъ лишь посредствомъ боковой вѣтви. Голуховскій обратился письмомъ отъ 3 іюня 1855 г. прямо къ императору, представилъ вредъ для экономическихъ отношеній провинціи отъ такого росположенія желѣзнодорожной линіи и отнесъ побѣду надъ военными сферами.

Послѣ 1851 г. росписывало правительство такъ зовимыи національныи добровольныи займы, которыи на дѣлѣ были принудительныи. Изъ займа отъ 1851 г. въ сумѣ 85 миліоновъ можно было въ Галичинѣ собрати лишь 428.700 зр. Голуховскій оправдалъ тотъ неудовлетворительный результатъ обѣднѣніемъ края. „Наличныи — писалъ онъ — есть у однихъ евреевъ, но они предпочитаютъ давати ихъ на лихву.“

Послѣ крымской войны хотѣли повысить грунтовую и домовую подати и Бахъ воззвалъ всѣхъ губернаторовъ къ предложенію ихъ мнѣній. Голуховскій отвѣтилъ 19 апрѣля 1856 г.: „Добровольный заемъ отъ 1854 г. въ сумѣ 500 миліоновъ трудно сыскати въ Галичинѣ. Здѣсь росписано 11,800.000 зр., однако до конца февраля 1856 г. заплатили лишь 4,932.768 зр. Податное бремя Галичины и такъ непосильно, ибо здѣсь платятъ непосредственную подать, добавки до краевого и индемнизационного фондовъ, части прежняго національного займа, добавку на торговельныи палаты, налоги для покрытія издержекъ лѣченія, конкуренціи на церковныи, школьныи, дорожныи и водныи постройки, содержатъ школы и управленіе общинъ и платятъ эквивалентъ, налогъ отъ перемѣны собственности и т. д. Недоимки въ податяхъ великии. Повышеніе грунтовой и домовой податей не есть допустительнымъ. Домовая подать и такъ непосильна для плательщиковъ. Хотя изъ дохода отъ дома

въ городѣ, имѣющаго обложиться податью, вычитывается 15% на *sarta tecta*, однако такое облегченіе не стоитъ въ пропорціи къ дѣйствительной потребности. Въ Галичинѣ зима продолжается шесть мѣсяцевъ и по той причинѣ на постройку дома истрачивается большую суму, нежели въ другихъ провинціяхъ, ибо его надобно снабдить устройствомъ, необходимымъ для суровой зимы. Сверхъ того матеріалъ портится скоро отъ сырости климата и часто нужно постройку починяти. Чистый доходъ изъ дома въ городѣ, по уплатѣ податей и другихъ налоговъ составляетъ 2—2½%, рѣдко 3%. Новыхъ домовъ не хотятъ строить и оттого страдаютъ особенно чиновники, платящіи дорого за квартиры и не могущіи ихъ часто найти. За помѣщеніе повѣтовыхъ вѣдомствъ и судебныхъ властей нужно въ Галичинѣ платити высокіи чинши и сверхъ того давати безпроцентныи зачеты на долги лѣта. Голуховскій предлагаетъ вконцѣ, отсрочити податную реформу до конца 1859 г., т. е. до окончанія срока, въ которомъ должны сплатитись національныи займы.

Якъ видимъ, гр. А. Голуховскій, устроивавшій послѣ 1848 г. соціально-экономическіи отношенія Галичины на новыхъ принципахъ, примѣнительно къ духу времени, хотя имѣлъ въ виду экономическій подъемъ подвѣдомственной себѣ провинціи, все таки покровительствовалъ преимущественно интересы шляхты. Для крестьянскаго сословія, вышедшаго изъ подданчей неволи, не сдѣлалъ онъ майже ничего.

Просвѣщеніе сельскаго народа, роспространеніе среди него земледѣльческихъ знаній, улучшеніе крестьянскихъ хозяйствъ, крестьянскій кредитъ, кустарная (домашняя) промышленность не удостоились его вниманія. Относительно народнаго просвѣщенія, Голуховскій, якъ утверждаетъ Кальхбергъ въ своихъ запискахъ, стремился лишь къ тому, чтобы переустройство народныхъ школъ находилось въ его рукахъ, „ибо (якъ говоритъ Кальхбергъ) для Голуховскаго дѣло было въ національномъ и клерикальномъ вопросахъ, отъ котораго всякаго нѣмца надобно было исключить.“

Тотъ Кальхбергъ, вице-президентъ намѣстничества и самостоятельный начальникъ индѣмнизационной комисіи, былъ возлѣ Голуховскаго другимъ устройтеlemъ соціально-экономическихъ отношеній въ Галичинѣ. Хотя противникъ Голуховскаго, успѣлъ онъ пріобрѣсти для себе приклонность шляхты, чѣмъ хвастается въ своихъ запискахъ: *Mein politisches Glaubensbekenntnis in Gedenkblättern aus einer 80-jährigen Pilgerfahrt, Leipzig 1881.* Онъ удостоился чести быти почетнымъ обывателемъ города Львова и членомъ земледѣльческаго Общества. Абанкуръ утверждаетъ, що особенно вождь галицкой шляхты, кн. Левъ Сапѣга, поднялъ его въ общественномъ мнѣніи. Тотъ же Абанкуръ говоритъ въ своей брошурѣ: *Era konstytucyjna*, що вліятельныи личности изъ среды шляхты считали Кальхберга своимъ любимцемъ и тѣмъ заявляли свое нерасположеніе къ Голуховскому. Повиди-

тому, Кальхбергъ яко начальникъ имдемзаціѣной комисіи покровительствовалъ также большше землевладѣніе.

Голуховскій неохотно смотрѣлъ, если кто изъ русиновъ сообщался съ Кальхбергомъ. По сообщенію, которое находимъ въ запискахъ Кальхберга, сказалъ однажды Голуховскій къ еп. Яхимовичу: „Минувшей недѣли видѣлъ я трикратно вашу повозку передъ обиталищемъ Кальхберга“. („Голуховскій по видимому не позабылъ о національно-полиціѣномъ надзорѣ“ — прибавляетъ Кальхбергъ). Епископъ отвѣтилъ: „Всего разъ я тамъ бытъ, дѣла же нашихъ епископскихъ имѣній требуютъ, чтобы пора отъ поры переговорити съ бар. Кальхбергомъ.“ На то Голуховскій гнѣвно двинулъ руками. „Не будетъ въ краѣ покоя — сказалъ онъ — пока тѣхъ нѣмцевъ не побудемся.“

Кальхберга не только часть шляхты, но также русины считали своимъ покровителемъ. Въ своихъ запискахъ такъ говоритъ Кальхбергъ о галицко русскомъ вопросѣ: „Было то мыслию, достойною государственного мужа, що русины изъ восточныхъ округовъ Галичины призваны были къ борьбѣ противъ польской шляхты западныхъ округовъ, що была составлена партія въ дусѣ державного единства противъ враждебного для того единства сепаратизма поляковъ. Пока що та мѣра имѣла цѣлью, скрѣпити абсолютизмъ правительства, однако она имѣла также демократичный характеръ, ибо ставила крестьяни-

на противъ помѣщиковъ, и основывалась на идеѣ общаго государственнаго гражданства. Лишь на той основѣ можно было достигнута цѣли: соединенія Галичины съ Австріею въ одно государство. До той поры она была лишь завоеванною провинціею, держанною въ строгомъ полицейскомъ притѣсненіи. Правительство не умѣло воспользоваться галицко-русскимъ вопросомъ. Политическая мысль Стадіона и Эмингера должна была быти иначе выкорыстана.“

VI. Общая характеристика политики Голуховского относительно русиновъ въ 1848—1859 гг.

Брон. Лозинскій сровнываетъ гр. А. Голуховского съ другимъ современнымъ польскимъ дѣятелемъ, Велепольскимъ въ Варшавѣ. Оба они стремились къ тому, чтобы снискати благоволеніе высшихъ, держащихъ власть въ рукахъ круговъ и при ихъ помощи подняти политическое и матеріальное положеніе своего народа. Велепольскій палъ съ своими планами — Голуховскій ихъ осуществилъ. Голуховскій считалъ шляхту основою и головнымъ факторомъ польской національности и всѣ его заботы были направлены къ улучшенію ея быта. Станувши на аристократическую точку зрѣнія, онъ природнымъ путемъ долженъ былъ попасть въ столкновеніе съ галицкими русинами, которые выставляли на видъ свой демократизмъ и не соглашались съ

національно - политическими стремленіями поляковъ.

Голуховскій всецѣло проникнулся мыслию, що подобаєтъ ослабити и сдавити едва пробудившуюся галицко-русскую національность. Разъ представляетъ онъ вѣденьскому правительству, що галицко-русская національность въ значеніи малорусской, т. е. въ томъ значеніи, какое ей придалъ Стадіонъ, можетъ вызвати въ государствѣ внутренніи и внѣшніи замѣшательства и даже довести къ войнѣ съ Россіею — другій разъ внушаетъ вѣденьскому правительству, що галицко-русская національность, не заявляющая враждебности къ Россіи и не думающая о завоеваніи Украины, есть самую опасною для государства стихіею. Свою ненависть къ русинамъ онъ переноситъ на школьныи и литературно-ученыи дѣла, требуя, чтобы русины отказались отъ тысячелѣтняго своего письма и отъ словъ, употребленныхъ въ письменныхъ памятникахъ прежнихъ вѣковъ. Его борьба противъ церковно-славянскаго языка ничего иного не могла имѣти на цѣли, якъ лишь чтобы подорвати греко-славянскій обрядъ и отчуждiti народъ отъ церкви. Онъ вводитъ — якъ видно изъ записокъ Кальхберга и его реляціи о Хоминскомъ къ министертву — полицейскій надзоръ надъ выдающимися галицко-русскими дѣятелями и велитъ слѣдити за каждымъ ихъ шагомъ.

Русины 1848—1859 гг. умѣли себе защищати и отражати враждебный напоръ.

Правда, тогда были еще нѣмецкіи чиновники въ Галичинѣ и русины имѣли приклонныхъ людей въ Вѣднѣ. Обстоятельства перемѣнились съ 1867 годомъ. Когда въ Галичинѣ мѣсто нѣмецкой бюрократіи заняла польская, когда Австрія распалась на двѣ половины и въ одной изъ нихъ мадьярскій, въ другой же нѣмецкій и польскій патріотизмъ обусловилъ направленіе внутренней политики — галичане лишились прежнихъ своихъ покровителей и союзниковъ и должны были въ неровной борьбѣ падати.

Своею политикою Голуховскій не принесъ пользы ни полякамъ, ни Австріи. Онъ, если не вызвалъ, то усилилъ вражду между обѣими народностями Галичины, не позволилъ имъ соединиться для общаго труда на экономическомъ и вообще культурномъ поприщѣ, а заставилъ ихъ теряти силы въ безцѣльной борьбѣ. Прививая у своихъ земляковъ духа нетолеранціи, онъ обезславилъ свой народъ и подалъ предлогъ на пр. къ примѣненію истребительныхъ мѣръ относительно польской національности нѣмцамъ въ Пруссіи, которыя каждое мѣропріятіе, имѣющее цѣлью уничтоженіе польской стихіи, оправдывали поведеніемъ поляковъ въ Галичинѣ. Австріи Голуховскій нанесъ вредъ, роздражая русиновъ и возбуждая племенную ненависть въ одной изъ самыхъ важныхъ провинцій. Касательно же русиновъ, онъ задержалъ и затормозилъ ихъ культурное развитіе и хотя въ второмъ и третьемъ періодѣ своего правленія составилъ преданную себѣ партію, то все-таки

большая половина ея внослѣдствіи отвернулась отъ голуховщины и заявляла неудовольствіе изъ-за порядковъ, заведенныхъ Голуховскимъ.







